

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение  
высшего образования  
«Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина  
(Технологии. Дизайн. Искусство)»

На правах рукописи

**Семенова Алиса Александровна**

**ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕФЛЕКСИВНО-  
СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ  
(НА МАТЕРИАЛЕ ИСПОВЕДАЛЬНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В РОМАНЕ  
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»)**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация  
на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

**Научный руководитель:**  
кандидат филологических наук, доцент  
Переволочанская Светлана Николаевна

Москва 2026

## ОГЛАВЛЕНИЕ

<b>ВВЕДЕНИЕ</b> .....	4
<b>ГЛАВА 1. РЕФЛЕКСИВНО-СМЫСЛОВАЯ СФЕРА КАК СМЫСЛОВАЯ ПАРАДИГМА СОЗНАНИЯ И СПОСОБЫ ЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ</b> .....	24
1.1. Исповедальный дискурс: репрезентация рефлексивно-смысловой сферы сознания языковой личности.....	24
<i>1.1.1. Лингвокогнитивная специфика исследования исповедального повествования романа Ф.М. Достоевского</i> .....	30
<i>1.1.2. Феномен автокоммуникации как способ представления рефлексии языковой личности</i> .....	40
1.2. Динамическая структура языковой картины мира в смысловом пространстве исповедального дискурса Ф.М. Достоевского .....	46
1.3. Принцип организации рефлексивно-смысловой сферы исповедального дискурса ....	58
<i>1.3.1. Когнитивно-семантическая специфика языкового знака и механизмы его интерпретации</i> .....	58
<i>1.3.2. Смысловые доминанты в системе рефлексивно-смысловой сферы</i> .....	62
<i>1.3.2.1. Диалогическая доминанта сознания и способы ее вербализации</i> .....	62
<i>1.3.2.2. Волитивная доминанта сознания и способы ее вербализации</i> .....	65
<i>1.3.3. Лингвокогнитивное моделирование рефлексивно-смысловой сферы</i> .....	69
<b>Выводы по ГЛАВЕ 1</b> .....	73
<b>ГЛАВА 2. ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ КОНТЕКСТОВ АВТОКОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЙ</b> .....	76
2.1. Статусно-семантические роли при реконструкции фрейма .....	76
2.2. Анализ ситуации автокоммуникации «Объяснение поездки в Петербург» .....	82
2.3. Анализ ситуации автокоммуникации «Описание рассуждений у Дергачева» .....	88
2.4. Анализ ситуации автокоммуникации «Размышления у князя Сергея Петровича».....	95
2.5. Анализ ситуации автокоммуникации «Беседа с Макаром Ивановичем Долгоруким»	101
2.6. Анализ ситуации автокоммуникации «Аркадий Долгорукий под арестом» .....	108
<b>Выводы по ГЛАВЕ 2</b> .....	114
<b>ГЛАВА 3. ПОЛИГОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОПИСАНИЯ РЕФЛЕКСИВНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ СОЗНАНИЯ ДИСКУРСИВНОЙ ЛИЧНОСТИ</b> .....	119
3.1 Когнитивно-семантический анализ вербализаторов рефлексивно-смысловой сферы сознания дискурсивной личности .....	119

<i>3.1.1. Анализ потенциосферы концептуального аттрактора 'идея'.....</i>	126
<i>3.1.2. Когнитивно-семантический анализ аксиологем тайна, уединение, правда, любовь</i>	140
<i>3.1.3. Когнитивно-семантический анализ символов угол, мрак, смех, свет.....</i>	162
<i>3.1.4. Идентификация диалогических доминант сознания.....</i>	177
<b>3.2. Концептуальный анализ волитивной доминанты рефлексивно-смысловой сферы сознания личности: идентификация волитивных доминант сознания .....</b>	<b>181</b>
<b>3.3. Полигональная модель рефлексивно-смысловой сферы сознания дискурсивной личности как реализация совокупности методов .....</b>	<b>200</b>
<b>Выводы по ГЛАВЕ 3 .....</b>	<b>206</b>
<b>ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....</b>	<b>208</b>
<b>СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ .....</b>	<b>212</b>
<b>СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА .....</b>	<b>235</b>
<b>СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ .....</b>	<b>236</b>
<b>ПРИЛОЖЕНИЕ А. ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ СЛОВАРЯ ИНТЕГРАТИВНОГО ТИПА «РЕФЛЕКСИВНО-СМЫСЛОВАЯ СФЕРА ДИСКУРСИВНОЙ ЛИЧНОСТИ ИСПОВЕДАЛЬНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО “ПОДРОСТОК”».....</b>	<b>237</b>
<b>ПРИЛОЖЕНИЕ Б. СОСТАВ СЛОВНИКА И СТРУКТУРА СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ ...</b>	<b>240</b>
<b>ПРИЛОЖЕНИЕ В. СЛОВАРНЫЕ ПОМЕТЫ .....</b>	<b>248</b>
<b>ОБРАЗЦЫ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ.....</b>	<b>250</b>

## ВВЕДЕНИЕ

**Актуальность проблемы исследования.** Научные работы в современном языкознании характеризуются антропоцентрическим подходом, который заключается в исследовании вербализации ментальных процессов и репрезентаций знаний в языке. В центре исследования представлена языковая личность как сложный динамический феномен, изучаемый в рамках таких научных дисциплин, как когнитивная лингвистика, лингвоперсонология, психолингвистика и ряд смежных направлений. Актуальность данного подхода определяется смещением исследовательского фокуса с абстрактной языковой системы на человека как носителя языка и на изучение взаимосвязи между языком, сознанием и мышлением. На современном этапе развития когнитивной лингвистики формируется новый предмет дискурсивного исследования – в анализ вовлечены языковые и речевые явления, которые репрезентируют сознание и интенциональность субъекта речи [Резанова 2010: 198].

Представленное диссертационное исследование написано в рамках лингвокогнитивного, психолингвистического и психосемантического анализа языковой личности на материале исповедального дискурса романа Ф.М. Достоевского «Подросток». Актуальной исследовательской проблемой является продукт мыслительной деятельности субъекта, которая представляет собой «смысловую» рефлексию при отражении реальных объектов в картине мира – чувственной модели мира языковой личности. Данная модель – это результат процессов концептуализации и категоризации личного опыта познания языковой личности, ее саморефлексии и автокоммуникации. Такое описание предполагает процесс *субъективизации*, а именно: привлечения экстралингвистической информации, связанной не только с фоновыми знаниями, но и со спецификой психологических особенностей личности, ее коммуникативными целями, с ситуациями общения – типом речевого события, статусно-ролевыми характеристиками участников и др. Контекст употребления в этих условиях выступает *объективным регулятором*, обеспечивающим достоверность

интерпретации текста. Важным фактором при этом является функциональный подход в научном описании представленных выше фактов: содержание языковых единиц зависит от типа дискурса, который обеспечивает смысловые приращения. Языковая единица в дискурсе не может быть статичной, она функционирует как динамический феномен.

Исследование структуры сознания языковой личности исповедального дискурса является перспективным направлением для описания языковой картины мира Ф.М. Достоевского, позволяющим выявить в исповедальном повествовании ключевые смысловые векторы и их роль в формировании рефлексивно-смысловой сферы сознания личности подростка. В рамках данной диссертационной работы предпринята попытка рассмотреть проблему существования феномена свободы воли и способов его вербализации. Данный феномен описан через термин *волевая доминанта сознания* в рамках рассуждений о способности управлять функционально-семантическими доминантами на поведенческом, эмоциональном и когнитивном уровнях человека в системе автокоммуникации языковой личности. Выявить феномен свободы воли возможно только в том случае, если текст является средством отражения динамики работы метакогнитивных состояний и рефлексивных процессов субъекта речи, то есть является исповедальным текстом. В нем расширяются возможности проявления категории модальности, исследование которой раскрывает процесс семиозиса в междисциплинарном ключе.

**Степень научной разработанности проблемы исследования.** Изучение проблемы вербализации внутреннего диалога, представление контекста автокоммуникации в романе «Подросток», пересечения когнитивных, эмоциональных и поведенческих процессов в сознании человека, требует более глубокого анализа и применения новых методов в современном гуманитарном исследовании. Самовосприятие языковой личности и динамика процессов взаимодействия когнитивных механизмов памяти остаются актуальной лингвистической проблемой, решить которую предлагается с помощью полипарадигмального подхода, учитывающего лингвосемиотический,

психосемантический, лингвокогнитивный аспекты исследования исповедального дискурса Ф.М. Достоевского на примере романа «Подросток». Такой комплексный методологический анализ позволит выявить особенности динамической картины мира субъекта исповедального дискурса, выделить смысловые векторы, смысловые приращения и смысловые доминанты, раскрывающие процессы функционирования смысла в сознании и языке; а также представить модель рефлексивно-смысловой сферы сознания языковой личности подростка в одноименном романе Ф.М. Достоевского. Построенный таким образом смысловой конструкт позволит раскрыть протOVERбальную, вербальную и дискурсивную природу воплощенного в нем смысла. Отдельно следует отметить, что в данной работе используются термины *языковая личность* как гипероним и *дискурсивная личность* как вариант базового термина. Термин *дискурсивная личность* характеризуется не только лингвистическими качествами, но и экстралингвистическими составляющими, это динамический феномен, определяющийся текстовым (дискурсивным) пространством [Богомолова 2024].

**Объект исследования** – языковая личность как смыслопорождающий феномен в исповедальном дискурсе романа Ф.М. Достоевского «Подросток».

**Предмет исследования** – механизмы лингвокогнитивного моделирования, раскрывающие функционально-семантические характеристики диалогической и волитивной доминант рефлексивно-смысловой сферы сознания дискурсивной личности романа Ф.М. Достоевского «Подросток».

**Цель** данного диссертационного исследования – рассмотреть специфику исповедальной интенции языковой личности в дискурсе Ф.М. Достоевского; дать интерпретацию автокоммуникативных ситуаций; описать смысловые векторы, определяющие метакогнитивную рефлексию субъекта, формирующую рефлексивно-смысловую сферу рассматриваемой языковой личности.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**:

1. описать категориальный аппарат исследования, представить терминосистему диссертационной работы, характеризующую авторскую концепцию;

2. собрать корпус контекстов романа «Подросток», в которых отражается феномен автокоммуникации – ситуации с включением метакогнитивной рефлексии субъекта исповеди, описание событий, повлиявших на ее возникновение;

3. описать систему вербализаторов смысловых векторов в романе «Подросток» и представить когнитивно-семантический анализ с применением имплицативных механизмов смыслового расширения – смысловых векторов эмоционально-поведенческого уровня дискурсивной личности;

4. представить комплекс методов (фреймовый, когнитивно-семантический, концептуальный), которые позволят описать сложную структуру рефлексивно-смысловой сферы сознания *языковой* → *дискурсивной личности*, сформировать интегральную модель описания на основе метода полигональной сети;

5. по результатам анализа подготовить материалы для макета идеографического словаря интегративного типа «Рефлексивно-смысловая сфера дискурсивной личности исповедального повествования романа Ф.М. Достоевского “Подросток”»: разработать структуру словаря, представить принципы организации и описания словарных материалов, разработать структуру словарной статьи; репрезентировать проект словаря.

**Гипотеза исследования** основывается на том, что структура рефлексивно-смысловой сферы сознания дискурсивной личности в исповедальном повествовании романа Ф.М. Достоевского «Подросток» определяется функционированием концептуальных доминант, отвечающих за различные уровни организации внутреннего мира личности, а также предполагается, что управление данными доминантами может осуществляться благодаря волитивной доминанте – способности управлять организацией смысловых сфер сознания.

### **Положения, выносимые на защиту:**

1. Фреймовый анализ ситуации автокоммуникации, представленной в романе «Подросток» Ф.М. Достоевского, раскрывает причинно-следственную связь возникновения метакогнитивной рефлексии в исповедальном повествовании, что позволяет выделить единицы вербализации рефлексивно-смысловой сферы сознания дискурсивной личности.

2. Когнитивно-семантический анализ вербализаторов рефлексивно-смысловой сферы сознания языковой личности позволяет выявить смысловые приращения на эмоционально-поведенческом уровне, и бинарные смысловые оппозиции, возникающие в рефлексивно-смысловой сфере сознания дискурсивной личности в качестве диалогической доминанты на когнитивно-эмоциональном уровне.

3. Концептуальный анализ единиц, вербализирующих рефлексивно-смысловую сферу сознания дискурсивной личности, позволяет определить волитивную смысловую доминанту с функцией управления, нейтрализующую бинарность диалогических доминант сознания, отражающую динамику развития языковой картины мира личности.

4. На базе комплексной методики лингвокогнитивного исследования исповедального дискурса впервые представлена **полигональная (трехмерная) модель рефлексивно-смысловой сферы сознания** дискурсивной личности романа Ф.М. Достоевского «Подросток». Основа процесса моделирования объемной «композиции» – трехмерная категория смысла (протовербальный, вербальный и дискурсивный) в рамках трехуровневой организации дискурсивной личности, репрезентированной эмоционально-поведенческим, когнитивно-эмоциональным и волитивным уровнями.

5. На базе представленной модели разработана концепция дискурсивной личности (ДЛ) как динамичного и развивающегося феномена, который рассматривается как вариант абстрактного инвариантного понятия – ЯЛ. Созданная полигональная (трехмерная) модель позволит описать в рамках волитивного уровня феномен свободы воли человека, во многом зависящего от

инвариантных смысловых векторов, которые воздействуют на процессы рефлексии и следующего за ней действия.

**Теоретико-методологическую основу** исследования составили фундаментальные труды, посвященные *лингвистической семантике*, Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995], Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1973, 1999], Л.А. Новикова [Новиков 1982], Ю.М. Лотмана [Лотман 2000], А. Вежбицкой [Вежбицкая 1996, 2001], М.В. Никитина [Никитин 2007]; работы, посвященные *психолингвистическим проблемам*, Л.С. Выготского [Выготский 1934, 1982], А.Н. Леонтьева [Леонтьев 2005], А.А. Леонтьева [Леонтьев 2003], Н.И. Жинкина [Жинкин 1998], А.А. Залевской [Залевская, 2016], Н.К. Рябцевой [Рябцева 2018]; труды, раскрывающие современные *проблемы когнитивной лингвистики*, Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2005], Н.Н. Болдырева [Болдырев 2014, 2018], В.З. Демьянкова [Демьянков 2005], З.И. Резановой [Резанова 2010]; работы, посвященные *лингвоперсонологии*, Ю.Н. Караулова [Караулов 2010], В.И. Постоваловой [Постовалова 1988], Л.Н. Синельниковой [Синельникова 2011], А.В. Богомоловой [Богомолова 2024]; *проблемному полю концептологии* В.В. Колесова [Колесов 2018, 2021], В.И. Карасика [Карасик 2002], С.Г. Воркачева [Воркачев 2015], В.А. Масловой [Маслова 2005: 20]; *категории смысла* С.Н. Переволочанской [Переволочанская 2006, 2009, 2025]. Базу исследования *проблемы идиостиля Ф.М. Достоевского* составили труды М.М. Бахтина [Бахтин 1963, 1986], Н.В. Живолуповой [Живолупова 2003, 2018], А.Н. Баранова [Баранов 2021], В.А. Подороги [Подорога 2019], К.В. Касаткиной [Касаткина 2016]. *Методологическая основа диссертации* опирается на работы, посвященные проблемам изучения сознания человека – А.А. Ухтомского [Ухтомский 2002], В.Ф. Петренко [Петренко 2017], В.И. Кабрина [Кабрин 2021].

**Методы и методика исследования** основаны на концепции вербализации субъективных семантических пространств как операциональной модели категориальных структур сознания и бессознательного человека в процессе порождения речи (теоретические основы – Л.С. Выготский, Н.К. Рябцева, В.Ф. Петренко, В.В. Колесов, С.Н. Переволочанская и др.). С целью выявления

результатов взаимодействия разноуровневых единиц картины мира дискурсивной личности как отражения сложной полипарадигмальной системы внутреннего мира человека в данном исследовании предпринята попытка разработать и применить на практике *комплексную методику лингвокогнитивного исследования исповедального дискурса*, состоящей из метода фреймового анализа ситуаций автокоммуникаций, когнитивно-семантического анализа вербализаторов рефлексивно-смысловой сферы сознания личности и концептуального анализа.

Методика исследования включает в себя поэтапное применение лингвокогнитивных методов анализа исповедального текста:

1. Фреймовый анализ ситуаций автокоммуникации с целью выявления языковых единиц, актуализирующих смысловые векторы метакогнитивной рефлексии.

2. Когнитивно-семантический анализ вербализаторов рефлексивно-смысловой сферы сознания языковой личности в исповедальном дискурсе, нацеленный на выявление смысловых приращений, функционирующих на эмоционально-поведенческом уровне, и диалогических смысловых доминант, функционирующих на когнитивно-эмоциональном уровне дискурсивной личности.

3. Концептуальный анализ вербализаторов рефлексивно-смысловой сферы, который опирается на анализ содержательных форм (концептум – образ – понятие – символ) [В.В. Колесов 2021] с целью выявления волитивных доминант сознания дискурсивной личности.

4. Использование метода полигональной сети при моделировании рефлексивно-смысловой сферы сознания: конструируется система взаимодействия смысловой организации языковой картины мира дискурсивной личности – эмоционально-поведенческого, когнитивно-эмоционального и волитивного уровней, а также функционирование в данной системе диалогических и волитивных доминант сознания.

5. Разработка макета авторского идеографического словаря интегративного типа «Рефлексивно-смысловая сфера дискурсивной личности исповедального повествования романа Ф.М. Достоевского “Подросток”».

### **Основные научные результаты и их научная новизна**

1. Разработана и применена *комплексная лингвокогнитивная методика исследования языковой картины мира дискурсивной личности* романа Ф.М. Достоевского «Подросток». Она позволила описать не только языковой компонент исповедального дискурса, но и особенности функционирования таких психосемантических компонентов, как диалогическая и волитивная доминанты рефлексивно-смысловой сферы сознания языковой личности.

2. Представлена *структура «рефлексивно-смысловой сферы сознания языковой личности»*, дана дефиниция термина, раскрывающая объем и содержание данного понятия.

3. Создана *полигональная (трехмерная) модель описания рефлексивно-смысловой сферы* языковой личности исповедального дискурса, в которой раскрываются концептуальная, языковая и дискурсивная стадии смысловой реализации, а также эмоционально-поведенческий, когнитивно-эмоциональный и волитивный уровни дискурсивной личности.

4. В исследовании предпринята попытка разграничить термины *языковая личность* (гипероним, родовое понятие, инвариант) и *дискурсивная личность* (вариант гиперонима, видовое понятие) на материале исповедального повествования Ф.М. Достоевского.

5. Введен в оборот лингвокогнитивного исследования термин *волитивная доминанта сознания*, которая характеризуется способностью управлять функционально-семантическими доминантами в системе автокоммуникации языковой личности.

### **Теоретическая значимость диссертационной работы**

1. Исследование языковой личности как смыслопорождающего феномена в исповедальном повествовании Ф.М. Достоевского позволило выявить и структурировать механизмы описания и интерпретации единиц

лингвокогнитивного, психосемантического и лингвосемиотического уровней анализа.

2. Применение комплексной лингвокогнитивной методики и моделирование рефлексивно-смысловой сферы сознания языковой личности, представленной в романе, способствовало созданию условий не только для интерпретации автокоммуникативных ситуаций, но и для вербальной репрезентации «интроспективной картины» переживаний языковой личности. А это в свою очередь определило необходимость в исследовании таких феноменов, как «исповедальный дискурс», «диалогическая доминанта сознания», «волитивная доминанта сознания», которые представляют проблемное поле современного лингвокогнитивного исследования.

3. Фреймовый анализ автокоммуникативных ситуаций, представленных в тексте романа «Подросток», позволил выявить средства выражения *метакогнитивной рефлексии* (процесса опознавания и управления мыслительным состоянием) субъекта исповедального дискурса, подтвердить их различный статус: *как ментальной единицы* – через концептуальный аттрактор, *как знаков* – через ключевые аксиологемы, *как знаков-символов* (представителей вторичной семиологической системы), функционирующих в процессе развертывания исповедального повествования, – через символизируемое. Среди представленных компонентов были выделены диалогические доминанты сознания личности и волитивные доминанты как смыслоформирующие и текстоорганизующие факторы исповедального дискурса. Такой подход определяет новые перспективы в описании языковой картины мира Ф.М. Достоевского.

4. Разработка структуры словаря (авторская идеографическая лексикография) – это представление многоаспектной информации об описываемых единицах. Идеографический авторский словарь интегративного типа – это словарь, в котором лексика представлена в виде систематизированных смысловых полей, входящих в состав рефлексивно-смысловой сферы языковой личности. Создание такого словаря позволит отразить системность лексики в

исследуемом тексте Ф.М. Достоевского, как сложной гипертекстовой структуре, раскрывающей языковую картину мира писателя.

**Практическая значимость** определяется следующими положениями:

1. Разработанная комбинаторная лингвокогнитивная методика анализа исповедального дискурса Ф.М. Достоевского может быть применена к текстам других авторов.

2. Созданная полигональная модель рефлексивно-смысловой сферы может быть востребована как методика полигонального анализа не только исповедального повествования, но и других видов дискурсов.

3. Разработка макета авторского идеографического словаря интегративного типа «Рефлексивно-смысловая сфера дискурсивной личности исповедального повествования романа Ф.М. Достоевского “Подросток”» может служить образцом для создания авторских словарей подобного типа.

4. Полученные в ходе исследования материалы – основа для написания методических и учебных пособий. Они могут использоваться в практике преподавания вузовских дисциплин лингвистического цикла «Лингвистический анализ текста», «Семантика текста», «Дискурсивный анализ текста», «Методы семантических / когнитивных исследований».

**Достоверность и обоснованность** полученных результатов исследования подтверждается методологической базой работы, анализом источников и критическим осмыслением полученных данных. Фреймовый анализ применялся для анализа контекстов, представляющих последовательные ситуации автокоммуникации субъекта исповедального дискурса. Произведен когнитивно-семантический анализ отобранных методом сплошной выборки контекстов употребления лексических единиц, вербализующих внутренний диалог во фреймах. Смоделированы ментальные парадигмы, раскрывающие содержательные формы концептов, воплощенных в лексеме *идея*, аксиологемах *уединение*, *тайна*, *правда*, *любовь*, символах *угол*, *мрак*, *свет*, *смех*. На основании выявленных бинарных оппозиций внутри ментальных парадигм выделены диалогические доминанты, представленные бинарными смысловыми векторами и волитивные

доминанты, представленные управляющими смысловыми векторами. Также в работе учитывается фонд прецедентных и интертекстуальных единиц, важных для интерпретации контекстов в процессе интеракции, в процессе смыслообмена в рамках взаимодействия горизонтального и вертикального контекстов.

Созданный интегративный комплекс методов, позволил описать анализируемые единицы рефлексивно-смысловой сферы и представить их в модели (проекте) словаря «Рефлексивно-смысловая сфера сознания дискурсивной личности исповедального повествования романа Ф.М. Достоевского “Подросток”», материалы которого были опробованы в работе с магистрантами в рамках дисциплины «Дискурсивный анализ и интерпретация текста» в РГУ им. А.Н. Косыгина.

### **Структура и объем диссертации**

Диссертация состоит из Введения, трех глав (каждая из которых делится на параграфы, к каждой главе даются выводы) Заключения, Библиографии, Списка иллюстративных материалов, Списка сокращений и условных обозначений и Приложений А, Б и В, в которых представлены описание принципов составления и макет словаря.

Во **Введении** дается обоснование актуальности исследования, описывается степень научной разработанности поставленной проблемы; определяются предмет и объект изучения; формулируются цель и задачи исследования материала, принципы его отбора; выдвигаются гипотеза и положения, выносимые на защиту; перечисляются научные труды, ставшие теоретической основой работы; дается описание методов и методики исследования; перечисляются результаты и их новизна; определяется теоретическая и практическая значимость работы, описываются достоверность и обоснованность результатов; представляются структура диссертационного исследования и апробация его результатов.

В первой главе **«Рефлексивно-смысловая сфера как смысловая парадигма сознания и способы ее представления»** систематизация теоретических положений диссертационного исследования представлена в трех параграфах.

В первом параграфе «Исповедальный дискурс: репрезентация рефлексивно-смысловой сферы сознания дискурсивной личности» рассматриваются существующие научные подходы к определению термина «дискурс», расширяется определение термина «исповедальный дискурс»; а также дается определение феномену «рефлексивно-смысловая сфера» сознания языковой личности как исходной когнитивно-семантической категории, функционирующей в исповедальном дискурсе. В разделе первого параграфа «Лингвокогнитивная специфика исследования исповедального повествования романа Ф.М. Достоевского» дается обоснование выбора материала исследования, рассматривается теоретическое осмысление исповедальной природы выбранного для изучения текста. Раздел первого параграфа «Феномен автокоммуникации как способ представления рефлексии языковой личности» рассматривает процесс метакогнитивной рефлексии субъекта исповедального дискурса как продукт мыслительной деятельности – модель, организованную в результате концептуализации и категоризации индивидуального познавательного опыта, которая вербализуется в ситуациях автокоммуникации.

Во втором параграфе «Динамическая структура языковой картины мира в смысловом пространстве исповедального дискурса Ф.М. Достоевского» представлена систематизация существующих подходов к описанию языковой картины мира и уровневой организации языковой личности; рассматривается взаимосвязь феномена *языковая личность* как родового понятия, существующего потенциально и видового понятия *дискурсивная личность* как реализации первой в исповедальном дискурсе; а также предлагается уровневая организация *дискурсивной личности*, в основании которой заложена трехуровневая модель смысловой реализации.

В третьем параграфе первой главы «Принцип организации рефлексивно-смысловой сферы исповедального дискурса» в разделе «Когнитивно-семантическая специфика языкового знака и механизмы его интерпретации» рассматривается теоретическое осмысление методов экспликации структуры рефлексивно-смысловой сферы сознания. В разделе параграфа «Смысловые

доминанты в системе рефлексивно-смысловой сферы» дается описание функционально-семантическим единицам, выполняющим роль доминант рефлексивно-смысловой сферы сознания дискурсивной личности. Подразделы «Диалогическая доминанта сознания и способы ее вербализации» и «Волитивная доминанта сознания и способы ее вербализации» рассматривают возможность идентификации смысловых оппозиций (диалогических доминант), отражающих метакогнитивную рефлексю, и волитивных смысловых доминант, отражающих феномен свободы воли как способности управлять диалогическими доминантами в системе автокоммуникации языковой личности. Раздел «Лингвокогнитивное моделирование рефлексивно-смысловой сферы» посвящен описанию моделирования полигональной трехуровневой сети смыслового взаимодействия – рефлексивно-смысловой сфере сознания дискурсивной личности.

Вторая глава **«Фреймовый анализ контекстов автокоммуникативных ситуаций»** посвящена эмпирическому исследованию, направленному на достижение поставленной цели, и подтверждение гипотезы диссертационной работы; состоит из шести параграфов:

В первом параграфе второй главы «Статусно-семантические роли при реконструкции фрейма» представлено описание метода фреймового анализа, принципы отбора контекстов, раскрывающих ситуации автокоммуникации дискурсивной личности исповедального повествования романа «Подросток». В параграфах со второго по шестой представлены результаты примененного метода в форме схем-фреймов, включающие выявление смысловых векторов, общих для каждой из проанализированных ситуаций автокоммуникации.

Третья глава диссертации **«Полигональная модель описания рефлексивно-смысловой сферы сознания дискурсивной личности»** состоит из трех параграфов, каждый из которых посвящен процессу выявлению смысловых единиц, образующих рефлексивно-смысловую сферу сознания субъекта исповедального дискурса. В первом параграфе третьей главы «Когнитивно-семантический анализ вербализаторов рефлексивно-смысловой сферы сознания дискурсивной личности» представлено описание и применение метода

когнитивно-семантического анализа вербализаторов метакогнитивной рефлексии, подтверждение их статуса в модели рефлексивно-смысловой сферы сознания (концептуального аттрактора, аксиологемы, символа) и результат анализа – смысловые приращения на эмоционально-поведенческом уровне и диалогические доминанты сознания – смысловые оппозиции когнитивно-эмоционального уровня дискурсивной личности.

Во втором параграфе третьей главы «Концептуальный анализ волитивной доминанты рефлексивно-смысловой сферы сознания личности: идентификация волитивных доминант сознания» представлено описание и применение метода реконструкции ментальной парадигмы с опорой на концепцию В.В. Колесова с целью выявления волитивных смысловых доминант с функцией управления бинарными оппозициями в рефлексивно-смысловой сфере сознания дискурсивной личности.

В третьем параграфе «Полигональная модель рефлексивно-смысловой сферы сознания дискурсивной личности как реализация совокупности методов» представлена реализация и описание полигональной трехуровневой модели рефлексивно-смысловой сферы сознания языковой личности романа «Подросток» как результата применения комбинаторной лингвокогнитивной методики анализа исповедального дискурса Ф.М. Достоевского.

В **Заключении** систематизируются и обобщаются результаты исследования, подтверждается достижение поставленной цели и решение поставленных задач; формулируется общий вывод, и намечаются перспективы дальнейших исследований.

В **Списке литературы** представлено 213 единиц библиографического описания: диссертационные исследования, монографии, пособия, статьи, словари и другие работы, которые составили теоретическую и практическую основы исследования.

В **Списке иллюстративного материала** указывается количество схем и таблиц, разработанных в диссертации, приводятся их названия.

В **Списке сокращений** и условных обозначений приводятся сокращения терминов, используемых в работе.

В приложениях А, Б и В представлен **«Проект создания словаря интегративного типа “Рефлексивно-смысловая сфера дискурсивной личности исповедального повествования романа Ф.М. Достоевского «Подросток»»**», посвященный описанию и разработке авторского идеографического словаря интегративного типа (на основании результатов, полученных в предыдущей главе). В Приложении А даются принципы интегративного подхода и описания идеографического словаря, в Приложении Б представлены состав словника и структура словарной статьи, в Приложении В демонстрируются словарные статьи (девять лексикографических единиц).

**Апробация результатов научного исследования** осуществлялась на Международных и Всероссийских научных конференциях:

1) Международная междисциплинарная конференция «Текст и дискурс. Проблемы интерпретации, анализа, перевода», 19 – 23 сентября 2023г., Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; Университет им. Джавахарлала Неру, г. Нью-Дели, Индия, с докладом на тему «Языковая ткань изображения рефлексивной структуры сознания личности в художественной исповеди (на материале романа Ф.М. Достоевского “Подросток”»).

2) Всероссийская научная конференция с международным участием «Филология, культура и религия на перекрестке гуманитарных исследований», 20 – 21 октября 2023 г., РГУ им. А. Н. Косыгина, г. Москва, Россия, с докладом на тему «Вербализация рефлексивной структуры сознания личности в художественной исповеди (на материале романа Ф.М. Достоевского “Подросток”»).

3) Международная научно-практическая конференция VI Фирсовские чтения «Современные языки и культуры: вариативность, функции, идеологии в когнитивном аспекте», 19 – 21 октября 2023 г., РУДН, г. Москва, Россия, «Концептум как ментальная единица: психосемантический аспект в свете теории вероятности».

4) IV Международная научная конференция «Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования», 22 – 23 марта 2024 г., РГУ им. А.Н. Косыгина, г. Москва, Россия, с докладом на тему «Когнитивный и философский аспекты исследования волитивной доминанты концептуальной картины мира личности».

5) XII Международный конгресс по когнитивной лингвистике, 30 мая – 01 июня 2024 г., НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия с докладом на тему «Когнитивный и психосемантический аспекты исследования картины мира языковой личности».

6) V Международная научная конференция «Слово. Текст. Источник: методология современного гуманитарного исследования», 23 – 24 марта 2025 г. РГУ им А.Н. Косыгина, г. Москва, Россия, с докладом на тему «Полигональное моделирование концептуальной картины мира личности».

7) XIII Международная конференция по когнитивной лингвистике «Когнитивные исследования в цифровую эпоху», 5 – 7 июня 2025 г. Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия, с докладом на тему «Волитивная доминанта сознания в системе автокоммуникации языковой личности».

8) XIII Международная научная конференция «Национальные коды в языке и литературе», 23 – 25 октября 2025 года Институт филологии и журналистики Нижегородского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, с докладом на тему «Междисциплинарный подход к исследованию языковой личности в художественной исповеди (на материале романа Ф.М. Достоевского «Подросток»).

9) VI Международная научная конференция «Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования» 20 – 21 марта 2026 г. РГУ им. А.Н. Косыгина, г. Москва, Россия, с докладом на тему «Психосемантический подход к описанию интертекстуальных компонентов в романе Ф.М. Достоевского».

По теме диссертационного исследования опубликовано 18 статей.

**Статьи, входящие в перечень ВАК:**

1. Семенова А.А. Вербализация рефлексивной структуры сознания личности художественной исповеди (на материале романа Ф.М. Достоевского «Подросток») / А.А. Семенова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – № 3. – 2026. С....-.... (в печати).

2. Семенова А.А. Русский психологический тип языковой личности в исповедальном дискурсе романа Ф.М. Достоевского «Подросток» / А.А. Семенова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2026. Том 19. Выпуск 3. С. 1 – 9. DOI.org/10.30853/phil20260116.

3. Семенова А.А. Волитивная доминанта сознания в системе автокоммуникации языковой личности / А.А. Семенова // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1-2(62). С. 194-198.

4. Семенова А.А. Концептум как ментальная единица: психосемантический аспект в свете теории вероятности / А.А. Семенова // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1-2(57). С. 467-470.

5. Семенова А.А. Когнитивный и психосемантический аспекты исследования картины мира языковой личности / А.А. Семенова // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-1(58). С. 580-583.

6. Семенова А.А. Методы когнитивного исследования картины мира языковой личности в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» / А.А. Семенова // Русский лингвистический бюллетень. 2023. № 4(40). DOI 10.18454/RULB.2023.40.18.

#### **Статьи, входящие в РИНЦ:**

1. Семенова А.А. Психосемантический подход к описанию интертекстуальных компонентов в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» / А.А. Семенова // Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования: Материалы VI Международной научной конференции, Москва, 20 – 21 марта 2026 года. М.: Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2026 (в печати).

2. Семенова А.А. Полигональное моделирование концептуальной картины мира личности / А.А. Семенова // Слово. Текст. Источник: Методология

современного гуманитарного исследования: Материалы V Международной научной конференции, Москва, 21 – 22 марта 2025 года. М.: Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2025. С. 140-148.

3. Семенова А.А. Вербализация рефлексивной структуры сознания личности в художественной исповеди (на материале романа Ф.М. Достоевского «Подросток») // Аксиологическая картина мира в современных филологических исследованиях / И.В. Бугаева, А.Н. Дегтярева, М.А. Дударева [и др.]. М.: Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2025. С. 196-205.

4. Семенова А.А. Когнитивный и философский аспекты исследования волитивной доминанты концептуальной картины мира личности / А.А. Семенова // Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования: Материалы IV Международной научной конференции, Москва, 23 – 24 марта 2024 года. М.: Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2024. С. 146-156.

5. Семенова А.А. Интертекстуальный мотив как деталь в кинодискурсе (на материале экранизации романа Ф.М. Достоевского «Подросток») / А.А. Семенова // Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования: Материалы II Международной научной конференции, Москва, 22 – 23 апреля 2022 года. Выпуск 2. Часть 1. М.: Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2022. С. 172-183.

6. Семенова А.А. Интерпретация пасторальных мотивов в языковой картине мира ребенка (на материале повести С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука») / А.А. Семенова // Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования: Материалы III Международной научной конференции, Москва, 21 – 22 апреля 2023 года. М.: Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2023. С. 304-315.

7. Семенова А.А. Роль речеповеденческих фреймов и категориальных эмоциональных ситуаций в построении языковой картины мира персонажа (на материале романа Ф.М. Достоевского «Подросток») / А.А. Семенова // Русское языкознание и литературоведение 2022: сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Тайбэй Новосибирск, 15 – 17 декабря 2022 года. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2023. С. 188-196.

8. Семенова А.А. Аксиологема в языковой картине мира подростка в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» / А.А. Семенова // Достоевский и славянский мир: Коллективная монография / Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 115-122.

9. Семенова А.А. Эмоциональность и эмотивность при описании структуры языковой личности персонажа (на материале художественного произведения Ф.М. Достоевского «Подросток») / А.А. Семенова // Язык как материал словесности: XXV научные чтения, Москва, 22 октября 2022 года / Литературный институт имени А. М. Горького. Казань: Общество с ограниченной ответственностью «Бук», 2022. С. 168-178.

10. Семенова А.А. Концепт «угол» как функционально-семантическая доминанта в языковой картине мира персонажа / А.А. Семенова // Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва, 14 – 15 апреля 2022 года. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2022. С. 663-672.

11. Семенова А.А. Эмотивы, экспрессивы и аксиологема в языковой картине мира персонажа на материале романа Ф.М. Достоевского «Подросток» / А.А. Семенова // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2022): Сборник материалов Всероссийской научной конференции молодых исследователей с международным участием, Москва, 12 – 16 декабря 2022 года. Часть 8. М.:

Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2022. С. 306-310.

12. Семенова А.А. Креолизация в кинодискурсе: деталь как интертекстуальная отсылка на материале экранизации романа Ф.М. Достоевского «Подросток» / А.А. Семенова // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2021): Сборник материалов Всероссийской научной конференции молодых исследователей с международным участием, Москва, 06 – 10 декабря 2021 года. Том Часть 8. М: Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2021. С. 130-36.

# ГЛАВА 1

## РЕФЛЕКСИВНО-СМЫСЛОВАЯ СФЕРА КАК СМЫСЛОВАЯ ПАРАДИГМА СОЗНАНИЯ И СПОСОБЫ ЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

### 1.1. Исповедальный дискурс: репрезентация рефлексивно-смысловой сферы сознания языковой личности

Дискурс требует интерпретативной реконструкции «возможной» действительности, в которой должны отражаться внимание, память, внутреннее состояние и ментальный лексикон как фиксация категоризации и концептуализации мира в сознании автора текста [Кубрякова 2005: 30]. По мнению Е.С. Кубряковой, дискурс включает в себя разветвленную структуру знаний источника любой речедеятельности, которую необходимо исследовать многоаспектно с точек зрения интенций отправителя и воздействия на участников коммуникации [там же: 31-32]. Дискурс включает в себя схему репрезентации ментальных образований в тексте коммуникативной ситуации. По мнению В.З. Демьянкова, именно «мысленный взор интерпретатора» со своими деталями и оценками является необходимым звеном в разворачивании дискурса как процесса многоуровневой коммуникации [Демьянков 2005: 49-50]. В.В. Колесов рассматривает ключевые слова определения термина «дискурс» в схеме семантического треугольника: «концепт» встает на место идеи, «фрагмент текста» – на место знака, а «общий мир» – на место вещи [Колесов 2019: 161]. Такая схема имеет общие черты с описанной В.В. Колесовым семантической константой, в которой условием контекста является фрагмент текста, который может выступать как смысловой компонент (контекст – это есть условие понимания смысла текста), причиной – общий мир, а целью – концепт [там же]. Такой подход к исследованию феномена дискурса подразумевает обращение к глубинному смысловому слою, подтексту, присутствующему независимо от интенций автора текста. В качестве критериев описания автобиографического дискурса Е.Д. Горячева, опираясь на работы Филиппа Лежёна, исследователя автобиографического и дневникового

жанров, выделяет следующие компоненты 1) повествование в прозе как языковую форму; 2) индивидуальную жизнь, историю личности как объект изображения; 3) идентичность автора повествователю как позицию автора; 4) идентичность повествователя главному персонажу в ретроспективном повествовании как позицию повествователя [Горячева 2025: 1662]. Для языковой личности (далее – ЯЛ), воспринимающей окружающий мир и порождающей текст сознания, весь исповедальный нарратив становится дискурсивным, так как дискурс предстает в качестве «насыщенной сети высказываний» [Колесов 2019: 319], в которой внутренний диалог сменяется хором воспринятых и интерпретируемых внешних голосов.

В исследовании В.В. Фещенко дискурс художественного произведения определяется как «совокупность вербальных высказываний», сформированная в результате взаимодействия автора и читателя на особом концептуальном уровне, посредством порождаемого и воспринимаемого мира художественных знаков, заключающего в себе соотношение между означающей художественной формой, означаемым художественным содержанием и означиваемой внутренней формой [Фещенко 2020: 24]. И.В. Ракова при анализе исповедального дискурса рассматривает такие реализаторы коммуникативных интенций, как информативный комплекс (средства передачи сведений о действительности), эмоционально-оценочный комплекс (средства выражения субъективного отношения) и фатический комплекс (средства установки контакта в коммуникативном процессе) [Ракова 2022]. При анализе исповедальных коммуникативных актов выявляется воспринимающее сознание: реципиентом коммуникации становится та же личность, что порождает текст, стимулирует повествование.

По мнению Н.К. Рябцевой, именно языковой материал является ««естественным» и наиболее информативным средством изучения рефлексии» как осознания текущего когнитивного состояния, его эксплицитной характеристикой, его оценкой, проверкой и намеренным изменением [Рябцева 2018: 180-181]. Текст исповедального дискурса является результатом мыслительной и рефлексивной

деятельности. В таком тексте могут быть проанализированы и реализованы логико-интерпретационные и интроспективно-проекционные модели понимания его содержания, так же может быть выражена компетенция понимания с помощью представлений о его содержании и форме [Сидорова 2009]. Таким образом, с помощью линейного и соподчиненного моделирования возможно провести анализ системы абстрагирования и фиксации в языковой картине мира мыслительных и рефлексивных способов осмысления содержательной и формальной сторон текста [там же: 113]. По мнению Л.Н. Сидоровой, результативным для идентификации рефлексивных процессов в ходе интерпретации текста в контексте ситуации когнитивного, речевого или идеологического конфликта является психолингвистическое аспектно-смысловое моделирование, которое заключается в построении смысловых полей, указывающих на «Я – идентификацию» и функционирование психологической доминанты сознания ЯЛ [там же: 114]. Рефлексия, как осознание собственного мыслительного состояния, порождает метакогнитивные процессы – интеллектуальные качества, ответственные за самопроизвольную и произвольную регуляцию субъектом дискурса собственной интеллектуальной деятельности [Рябцева 2018: 183]. Согласно исследованию Н.Д. Рябцевой метакогнитивная рефлексия – процесс, при котором субъект осознаёт и анализирует свои когнитивные состояния, рефлексиирует относительно собственных ментальных, эмоциональных и поведенческих реакций, – вербализуется в речи автореферентными высказываниями, средствами апелляции к собственным метакогнитивным состояниям, к текущим когнитивным состояниям собеседника [там же].

В данном диссертационном исследовании термин *исповедальный дискурс* определяется как *совокупность вербальных высказываний, сформированных в результате взаимодействия автокоммуникативных позиций языковой личности на концептуальном уровне, посредством порождаемого и воспринимаемого мира текста, заключающего в себе постоянную обработку наличного материала окружающей действительности – денотативное значение; ментализацию,*

идеацию цели, ее ценности и заключение-идентификацию – десигнат; и означающую внутреннюю форму – концептум [см. Колесов 2019].

Рефлексивно-смысловую сферу сознания **дискурсивной личности** (далее – ДЛ), которая включает в себя *отношения между анализируемыми фрагментами текста (условиями), реальной действительностью (причинами) и концептуальной составляющей (целями)*, следует рассматривать как тексто- и смыслообразующий феномен, характеризующийся диалектическим единством атомистической и холистической стратегий автора. По отношению к термину «языковая личность» ДЛ выступает в роли гипонима, как видовое понятие по отношению к фундаментальному, заложенному в его основе родовому [Богомолова 2024: 12]. В диссертации ЯЛ в рамках реализации исповедального дискурса исследуется как ДЛ, воспринимающая и порождающая смыслы в процессе исповеди. Развертывание смысловых цепочек внутренних переживаний и осмыслений, интерпретация внешних смысловых потоков образуют парадигму рефлексивно-смысловой сферы, функционирующей в исповедальном дискурсе, способом представления которой является феномен автокоммуникации. Таким образом, **рефлексивно-смысловая сфера сознания** – это когнитивно-семантическая парадигма ДЛ, ядром которой является категория смысла, определяющая себя через смысловые векторы, пронизывающие все уровни субъективизации поступающей и порождаемой информации, объективным регулятором которой является процесс автокоммуникации в рамках исповедального дискурса. Конструкции, в которых представлена метакогнитивная рефлексия субъекта речи – инструмент организации коммуникативной, диалогической и нарративной деятельности ДЛ.

Языковое сознание систематизирует и классифицирует поступающую из окружающей действительности информацию, что представлено процессом концептуализации, который завершается категоризацией. Языковая категоризация позволяет представить модель «речемыслительной деятельности человека и классификации лексических единиц и их форм с целью представления процесса номинации в целом, а также тех языковых знаний, которые обусловлены

осмыслением этого процесса и его единиц в классификационном и когнитивно-дискурсивном плане» [Шарандин 2011: 11]. Таким образом, можно выделить грамматическую категоризацию с онтологическим статусом и лексическую категоризацию с гносеологическим статусом [Шарандин 2011: 11; Болдырев 2006]. Онтологическая сущность языка заключается в его реализации в окружающей действительности, но она обусловлена и его гносеологической (когнитивной) сущностью, которая заключается в интерпретативном познании мира посредством концептуализации и категоризации [Болдырев 2006: 9].

Если грамматические языковые категории отражают всю фактически высказанную и собранную информацию, образуют относительно статичную структуру языка, то лексические категории отражают процессы непосредственного осмысления поступающей информации, являются результатом ее интерпретации. А.Л. Шарандин ставит вопрос о том, какая семантика репрезентирует сознание в языке напрямую, непосредственно, а какая отражается в слове языковой деятельности, «то есть оказывается собственно языковой, имеет интерпретационный характер» [Шарандин 2011: 11]. Ответом на этот вопрос является разграничение лексических значений, существующих в языке в формальном, фиксированном виде и смыслов, функционирующих в процессе осознания окружающей действительности. По мнению Н.Н. Болдырева, основу формирования языковых значений составляют структурные и содержательные характеристики концепта, а основой формирования смыслов является подведение знака под конкретную категорию [Болдырев 2006: 12]. Одним из принципов языковой категоризации, выделенных К.М. Абишевой в теории лингвокогнитологии, является принцип множественности и разнородности оснований категоризации, который подразумевает «учет разнообразных человеческих когниций и признание индивидуализированного характера категоризации» [Дзюба 2018: 193]. Согласно исследованиям С.Н. Переволочанской, процесс категоризации имеет конечную цель – «формирование понятия на базе ассоциирования в классы, разряды, категории сходных фактов и явлений» на разных уровнях абстрагирования [Переволочанская

2009: 269]. Процесс категоризации включает 2 этапа – *логико-онтологический*, характеризующийся выделением типичных и существенных признаков, которые находят отражение в интенционале полевой структуры значения, и *психогносеологический*, связанный с созданием смыслового континуума за счет нетипичных и несущественных признаков, представленный только потенциально в импликационале значения, без фиксации в словарных дефинициях. На первом этапе в значении фиксируется детерминированный компонент (коллективный опыт познания), второй этап – это попытка освоить и понять вероятностную картину мира, ее стохастическую природу [Никитин 2007]. Согласно исследованию Д.Н. Леонтьева, смысл, в отличие от значения, «всегда указывает на замысел, задачу, интенцию автора высказывания, на неязыковый контекст, ситуацию употребления знака» [Леонтьев 2003а: 9].

Рефлексивно-смысловые параметры личности являются главными функциональными характеристиками динамической системы развития индивидуальной языковой картины мира. Осмысление и переосмысление собственного опыта, знания о себе, эмоции, оценки и отношения являются структурными элементами рефлексивных процессов [Андрюшкова 2023: 53]. Вышеперечисленные элементы предлагается выделить в диссертационном исследовании в качестве смысловых компонентов и структурировать их по когнитивно-смысловым уровням картины мира личности. Для этого необходимо определить обуславливающие смысловые взаимодействия контекстные уровни, а именно: 1) ситуации, раскрывающие феномен метакогнитивной рефлексии (внутренний диалог) ДЛ; ситуации, в которых в речи выражена (прямо или косвенно) мировоззренческая позиция персонажа (аксиологическая составляющая); 2) семантические показатели эмоций, оценок, отношений перечисленных ситуаций; 3) концептуальные показатели доминантных функционально-семантических единиц.

### *1.1.1. Лингвокогнитивная специфика исследования исповедального повествования романа Ф.М. Достоевского*

Исповедальная форма повествования в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» обусловлена не только спецификой идиостиля писателя, но и авторским описанием самого времени: «Наступает какая-то всеобщая исповедь. <...> Тысячи новых точек зрения открываются уже таким людям, которые никогда и не подозревали иметь на что-нибудь свою точку зрения» [Достоевский 1978: 27]. Исповедь произведений Ф.М. Достоевского является не только формой изложения, но и сложным лингвокогнитивным и философским инструментом, раскрывающим внутренний мир героев, органической формой становления их бытия [Честнова 2012].

В основе становления художественной исповеди лежит исповедь религиозная, что подтверждается калькированием греческой словообразовательной модели в русском языке, при этом в значение лексемы *исповедь* входит понятие внутреннего осознания и самоанализа «грехов» [Кудлай 2023, 28]. В связи с культурной эволюцией речевой жанр исповеди вышел за рамки только религиозного дискурса, перестал ассоциироваться только с понятием «покаяние», обогатился философским, психологическим, межкультурным осмыслением. *Художественная исповедь, представляющая собой форму экзистенциальной автокоммуникации, подразумевает участие реципиента, относящегося к порождающему исповедальный текст сознанию. Два голоса внутри одного сознания «направлены друг на друга в их глубинном бытии», «через катарсис исповедального самопризнания автор-повествователь способен вновь обрести “целостное бытие”»* [Луцевич 2020: 20-22].

М.М. Бахтин рассматривает исповедальные тексты как формы непосредственного самовыражения эмоционально-волевой установки, внутренней жизненной направленности личности по отношению к окружающей действительности [Бахтин 1986: 129]. В исповедальном тексте, по мнению М.М. Бахтина, формы ценностного восприятия других героев могут переноситься на героя-рассказчика там, где он солидарен с чужим мнением. Значительная часть

биографии рассказчика-героя содержится в речи персонажей из его близкого окружения, в их «эмоциональной тональности», а именно в оценочных высказываниях, подлежащих выявлению [там же: 143]. Соответственно, перед исследователем исповедальных текстов в первую очередь стоит системный анализ картины мира ЯЛ.

Основной особенностью исповедального дискурса является осмысление собственного внутреннего мира личностью – метакогнитивная рефлексия. В широком смысле исповедь включает и самоанализ, и внутреннюю самоорганизацию человека, расшифровку собственных психологических качеств, реализацию своего истинного «Я». В художественном произведении исповедь проявляется в качестве интроспекции, раскрытия содержания индивидуального сознания через художественный прием ретроспекции.

По мнению М.М. Бахтина, исповедальные тексты имеют форму «самоотчета-исповеди», ключевой конститутивной особенностью которой является самообъективация – попытка осознать свои личностные проявления через призму «собственных целей и долженствования» без трансгredientных самосознанию ценностей, с непосредственной опорой на индивидуальные ценностные категории «добра и зла» [там же: 131]. Самоотчет-исповедь строится на конфликте личности автора биографии и личности героя, которым по сути произведения является один и тот же субъект. При этом не всегда автор может представлять зависимую от ценностей окружающих личность, способную проявляться в сознании в качестве руководителя поступками, оценками и видением собственной персоны рядом с собой объективным («я-для-себя», по М.М. Бахтину).

В диссертации понимание термина *сознание* дается в соответствии с психолингвистическими и психосемантическими исследованиями. Индивидуальное сознание рассматривается как частная подсистема реальности, в которую «транслируется через спектральное, с одной стороны, с другой – через пространственно-временное окно некоторая последовательность состояний реальности» [Петренко 2017: 24], при этом к бессознательному относятся все содержания, которые потенциально могут быть реализованы в данном сознании, а

все уже реализованные содержания становятся прошлым, с которым согласуются условия отбора следующих возможных состояний, образуя некий «фильтр». При этом под «Я»-позицией подразумевается конкретный ассоциативный смысловой сгусток, раскрывающий одну из сторон отношений личности с конкретным явлением действительности, конкретным человеком, собственной позицией в определенный момент времени, обусловленной влиянием (или его отсутствием) определенных стереотипов.

Обязательная диалогичность исповеди заключается в выборе одной из «Я»-позиций, который обусловит будущее эмоционально-поведенческое состояние индивида и вектор когнитивно-эмоционального развития. Одним из возможных результатов выбора является самообъективация, маркерами которой являются эмоции совести, чаще всего стыд по отношению к ментальному, эмоциональному или физическому проявлению того другого «Я». Необходимо при исследовании исповедальных текстов задействовать знания науки «о душе» – психологии, чтобы раскрыть шаги эволюции для души «как целостного внутреннего мира человека» [Фанталова 2017: 6]. В междисциплинарном направлении, благодаря психологическим исследованиям русской ментальности, исследование художественной исповеди наиболее продуктивно [там же: 6]. Полифония внутренних «Я» одного субъекта в романах Ф.М. Достоевского, по мнению Е.Б. Фанталовой, является «лучшим методом» для раскрытия сложной «потаенности» совмещения биполярных аспектов человеческого внутреннего мира, и лучшим полем для исследования «катарсиса» русской души [там же: 7]. Диалектическая динамика внутреннего мира личности изображается в произведениях Ф.М. Достоевского в качестве «доминанты самосознания», заданной автором [Бройтман 2004: 249]. В этом заключается «небывалый тип художественно-гностической антропологии» как исключительного метода писателя «вовлечения в глубь» русского человеческого духа «через экстатический вихрь» с целью познания и исследования неиссякаемого и динамического человеческого внутреннего мира [Бердяев 2018: 42]. Согласно исследованию творчества Ф.М. Достоевского В.А. Подороги, процесс планирования

повествования в произведениях писателя носит автокоммуникативный характер [Подорога 2019].

В творчестве Ф.М. Достоевского исповедь имеет особое значение – это художественный прием для раскрытия двойственности человеческого мировосприятия. Анализируемым материалом в данном исследовании является текст исповедального повествования [Живолупова 2018] романа «Подросток». В исповедальном повествовании проблемой героя является проблема авторской позиции [Кочетков 2019: 320], в дневниковых записях при помощи художественного оформления выражается позиция Ф.М. Достоевского по отношению к самому герою и к окружающей действительности. Согласно исследованиям Н.В. Живолуповой, исповедь антигероя (героя собственных глубинных противоречий, рефлексирующего в своих и чужих ролях [Ковырзенкова 2013: 117]) у Ф.М. Достоевского связана с соотношением изображения кризисного сознания героя и авторской рефлексией нравственно-философской нормы: «духовные реалии, нравственные проблемы, общепринятый культурный опыт осмысляются с позиций субъекта, воплощающего негативные аспекты личности», интересные автору [Живолупова 2003: 162].

Исповедальный дискурс романа «Подросток» представлен в нарративной автобиографии героя Аркадия Долгорукого, одного из «подпольных людей» Ф.М. Достоевского [Касаткина 2016]. Текст дневника героя раскрывает читателю языковой образ мира его личности, а в когнитивно-семантическом плане представляет собой поэтапное осмысление произошедших с ним событий, начиная с детства, идеологий и собственных психологических реакций. В романе «Подросток» исповедь Аркадия Долгорукого представлена ретроспективной рефлексией. Главный герой уже не находится в «подполье», как его биологический отец – Андрей Петрович Версилов, как «подпольный человек» из «Записок из подполья», он нашел выход из него [Касаткина 2016: 91-99]. Исповедальное повествование – рассказ о *бинарном состоянии души* в «безмерной гордости» и «безмерном самопрезирании», о столкновении с действительностью, где, по словам Ф.М. Достоевского, герой «оказывается таким смешным, таким смешным и

мелочным... и ничтожным» [Достоевский 1971: 314]. Аркадий Долгорукий в своих «Записках» повествует о трансформации собственной идеи-идеала, возникновение которой обусловлено потребностью во что-то верить и отсутствием «всякой веры» [там же]. Саморефлексия героя представлена двумя сторонами: «подпольем» и «живой жизнью», соотносящихся в его сознании с метафорой «метафизический “угол”» [Кустовская 2011: 171-172]. Поиск истинного своего предназначения в социуме осуществляется героем через внутренний диалог героя-рассказчика Аркадия и Аркадия как героя рассказа. На протяжении всего романа Аркадий дает себе идеологические установки, дает оценку случившимся фактам. Идеологические воззрения героя нарративной автобиографии диалогизированы во внешней монологической форме выражения. Героям Ф.М. Достоевского свойственно вступать с собственной идеей «в глубоко личные отношения» [Касаткина 2016: 88]. Согласно исследованию К.В. Касаткиной, герою «Подростка», по сравнению с другими персонажами Ф.М. Достоевского, повезло найти путь к выходу из «подполья» – из состояния внутреннего конфликта [Касаткина 2016: 98-99], и именно этот процесс подлежит изучению с точки зрения лингвокогнитивных и психосемантических исследований.

По мнению В.А. Подороги, к потере целостного единства и, как следствие, к раздвоению внутреннего мира личности героев Ф.М. Достоевского приводит усиление сознательности «Я» [Подорога 2019] – чрезмерная мыслительная и эмоциональная нагрузка, проявляющаяся в потоке желаний героя, но не воли, в неспособности управлять рефлексией и коммуникативным поведением. Роман «Подросток» интересен тем, что в нём герой справляется со своими желаниями и становится способным управлять ими.

Исповедальную природу прозы Ф.М. Достоевского актуально исследовать в лингвокогнитивном аспекте, с опорой на способы вербализации автокоммуникативных ситуаций, отражающих работу когнитивных механизмов памяти и саморефлексии. Роман «Подросток» организован в форме личного дневника Аркадия Долгорукого, в котором герой рассуждает о произошедших с ним событиях, о собственных мыслях, эмоциях, ретроспективных воспоминаниях,

отношениях с близкими и знакомыми людьми. В дневнике Аркадия Долгорукого реплики второстепенных персонажей принадлежат ему самому, проявлены в тексте через призму его сознательного восприятия.

Авторы «Корпусной модели идиостиля Достоевского» пишут об особенности лексической модели частотного распределения слов ментальной сферы и области эмоций в формировании текста Ф.М. Достоевского, что объясняется бесконечностью мышления героя и внешним отсутствием авторской субъективности с целью создания идеи «неуправляемости действия» [Баранов, Добровольский, Фатеева 2021: 10-14]. Так как картина мира героя «Подростка» динамична, находится в непрерывном процессе становления, его лексикону свойственна «амбивалентность оценок», «двойственность суждений», неуверенность в высказываемом о себе и о других [там же: 13].

Для выражения внутреннего мира персонажа Ф.М. Достоевский использует лексику, включающую эмотивную, экспрессивную и аксиологическую составляющие. Действия, чувства, мысли главного героя, отражающие поиск психоэмоциональной гармонизации его внутреннего мира, выражаются в тексте с помощью создания реалистичных коммуникативных ситуаций, а именно с помощью сохранения особенностей разговорной речи и разговорного синтаксиса: многочисленных обращений, маркеров хезитации, дейксиса, лексических повторов, парцелляции, частотности частиц и междометий, метакомментариев, разрывающих повествование [там же: 15-16].

Идиостиль Ф.М. Достоевского сосредоточен на таких когнитивно-семантических компонентах, как *ценность, мышление, сознание*, бинарная оппозиция *знание ↔ незнание* [Баранов, Добровольский 2021: 52]. Авторы «Корпусной модели идиостиля Достоевского» доказывают это с помощью анализа лингвистической стороны текстов, а также обнаруживают активное употребление писателем нетипичных идиом-интенсификаторов (например, *изо всех сил*) с помощью которых «эмоции, ментальные и волевые состояния приобретают в художественном мире Ф.М. Достоевского динамику процессов и активность контролируемых целенаправленных действий», с помощью которых выражается

«смысл высокого уровня абстракции» и обнаруживается ярко выраженная субъективная составляющая и тесная связь с языковой прагматикой [Шарапова 2021: 284]. Исследователи отмечают высокую частотность идиом, относящихся к ментальности, эмоциональности и волевости. Данные когнитивно-семантические тенденции обусловлены приоритетом описания событий внутреннего мира персонажей при создании нарративной автобиографии. В дневнике Аркадия Долгорукого описания действий, событий, отношений между персонажами сопровождаются изложением психоэмоциональных состояний и процессов. Для исповедального дискурса Ф.М. Достоевского характерно особое концептуальное пространство, раскрывающее когнитивно-эмоциональные процессы внутри сознания героев.

Исповедальное повествование включает в себя некоторые характерные особенности, присущие системе организации контекста романа «Подросток». Е.Д. Горячева выделяет стратегическую цель диалогической модальности – «сближение концептосфер адресанта и адресата», что обуславливает формирование «интенциональности и адресованности как определяющих свойств текста и дискурса» [Горячева 2025: 1663]. Т.В. Романова выявила доминирующие модальные значения по материалам мемуарной исповедальной прозы: интеллектуальность, диалогичность, оценочность, эмоциональность, волеизъявление [Романова 2008: 7]. Необходимо отметить, что «волеизъявительная доминанта» представлена у Т.В. Романовой, как волеизъявление: «желательность – необходимость – долженствование – императивность» [Романова 2008: 31]. С опорой на исследование диалогической модальности исповедальных текстов можно отнести роман «Подросток» к такого рода текстам [Романова 2015].

1. В автобиографии Аркадия Долгорукого представлены идеологические и аксиологические ориентиры героя, выраженные средствами субъективной модальности, включающей компоненты выражения эмоциональности и оценочности: *«А тут – живи между ваших интриг, валандайся около вашей лжи, обманов, подкопов... Довольно!»* [Достоевский 2021: 133].

2. Герой осмысливает себя в оппозиции к другим: *«Я, может быть, и буду делать добро людям, но часто не вижу ни малейшей причины им делать добро»* [там же: 73-74].

3. Спецификой коммуникативной категории исповедального текста выступает диалогическая модальность в отношении действующей «Я»-позиции героя к предыдущей или последующей «Я»-позиции: *«Была ли во мне злоба? Не знаю, может быть, была»* [там же: 279]. В этом заключается автокоммуникация главного героя – рефлексия, самопознание, самоанализ.

4. Исповедальный текст романа предполагает обращенность к обобщенному адресату, представленному в виде иерархической системы: самоадресацией, внутритекстовой адресацией и введением дополнительного реципиента. В романе дополнительным реципиентом является Николай Семенович, воспитатель Аркадия Долгорукого, которому герой отправляет свои «записки» с целью получить объективный взгляд на свою исповедь: *«Может быть, иному читателю захотелось бы узнать: куда ж это девалась моя “идея” и что такое та новая, начинавшаяся для меня теперь жизнь, о которой я так загадочно возвецаю?»* [там же: 473].

5. Отсутствие смыслового единства внутри контекста исповеди: изложение дневника представлено не от «себя», а от определенной писателем роли *«члена случайного семейства»*, раскрывающей эволюцию сознания личности в юношеском возрасте [там же: 477].

В исповедальном дискурсе диалогическая модальность является инструментом вербализации смысловых оппозиций и задаёт «тональность» их взаимодействия. В диссертационном исследовании в качестве смысловой составляющей диалогической модальности рассматриваются бинарные смысловые оппозиции – диалогические доминанты, функционирующие на концептуальном уровне смысловой реализации.

Феномен свободы воли в исповедальном дискурсе Ф.М. Достоевского раскрывается с помощью изучения функциональности диалогических доминант и волитивного смыслового компонента, воздействующего на их бинарность.

В лингвистических исследованиях принято выделять аспект воли человека в качестве компонента речевого действия с помощью следующих терминов:

- «Волитивная модальность» (термин Е.С. Сагаловой) – передача факторов реализации значений побудительности и желательности с помощью грамматического средства выражения различных видов мотивированности глагольного действия, «волевой установкой субъекта речи на реализацию или нереализацию этого действия» [Сагалова 2009: 202-203].

- «Волюнтивная модальность», «волюнтивная доминанта», «модус волеизъявления». Т.В. Романова вкладывает в данные термины следующие факторы текстообразования: необходимость, желательность, императивность и долженствование [Романова 2015].

- «Волюнтативная модальность» и «модальность волеизъявления». А.В. Сытько вкладывает в данные термины такие факторы текстообразования как: вербализацию действия и результат воздействия, необходимость, желание, намерение, склонность, стремление, замысел [Сытько 2019].

Действительное проявление свободы воли на концептуальном уровне через волитивную модальность раскрывается в способности субъекта формировать и реализовывать намерения, выбирать между альтернативами и контролировать свои действия, несмотря на внешние или внутренние ограничения. Состояния рефлексии субъекта речи к мыслительным, психологическим и эмоциональным состояниям (тесно между собой связанным) отражают интерпретацию и осознание личностью собственных и чужих психоэмоциональных состояний и коммуникативного поведения [Рябцева 2018: 198]. Волитивная модальность, как лингвистическое и философское понятие, служит инструментом для выражения и анализа этой способности, так как отражает возможность субъекта выбирать между альтернативами, что является ключевым признаком свободы – управления собственным мировоззрением. Смыслы, актуализированные в волитивных конструкциях, направляют действие субъекта на формирование будущего в соответствии со своими смысловыми доминантами. В диссертационном исследовании в качестве смысловой составляющей волитивной модальности

рассматриваются волевые смысловые доминанты, функционирующие на концептуальном уровне в качестве доминант, управляющих метакогнитивной рефлексией личности.

Исповедальное повествование романа «Подросток» раскрывается с помощью вербализации динамической структуры картины мира ДЛ. Метакогнитивные, аксиологические, модальные, интенциональные, коммуникативные смыслы в речи часто выражаются синкретичным способом их репрезентации [Рябцева 2018: 187]. Любой психический процесс исходно коммуникативен [Кабрин 2023: 30], а именно начинается с развития системы автокоммуникации, зависит от качества этого процесса. Его проявление в исповедальном дискурсе будет определяться смысловой интенциональностью, которую, согласно исследованию В.И. Кабрина, можно представить в четырех «качественно специфичных модальностях» с целью её психосемантической интерпретации: 1) мотивационной (модальности побуждения); 2) перцептивной (модальности восприятия); 3) имагинативной (модальности воображения); 4) эмоциональной (модальности удовлетворения или неудовлетворения или амбивалентная) [там же: 32]. Вышеперечисленные модальности не сводятся друг к другу, а вступают в функционально-циклическую связь, взаимодополняя друг друга как кумулятивные «формы-стадии» [там же: 32] психической активности в системе автокоммуникации. Все четыре интенциональные модальности проявляются соответствующими своим направленностям смысловыми динамическими векторами: мотивации, перцепции, имагинативности и эмоциональности [там же]. Психосемантика таких компонентов автокоммуникации может быть весьма репрезентативной для воссоздания рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ.

В.И. Кабрин и Э.В. Галажинский предлагают исследовать коммуникативно-смысловой мир личности с опорой на четыре уровня переживаний личности [Кабрин 2023: 32]: 1) транстемпоральность ценностно-смысловых рефлексивных переживаний – переключения между прошлым (воспоминаниями), настоящим (сейчас) и будущим (стремлениями) [там же]; 2) транслокальность концептуальных проблемных переживаний – пространственный перенос концептуальной картины

мира (в разные ситуации, территории, масштабы) [там же]; 3) информация как «отношение изоморфности и инвариантности в отражающих друг друга качественно различных средах и системах» – переживания с образной формой, которые способны кардинально и бесконечно менять образы впечатления, сохраняя их подобие с помощью фиксации значимых смысловых граней предметной реальности в виде вербальных и невербальных предметных символов [там же: 33]; 4) смыслообразующая психическая энергия, сила, которая организует воплощение когнитивно-семантической константы (постоянного функционального смыслового вектора) в тексте. Таким образом, раскрытие рефлексивно-смысловой сферы ДЛ через категории интенциональных модальностей признается эффективным для исследования функций смысловых векторов, смысловых приращений и смысловых доминант в конкретной ситуации автокоммуникации [там же: 32-33].

### *1.1.2. Феномен автокоммуникации как способ представления рефлексии языковой личности*

Термин автокоммуникация (аутокоммуникация) введен Ю.М. Лотманом в значении передачи сообщения от «Я» к «Я» [Лотман 2000]. В процессе внутренней коммуникации происходит перекодировка сообщения, в результате трансформируется контекст и появляются новые смыслы [там же]. По мнению Ю.М. Лотмана, такое качественное изменение некоего постоянного объема информации приводит к трансформации самого «Я» путем перекодировки индивидуальной позиции в социальном контексте [там же]. Процесс автокоммуникации сопровождается внутренней речью (по Л.С. Выготскому) – речевым процессом, обособленным от звуковой оболочки и от эгоцентрической (дорефлексивной) речи [Выготский 1934]. В отличие от письменной речи, которая максимально ориентирована на реципиента, внутренняя речь предикативна, согласно исследованию Л.С. Выготского, она состоит практически из одних сказуемых, опирается на «фон сознания» мыслящего, в котором сохранены предметные образы [там же: 211], соотносится с внешней речью так, как

соотносятся представления о предмете и реальный предмет [там же: 277]. Согласно исследованию Н.И. Жинкина, внутренняя речь осуществляется «на специфическом субъективном языке, вырабатываемом в процессе накопления интеллектуального опыта», но «не на словесном, нормализованном языке» [Жинкин 1998: 85]. По мнению Н.Ф. Алефиренко, «внутренняя речь призвана перевести план содержания» предметно-чувственных образов, в которых воплощаются субъективные смыслы, «из **сукцессивно** (линейно) представленных фрагментов дискурсивного сознания в **симультанную** (нелинейную, целостную) структуру» [Алефиренко 2005: 5]. Метакогнитивная рефлексия и внутренняя речь тесно связаны: внутренняя речь выступает механизмом реализации метакогнитивной рефлексии, которая «свойственна всем видам коммуникации» [Рябцева 2018: 192-193], в том числе и автокоммуникации, а её лингвистическими средствами объективации являются средства вербализации автокоммуникативной и интеллектуальной деятельности в дискурсе.

Согласно исследованию Ю.М. Лотмана, автокоммуникация обладает такими чертами, как: 1) редукция сообщения для самого себя – слова кодируются в понятный только для мыслящего шифр; 2) вторичное кодирование, которое обуславливает появление новых синтагматических связей на фоне организации беспорядочных ассоциаций. Таким образом, общезыковая семантика обрывает новыми семантическими связями в сознании мыслящей личности [Лотман 2000]. Функционирование внутренней речи у личности является одним из процессов не только психического, но и физического развития человека [Выготский 1934]. Согласно исследованию Л.С. Выготского, развивается такая автокоммуникация «путем функционального и структурного обособления от внешней речи, перехода от нее к эгоцентрической» а затем «к внутренней речи» [там же: 286], а именно: постепенное развитие речи у ребенка способствует появлению у него эгоцентрической речи (полностью подчиненной мотивам «эго»), которая в свою очередь приводит к формированию внутренней. Таким образом, речь – это средство вербализации психологической сущности человека, которое выполняет функцию обобщения в сознании личности: восприятие окружающей

действительности «становится предметным, константным и осмысленным через опыт интериоризированного культурного наследия» [Кравцов 2012: 36]. Процесс интериоризации – семантическое перерождение предмета номинации – раскрывается с помощью когнитивно-семиологического анализа знаков вторичной номинации, «поскольку их значения формируются опосредованно, путем использования того коллективного опыта народа, который закодирован в соответствующих знаках первичного именованя» [Алефиренко 2005: 7]. Такое семасиологическое осмысление «ближайшего» и «дальнейшего» значения были предложены А.А. Потебней: внутренняя форма слова становится посредником между значением знака вторичной номинации и значением его производящим – «ближайшее значение» служит внутренней формой репрезентации дальнейшего значения, способом языковой объективации интеллектуально-эмоционального содержания» [там же: 8].

Согласно исследованию Л.С. Выготского, а также современному исследованию Г.Г. Кравцова, речь является первым проявлением волевых функций сознания ребенка, а воля, в свою очередь – это психические механизмы взаимодействия внутренней рефлексии и осуществляемого действия, процессы не изначальные, в отличие от физических, эмоциональных и когнитивных, а потенциальные [Кравцов 2012: 36]. Как самостоятельная психическая функция воля существует только у взрослого человека, а у маленького ребенка наблюдаются зачатки воли в форме апперцепции – активного творческого восприятия событий и окружающей действительности с дальнейшим построением мыслительных образов (это понятие широко использовалось и у И. Канта, и у В. Вундта) [там же]. У детей дошкольного и школьного возраста апперцепция дополняется развитием речевых навыков и внимания, как намеренного управления предметным содержанием сознания [там же]. У подростков и молодых людей постепенно развивается способность к волевому самоуправлению с помощью периодической рефлексии, которая уже может проявляться на когнитивном и эмоциональном уровнях [там же]. Таким образом, рефлексия – это психический процесс, который зависит от развития внешних речевых навыков, направленный на собственное «Я», влияющий

на развитие внутренней речи и осмысленности в ходе всеобщего (и физического, и эмоционального, и интеллектуального) развития личности. Процесс интериоризации языкового знака обусловлен постоянной рефлексией в контексте порождаемой и воспринимаемой речи. Если в первом случае «денотативная структура (обобщенное отражение предмета) преобразуется в семантическую структуру знака», то «при восприятии языкового знака, наоборот – семантическая структура (означаемое знака) переводится в денотативную структуру номинируемого объекта» [Алефиренко 2005: 5]. По мнению Г.Г. Кравцова, рефлексия как самостоятельный процесс начинает активно функционировать в сознании личности, начиная с подросткового возраста, тогда она становится «интеллектуалистической» [Кравцов 2012: 37], или когда эгоцентрическая речь ребенка реорганизуется во внутреннюю речь. Уже в юношеском возрасте, к которому относится субъект исповедального дискурса Ф.М. Достоевского, рефлексия приобретает личностный характер, направляется на собственные субъективные интенции. И пиком развития рефлексивной способности личности Г.Г. Кравцов считает появление субъекта воли [там же: 37], но волевые действия достаточно редки и не обладают характеристикой постоянности и продолжительности. Именно процесс волевого развития, как следствия продуктивной рефлексивной работы сознания личности, определяет становление человека в физическом, психическом, социальном, культурном и внутриличностном жизненных проявлениях. Согласно исследованию Н.К. Рябцевой, метакогнитивная рефлексия сопровождается когнитивными механизмами концептуализации и категоризации [Рябцева 2018: 198], которые, проявляясь в качестве выражения метакогнитивных состояний субъекта дискурса, задают автокоммуникативную перспективу высказывания. Это явление позволяет обратиться к исследованию волеизъявления в речи с точки зрения его протовербальной смысловой реализации.

Термин «автокоммуникация» (или «аутокоммуникация» в психолингвистических исследованиях) расширен в современных научных исследованиях В.Л. Измагуровой и И.А. Шаповал до значения внутреннего

диалога как процесса и механизма «взаимодействия смысловых позиций сознания», зафиксированных «в форме относительно устойчивых смысловых образований» личностных и эмоциональных отношений субъекта «к значимым событиям, обстоятельствам, людям, взаимоотношениям», выражающийся в формах самонаблюдения, рефлексии, самоанализа, самооценки [Измагурова 2015: 36-40]. Характеристики данного феномена соответствуют диалогичности самоотчета-исповеди [см. Бахтин 1986]. В концепции И.А. Шаповал теория диалогичности М.М. Бахтина находит отражение в современных психологических исследованиях феномена «аутокоммуникация» как средства достижения ориентированности на совершение действия, направленного на достижение неких коммуникативных целей; средства самореализации человека в создании для себя мира, выглядящего истинным; средства преломления социальных контекстов реальности через свое «Я», ментальность, идеологию; средства достижения объективации в своем сознании систем ценностей, значимостей, смыслов путем их вербализации и обеспечение самопонимания [Шаповал 2021: 75]. В человеческом сознании это происходит в форме самоорганизации «Я», обусловленной потребностью сохранения самопринятия и самоуважения – функциями, поддерживающими личностную эволюцию. Термин *внутренний диалог* рассматривается как частный случай аутокоммуникации (внутриличностной, интрасубъектной, интрапсихической). Внутренний диалог является смысловой тканью метакогнитивных процессов, а метакогнитивная рефлексия задаёт структуру и цель этому диалогу. Цель межличностного общения человека с самим собой – постижение и достижение осмысленности человеком своей личности в окружающей ее объективной действительности [Шаповал 2021].

Диалогическое сознание описано в исследовании С.В. Савельева как «третичное» сознание, наиболее развитое и одаренное человеческое сознание, наиболее «здоровомыслящее» в стрессовых ситуациях, обладающее высоким потенциалом раскрытия талантов [Савельев 2021: 157-164]. Н.В. Свитенко, опираясь на концепцию С.В. Савельева, создала типологию модусов сознаний персонажей художественного произведения, где определила рефлекссию героев

«третичного» сознания как инструмента самопознания с целью обретения внутренней свободы, открытия нового пути [Свитенко 2022]. Деструктивные события для обладателей диалогического сознания не становятся травмой, а осознаются как трансцендентные путеводные указатели, ведущие к открытию [там же: 50].

В качестве ключевых признаков внутреннего диалога можно выделить следующие: информационное взаимодействие с опорой на фундаментальные смысловые установки, внутренняя репрезентация когнитивных процессов (смысловых позиций), раскрытие мотивации внутреннего общения, стремление к коммуникативному консенсусу. Данные признаки семантически пересекаются с предложенными Ю.Н. Карауловым тремя уровнями языковой личности (национальным, когнитивно-логическим и мотивационным), в связи с чем подтверждается ценность исследования вербализации метакогнитивной рефлексии как материала для изучения рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ. Анализ мотивационного уровня раскрывает внутриличностные процессы саморефлексии, самодетерминации, саморегуляции [Шевякина 2021].

Автокоммуникация, обусловленная процессом метакогнитивной рефлексии, является смыслообразующим системным процессом, который материализуется, символизируя физические проявления конкретной контекстной коммуникативной (автокоммуникативной) ситуации. Система автокоммуникации целостна и неповторима, так как заключается в постоянном переосмыслении меняющихся обстоятельств окружающей действительности и меняющихся внутренних и внешних субъективных реакций на них.

Согласно исследованию Н.К. Рябцевой, исходные метакогнитивные состояния субъекта познания «содержат в своей структуре противопоставление, которое является объектом рефлексии» и передается в речи путем актуализации смысловой оппозиции 'знаю' ↔ 'не знаю', которой может сопутствовать описание и интерпретация собственных психологических состояний [Рябцева 2018: 186-187]. В диссертации осознание и вербализация подобных смысловых оппозиций является признаком функционирования диалогической смысловой доминанты,

актуализированной в качестве метакогнитивной рефлексии в ситуациях автокоммуникации, представленных в романе «Подросток». В рефлексивно-смысловой сфере исповедального дискурса доминанта представлена в концептуальной стадии бинарными смысловыми векторами, отражающими двойственность ментального процесса, представленного автокоммуникацией. Выявление диалогических доминант возможно с помощью анализа динамики развития картины мира субъекта исповедального дискурса, а именно, конструирования смыслового движения внутри уровневой организации рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ.

## **1.2. Динамическая структура языковой картины мира в смысловом пространстве исповедального дискурса Ф.М. Достоевского**

Коммуникативно-деятельностный аспект взаимодействия индивида с окружающей действительностью обусловлен переходом от внешнепредметной формы познавательной деятельности в когнитивный процесс в речемыслительном плане, что становится средством коммуникативной реакции [Леонтьев 2005: 17]. Накопленные знания и абстрактные понятия реорганизуются в сознании отдельного человека, субъективируются посредством лингвокогнитивного и эмоционального опыта. При этом существуют постоянные переходы от внутренней формы языка (термин В. фон Гумбольдта) – этнического кода, внутренней смысловой гетерогенной сущности этноса, во внешнюю – и наоборот. Субъективный образ мира – это психическое отражение реальности определенной языковой личности. «Зависимость восприятия, представления, мышления» от «потребностей, мотивов, установок, эмоций» индивида относится к психическому аспекту субъективного образа мира [там же: 23]. Согласно исследованию Е.Р. Корниенко, языковая картина мира – коррелирует сознания, его вербализованное содержание. Целесообразно исследовать эту связь как цепочку познания действительности [Корниенко 2021].

Мировосприятие обусловлено не только национально-этической и религиозной спецификой, но и языком как ценностно-мотивационной сферой общественного сознания [Петренко 2017: 38]. В исследовании В.И. Постоваловой рассматриваются несколько теорий о картине мира человека: теория М. Планка о картине мира, которая может быть практической (целостным образом мира, основанным на переживаниях человека) и научной (одинаковой для всех людей картины мира вещей, моделью реального мира в наиболее приближенном к действительности варианте); теория А. Эйнштейна о попытке замены реального мира созданной картиной-отражением (каждый по-своему переносит на такую картину и ее оформление – «центр тяжести своей духовной жизни»); теория В.С. Швырева о картине мира как о результате научно-познавательной деятельности, основанной на фундаментальных понятиях [Постовалова 1988: 13-14]. Все эти теории объединены одним логическим заключением о том, что существуют некоторые схожие представления о реальном мире, обладающие очевидностью для многих социумов, и о том, что в каждом индивидуальном сознании такие представления обрастают индивидуальным восприятием и осмыслением, таким образом происходит их субъективизация. Взаимоотношения «языка и действительности, инвариантного и идиоматического в процессах языкового “отображения” действительности как сложного процесса интерпретации человеком мира» раскрывают свою глубину с помощью исследования языковой картины мира [там же: 18]. Субъект познания включен в конструирование собственной картины мира и не может быть выведен за рамки моделируемой им реальности, даже если он пытается сделать это «объективно» и независимо от себя [Петренко 2017: 39]. Данное исследование опирается на психосемантическое представление о картине мира как о динамической многослойной системе, включающей «как сознательные, так и бессознательные пласты психического» [там же]. В.Ф. Петренко рассматривает переход от «симультанного» – целостного – восприятия действительности к «сукцессивному» – последовательному – (термины Л.С. Выготского) сравнительно с частным случаем редукции волновой функции в квантовой физике и с категоризацией в психосемантике [там же]. При

этом раскрыть динамику взаимодействия этих состояний – бессознательного как целостного и сознательного как процессуального – возможно с помощью междисциплинарного многоаспектного исследования индивидуальной картины мира.

Путем вербализации отдельными индивидами опыта, индивидуальных человеческих черт, культуры образовались «коллективное достояние», «коллективный опыт» [Постовалова 1988: 11] – национальная языковая картина мира, складывающаяся из личных образов мира, как пазл из деталей. Ее изучение возможно лишь при сопоставлении различных мировосприятий ее носителей.

Анализ индивидуальной картины мира, а именно: экспликация субъективных установок, целей, мотивов жизнедеятельности личности, «регулятивных структур и смыслообразующих факторов», – это способ объективации конкретной картины мира [там же: 23-24]. Исследование индивидуальной картины мира как объекта должно осуществляться с помощью метамоделирования «по ее следам в текстах» [там же].

Дневниковая исповедь героя романа Ф.М. Достоевского «Подросток» и является формой искусственной рационализации, попыткой объективно посмотреть на тот образ мира, который сформировал человек в своем сознании, попыткой в нем разобраться, структурировать его. Одна из задач данной работы – в актах саморефлексии Аркадия Долгорукого как субъекта исповедального дискурса выявить глубинный смысловой слой миропонимания человека, воспроизвести внутреннюю систему реакций сознания на окружающие явления действительности. В этом случае необходимо рассматривать картину мира личности как некое «концептуальное образование» [там же: 24]. В качестве методов экспликации картины мира В.И. Постовалова предлагает: 1) выявление семантических «следов» в естественном языке «по общедеятельностным и семиологическим законам построения парадигматики на основе синтагматики»; 2) анализ настроений, чувств, действий, поиск скрытых черт картины мира в психопатологиях и экстремальных состояниях человеческой психики [там же].

Индивидуальная картина мира состоит из общечеловеческого, национального, и индивидуально-личностного компонентов, которые и образуют ее целостную систему [Маслова, Пименова 2023: 11]. Данные компоненты проявляются в речи и обусловлены работой когнитивных процессов сознания. Результатом рационального восприятия окружающей действительности является концептуальная картина мира, соответственно, она составляет ядро языковой картины мира [там же]. Концептуальная картина мира отличается от языковой большей динамичностью, сложностью и объемностью в связи с тем, что в ней хранятся, накапливаются и взаимодействуют смыслы.

На современном этапе развития когнитивной лингвистики объектом исследования стала концептуальная структура речевого взаимодействия [Болдырев 2018]. ЯЛ, реализующая собственную языковую способность, «с присущими ей в дискурсивной деятельности индивидуальными характеристиками» становится дискурсивной личностью (термин Л.Н. Синельниковой [Синельникова 2011]) с многоуровневым характером организации когнитивной системы [Болдырев 2018: 18]. Моделирование объемного динамического мышления, «продуцирующего смыслы и свидетельствующего о языковой, речевой и дискурсивной развитости личности», – суть описания ДЛ [Синельникова 2011: 43]. Среди уровней ДЛ выделяются экстралингвистический, лингвистический и коммуникативно-прагматический («цели, мотивы, интенции, речевые стратегии и тактики, используемые в диалогическом дискурсе, а также владение языковым опытом реального речевого взаимодействия» [там же: 18]). Базой исследования ДЛ является моделирование ее языкового уровня, исследованием которого занимается отдельное направление в лингвистике.

Многоуровневым объектом исследования лингвоперсонологии является ЯЛ, структура которой разработана Г.И. Богиним, Ю.Н. Карауловым, В.В. Воробьевым, В.И. Карасиком и другими исследователями, внесшими значительный вклад в методiku антропоцентрической парадигмы [Шамсутдинова 2018: 860]. Когнитивный уровень языковой (коммуникативной) личности выявляется с помощью анализа свойственной ей картины мира [Карасик 2002: 30].

Способность личности рационально управлять своим языковым арсеналом в процессе коммуникации является психической способностью человечества как вида [Кравченко 2022]. Речевое содержание отражает элементы внутренних психических процессов человека, а его исследование требует всестороннего подхода и междисциплинарной методологии.

К достижениям современной лингвоперсонологии относятся следующие положения:

1) Объемное изучение феномена «языковая личность» характеризуется разработкой ценностного, мировоззренческого, познавательного, культурологического и поведенческого аспектов носителя языка, способного понимать, воспроизводить и создавать тексты (Ю.Н. Караулов, В.В. Воробьев, Ю.А. Маслова, В.И. Карасик).

2) Разнообразие типологий ЯЛ, раскрывающих структуру ЯЛ с точки зрения языка или с точки зрения личностных особенностей (Ю.Н. Караулов, О.Б. Сиротина, И.А. Стернин).

3) Подходы к изучению ЯЛ – лингвокогнитивный, лингвокультурологический, лингводидактический, прагмалингвистический (В.И. Карасик) [Салимова 2012: 30].

В современных научных работах ЯЛ чаще всего исследуется на основе дискурсивного анализа персонажа художественного произведения, как модель какой-либо социолингвистической группы или как реальная личность [Иванцова 2008: 28]. Моделирование рефлексивно-смысловой сферы ДЛ персонажа художественного произведения требует всесторонней характеристики и разработки методов реконструкции ее внеязыкового компонента – включения дополнительных неконвенциональных методов исследования картины мира личности.

Из существующих конвенциональных методов (индуктивный подход от текста к автору – от конкретного к абстрактному; дедуктивный подход; описательный метод – планомерный сбор единиц и описание их структуры; лексикографический метод – раскрытие свойств языковых единиц с помощью

системы словарных статей; метод математической лингвистики – анализ средней длины предложения в словоупотреблениях, отношения частей речи к общему числу словоупотреблений; метод семантического дифференциала – шкалирование коннотаций; метод структурного моделирования Ю.Н. Караулова – моделирование лексикона, тезауруса и прагматикона; лингвориторическая реконструкция уровневых характеристик, специфики менталитета и идиостиля В.В. Дружининой и А.А. Ворожбитовой; биографический метод, заключающийся в анализе личностных письменных документов; метод речевого портретирования нескольких видов – типизация языковой системы личности; метод оценщиков Г.И. Богина – моделирование с опорой на характеристики определенной социальной группы, выступающей в качестве постоянно оценивающих ЯЛ людей; метод самонаблюдения В.П. Тимофеева [Иванцова 2008]; реконструкция уровневых характеристик ЯЛ как носителя диалогической языковой способности Е.Н. Скубиевой и Н.Н. Шпильной: поверхностный, интерпретационный, модусный и интертекстуальный уровни [Скубиева 2022]. В диссертационном исследовании будут задействованы разработки уровневой структуризации ЯЛ Ю.Н. Караулова и Е.Н. Скубиевой и Н.Н. Шпильной и уровни ДЛ, выделенные Н.Н. Болдыревым.

Ю.Н. Караулов выделяет три уровня ЯЛ, наделяя каждый из них конкретными строительными элементами (единицами соответствующего уровня, отношениями между ними и стереотипными их объединениями) [Караулов 2010: 36-56]:

1. *Нулевой или семантический уровень*, в который входит ядерная инвариантная часть иерархии смыслов и духовных ценностей для всех говорящих на данном языке – национальная устойчивая часть вербально-семантических ассоциаций, стереотипных сочетаний (паттернов). Средствами выражения данного уровня являются отдельные слова, их грамматико-парадигматические, семантико-синтаксические и ассоциативные связи, представленные систематически в своей совокупности, с наиболее ходовыми, стандартными словосочетаниями, простыми формульными предложениями и фразами в качестве стереотипов [там же].

2. *Первый или лингвокогнитивный уровень*, включающий индивидуальную вариативную часть картины мира личности, в которую входит ситуационная доминанта тезауруса личности. Средствами выражения данного уровня являются обобщенные понятия, крупные концепты, идеи, оформленные словами с дескрипторным статусом, отношения между которыми выстраиваются в упорядоченную иерархическую систему картины мира, с устойчивыми стандартными связями между дескрипторами в качестве стереотипов, оформленных генерализованными высказываниями, дефинициями, афоризмами, фразеологизмами, поговорками и другими всевозможными экспрессивными средствами, отражающими выбранные личностью истину, жизненное кредо, ее жизненную доминанту [там же].

3. *Второй или мотивационный (высший) уровень*, в который входят движущие развитием, поведением, текстопроизводством мотивы и цели, определяющие иерархию смыслов и ценностей в языковой картине мира личности. Средствами выражения данного уровня являются не слова, а гностически-ориентированные строевые элементы тезауруса – концепты, понятия, дескрипторы с прагматической ориентацией на коммуникативно-деятельностные потребности личности [там же]. По мнению Е.О. Груниной, исследование мотивационно-прагматического уровня, безусловно, подразумевает выявление психоэмоциональных характеристик, которые отражают внутренние эмоциональные факторы, влияющие на способ реализации языковой личности, передаваемые от лица автора-повествователя [Грунина 2022].

В.И. Карасик, приравнивая ЯЛ к коммуникативной личности, выделил три аспекта ее изучения: ценностный (нормы поведения, закрепленные в языке), познавательный (четырёхкомпонентная модель возможных корреляций образов в индивидуальной картине мира) и поведенческий («совокупность вербальных и невербальных индексов» коммуникации как деятельности со своими мотивами, целями, стратегиями и способами их реализации) [Карасик 2002: 33-69]. Многоаспектный анализ ДЛ требует исследования как эмоциональных и

интеллектуальных характеристик, так и воли объекта, в связи с чем необходимо обратиться к психолингвистическому освещению данного вопроса.

О.А. Нестерова предлагает методику психолингвистического анализа ЯЛ, в основе которой лежит выявление и комплексный анализ мотивационных ориентиров в речи человека [Нестерова 2015]. Автор методики, основываясь на типологии ЯЛ Ю.Н. Караулова, предлагает следующие критерии выделения мотивационных ориентиров: лингвистические (аудитивные, коммуникативно-прагматические и собственно языковые характеристики); «паралингвистические (анализ невербальных компонентов коммуникации в аффективном состоянии)»; и «экстралингвистические (анализ общеисторических и биографических событий и их влияние на речь говорящего)» [там же: 124]. Исследование О.А. Нестеровой подтвердило то, что экстралингвистический компонент коммуникативной ситуации непосредственно влияет на причины актуализации в речи мотивационных ориентиров [там же: 134]. Подключение к анализу ЯЛ ментальных, психологических, прагматических и других факторов, концентрирующих внимание на индивидуальном поведении в определенных условиях коммуникации, дает возможность называть исследуемую личность дискурсивной [Михайлова 2021: 24].

Рассмотренные выше методики раскрывают многоаспектность феномена ДЛ, как сложной функциональной системы, моделирующей человеческое сознание. Необходимо отметить, что каждая методика лингвоперсонологии затрагивает ту или иную стороны человеческой жизни, но основной своей задачей имеет все же описание структуры и функций языковых единиц. При исследовании исповедального текста ДЛ необходимо учитывать и уровневые характеристики носителя диалогической языковой способности, и мотивационные ориентиры в речи.

В романе «Подросток» носитель художественного сознания представлен в своей эволюции единства личности, художественного образа и образа автора. Исповедальный текст реалистического художественного произведения, созданного в форме дневника, включающего психологическую и автобиографическую

составляющую своего писателя, является богатым материалом для исследования динамики индивидуальной картины мира исповедующегося для раскрытия механизмов работы его сознания.

В данном исследовании предлагается структурировать уровни картины мира ДЛ по степени проявленности смыслов. Согласно исследованиям С.Н. Переволочанской, категория смысла предстает в качестве триипостасного динамического конструкта: 1) протOVERбального смысла (в концептуальной системе) – 2) смысловой потенции (в языке – импликационале полевой структуры значения, потенциосфере) – 3) вербально выраженного смысла / конструируемого смысла (в дискурсе) [Переволочанская 2025: 135]. На базе рассмотренных выше методик предлагается построить систему смысловых стадий, из которых конструируется модель картины мира ДЛ. Представленные стадии структурируются в рамках «фрактальной смысловой композиции», представляющей собой «вложенные одна в другую многоярусные парадигмальные сферы» [там же: 137].

1. Концептуальная – ментальная стадия, на которой прослеживается процесс порождения смыслов. Данную стадию невозможно исследовать без методов психосемантики, так как необходимо задействовать знания о порождении смысла в сознании личности. Примером является семантическое преобразование лексемы *идея* в романе «Подросток»: на фоне «беспорядка и хаоса» Аркадий Долгорукий приходит к «благообразию», а затем определяет свою истинную ценностную позицию [Достоевский 2021: 477]. Лексема *идея* на протяжении романа расширяет свое смысловое поле, взаимодействуя с единицами ценностной составляющей картины мира, раскрывая механизмы смыслообразования в рефлексивно-смысловой сфере субъекта исповедального дискурса.

2. Поверхностная стадия или форма изложения внутренних процессов конструируемой языковой картины мира личности. Роман «Подросток» Ф.М. Достоевского организован в форме личного дневника Аркадия Долгорукого, в котором представлены ситуации автокоммуникации, включающие в себя систему рассуждений о произошедших событиях (включающих коммуникативные

ситуации, свое и чужое поведение), о пережитых мыслях, эмоциях, о системе ценностей. К.В. Мочульским отмечается двойной тон автобиографического романа: тон «протокола» и тон «исповеди», что исследователь обуславливает подробной характеристикой других персонажей (например, Версилова), данной героем-рассказчиком [Мочульский 1980: 171]. Но рефлексивно-смысловая сфера сознания в исповедальном дискурсе вербализируется в форме субъективных рассуждений, сопровождаемых вставленными автокоммуникативными конструкциями, а «протокол» подразумевает объективную фиксацию произошедших фактов.

3. Дискурсивная стадия, в которую включаются три области, в зависимости от локации смыслового взаимодействия (смысл-тексты, смысл-адресант, смысл-адресат):

А. Интертекстуальная область исповедального текста, включающая экстралингвистический аспект. С точки зрения религиозно-философского, биографического и психоаналитического изучения романа Ф.М. Достоевского «Подросток», Д.С. Мережковский, В.В. Розанов, Л.П. Гроссман, К.В. Мочульский, И.Д. Ермаков, П.С. Попова в своих исследованиях отмечают автобиографизм в характеристиках некоторых художественных образов «Подростка» [Богданова 2021]. По мнению исследователя жизни и творчества Ф.М. Достоевского К.В. Мочульского, все творчество писателя – это одна цельная исповедь, раскрывающая устройство внутреннего мира писателя, «конечно, в рукописи “Подростка”» автор «пишет о своей семье», что аргументировано содержанием писем самого Ф.М. Достоевского и его близких [Мочульский 1980: 8-12]. Интертекстуальность (термин Ю. Кристевой) в художественном произведении является глубинным кодом, который может проявляться в романе прецедентными феноменами – системой культурных ценностей, как национальных, так индивидуально-личностных, отражающих в сознании важные духовные и материальные составляющие бытия человека [Кудряшева 2016: 694].

В. Интерпретационная – область взаимодействия текста и адресата, интерпретирующего этот текст, его оценка и мотив порождения [Скубиева 2022:

42-43]. В концепции Ю. Кристевой, в художественном дискурсе выделяются «материально выраженный текст, готовый продукт – фенотекст» и, формирующийся на его основе, «порождающий новые смыслы продукт – генотекст» [Переволочанская 2025: 3951]. Фенотекст представляет собой готовый, созданный автором текст, а генотекст – глубинный содержательный уровень, новый, смоделированный текст в сознании воспринимающего [Кристева 2013: 195-196]. В случае с исповедальным текстом, интерпретируется текст, порожденный ДЛ и ее коммуникативным окружением. В контексте романа представлен анализ и самоосуждение субъекта дискурса, при этом предполагается интерпретация потенциального реципиента – читателя как «лица фантастического»: *«читатель, может быть, ужаснется откровенности моей исповеди и простодушно спросит себя: как это не покраснел сочинитель?»* [Достоевский 2021: 73]. Также интерпретируется то, что уже написано в дневнике (по большей части эти рассуждения являются саморефлексией): субъект «мучается» тем, что может лучше, способен на большее – *«Как это выходит, что у человека умного высказанное им гораздо глупее того, что в нем остается?»* [Достоевский 2021: 6]. В заключении романа «Подросток» автобиографический рассказ Аркадия Долгорукого вступает в диалог с письмом Николая Семеновича. Появляется второй субъект, но уже не автобиографии, а критического письма на дневниковые записи Аркадия Долгорукого. Николай Семенович – московский воспитатель Аркадия, *«посторонний», «несколько холодный эгоист»* и *«бесспорно умный человек»* [там же: 473]. Данная вставка объясняется тем, что Аркадию Долгорукому необходимо получить интерпретацию со стороны: *«некоторый общий взгляд», «как бы нечто разъяснительное»* – объективную интерпретацию собственных мыслей о пережитых событиях [там же]. В прикрепленном письме Николай Семенович называет исповедь Аркадия «сознательным отчетом» о собственных жизненных шагах, способным перевоспитать самого себя, то есть делом по работе над собственным поведением [там же]. Именно в письме Николая Семеновича выражается идея о том, что стремление к уединению возникло от *«затаенной жажды порядка и “благообразия”»* [там же: 474].

С. Эмотивно-поведенческая область, в которой векторы эмоционального состояния объединяются с прагмалингвистическим уровнем – с описанием поведенческих характеристик, зависящих от конкретной реализуемой коммуникативной потребности, сопутствующих выражающимся компонентам субъективной оценки. В качестве предисловия к дневнику Аркадий дает пояснение причинам написания своей автобиографии, а именно: «вследствие внутренней потребности» [Достоевский 2021: 5]. По мнению главного героя, нельзя писать о самом себе без стыда, нельзя писать автобиографию для того, чтобы произвести впечатление на читателя, а «тащить внутренность души» своей на литературный рынок он считает подлым и неприличным. Записывает дневник герой «единственно для себя», хотя и предупреждает потенциального читателя о том, что не может обойтись «без описания чувств и без рассуждений», этого он и стыдится [там же].

Данные смысловые стадии раскрывают динамическую систему картины мира ДЛ, которая обусловлена трансформацией знания, «смысловой метаморфозой»: протOVERбальные смыслы, проходя через языковую форму, «вливаются в речевую стихию» [Переволочанская 2009: 1594].

Смещение центра исследования контекста романа с лингвистических единиц на психосемантические единицы сможет более подробно описать динамическую структуру языковой картины мира личности, создать полигональную модель рефлексивно-смысловой сферы личности исповедального дискурса, которая требует не только описания вербалики и ее семантики, но и определяющих их когнитивных механизмов сознания.

### 1.3. Принцип организации рефлексивно-смысловой сферы исповедального дискурса

#### *1.3.1. Когнитивно-семантическая специфика языкового знака и механизмы его интерпретации*

По мнению Ю.Н. Тынянова, содержание слова в речи обнаруживает «слоение» смысла за счет семантических обертонов смысловой энергии – так как оно живет в окружении ореола множества взаимодействующих смыслов [Тынянов 1965]. Как отмечал Г.О. Винокур, в художественном произведении у слова появляется свое – поэтическое – значение, и необходимо установить отношения между обоими типами (прямым и поэтическим) значениями слова [Винокур 1991]. Исследование имплицативных структур в художественных текстах предполагает комплексный анализ механизмов формирования имплицитных смыслов, способов их языковой репрезентации и функциональной роли импликации в конструировании семантического пространства литературного произведения. Согласно исследованиям Б.А. Ларина, импликация, как закономерное языковое явление, обусловленное исторической эволюцией фразеологических единиц, приводит к структурной трансформации (сокращению компонентного состава за счет утраты одного или более элементов исходного фразеологизма) и семантической трансформации (повышению уровня идиоматичности и степени отвлеченности значения новой фразеологической единицы) [Ларин 1977].

В контексте романа «Подросток» возрастает степень отвлеченности лексического значения и усиливается идиоматичность текстовых выражений. Определение смысловой структуры «в единстве и взаимообусловленности ее синтагматических и парадигматических характеристик», функциональных закономерностей в контексте, «природы эмоциональной окраски» является целью семантического анализа языковых единиц [Новиков 1982: 121] исповедального текста. Иерархически организованная совокупность смысловых векторов, объединенных общей когнитивно-семантической категорией и раскрывающих контекст романа «Подросток» как фрагмент исповедального дискурса

Ф.М. Достоевского, главная осевая часть парадигмы «Рефлексивно-смысловая сфера сознания ДЛ. Реконструкция такой категории опирается на анализ текстового смыслового поля, которое, как отмечает Л.А. Новиков, является авторской системой лексических единиц и их значений, требующих выведения, существующих в неявно выраженной форме [Новиков 2011]. В художественном тексте оно формируется за счет контекстуальных приращений смысла – имплицитных сем.

В языке постоянным компонентом значения является интенционал (семантическое ядро), семантика которого лексикографически зафиксирована, а потенциальным – импликационал – компонент значения, образующий вариативность и коннотативность употребления слова в речи [Никитин 2007]. В речевом употреблении реализация семантической модели взаимодействия интенционального и импликационного компонентов значения проявляется двуаспектно: эксплицитно (актуализацией интенционала) и имплицитно (актуализацией импликационала) [Переволочанская 2009: 1593]. Границы между интенционалом и импликационалом размыты, и импликациональный компонент значения является или «результатом варьирования в контексте» или потенцией «для последующей интерпретации в речи» [там же: 1592]. В ассоциативно-потенциальном фоне импликационала можно найти имплицитную связь слова с экстралингвистическим материалом.

Текстовый смысловой анализ подразумевает учет контекстной ситуации, ее интерпретации, которая представлена имплицитно, так как отражает связь вещей и событий, актуализированную в конкретной речевой ситуации [Никитин 2007: 22]. Таким образом, в контексте на первый план выходит импликационал значения, который в дискурсе реализуется как имплицитный компонент, обеспечивающий смысловое «развертывание», а интенционал репрезентирован как эксплицитный (детерминированный) компонент, он вторичен, находится на периферии сознания. Согласно исследованию И.А. Стернина и М.С. Саломатиной, с целью получения максимально полного описания значения исследуемого слова необходимо применять метод обобщения словарных дефиниций, который основан на принципе

дополнительности словарного материала и направлен на выявление существенных признаков смысловой структуры слова [Стернин 2011: 26].

В исповедальном дискурсе имплицитный компонент слова «будучи скрытым в языковом плане в виде импликационной ауры» становится развернутым содержанием, проявляющимся «в приращении имплицитного смысла, рождающегося из цепочки импликаций»: интенциональные признаки растворяются и образуют фон, «на котором разворачивается потенциальная сила импликационных признаков» [Переволочанская 2009: 1593]. Рефлексивно-смысловая сфера сознания, как дискурсивный динамический феномен, представлена актуализацией именно имплицитных смыслов, расширяющих языковой инвариант, функционирующий в романе, благодаря смысловой векторности, которая заключается в притяжении импликационала к ядру. Именно эти процессы обуславливают поликатегоризацию в исповедальном дискурсе – проявление и взаимосвязь нескольких смысловых «сгустков», обретающих функциональность в рефлексивном процессе.

По мнению М.В. Никитина, речевое значение слова является информационной зависимостью «концептов двух вещей в сознании» – «духовным явлением»: «концепты как дискретные сущности сознания объединены концептуальными связями» [Никитин 2007: 50]. М.В. Никитин выделяет три рода концептуальных связей в значении: 1) импликационные, отражающие ментальную зависимость одного концепта от другого, ассоциирующегося с ним, предполагающего его (мыслительный аналог реальных связей сущностей объективного мира, например, причинно-следственные, пространственные, временные); 2) категориальные, общие признаки которых могут лежать в интенционалах двух сравниваемых категорий (объективная основа сравнения и классификации общности различия сущностей отражаемого сознанием мира по обнаруживаемым признакам); 3) семиотические (знаковые), отражающими концептуальную связь между означаемым и означающим знака [Никитин 2007: 51-52]. Концептуальные связи всегда обратимы и взаимны, по отношению к значению слова могут быть импликациональными (невыраженными, невербализованными) и

семиотическими (выраженными, вербализованными). Выявить концептуальные связи возможно только с помощью анализа смыслов как цепочки импликаций, которые, сгущаясь в текстовом сетевом пространстве, образуют «концептуальную оплотнённость смысла» [Переволочанская 2009: 1594].

Типы лексического содержания М.В. Никитин делит на когнитивный и прагматический, при этом один из них может преобладать или отсутствовать. Когнитивный компонент лексического содержания выражает логику мышления, а прагматический – аксиологическую, эмотивную составляющую [Никитин 2007].

Двойственная природа значения обуславливает «двунаправленность» семиозиса, которая также зависит от уровня осознаваемости, на котором этот процесс происходит [Залевская 2016: 97]. Согласно определению А.А. Залевской, «семиозис» является взаимодействием нескольких процессов, «протекающих на разных уровнях осознаваемости», и продуктами которых является «переживание понятности носителем языка и культуры смысла воспринимаемой языковой единицы» или «признание оправданности использования» языковой единицы в речи при адаптации личности в социуме [Там же: 96]. «Медиативную функцию значения слова как средства доступа к образу мира индивида» определяют «кванты» соотнесения результатов индивидуального означивания с коллективным знанием [там же]. Эта двойственность заключается в «диалектической взаимообусловленности» значения и смысла [Переволочанская 2006: 33]. Главное в значении слова – то, что лежит за ним в опыте познания личности, – «мультиmodalность» индивидуальной картины мира, вне которой невозможен сам процесс семиозиса [Залевская 2016: 97].

С помощью проецирования внутреннего контекста на переживание «понятности воспринимаемого» или «обоснованности использования» выбранной языковой единицы – «глубинной предикации» – осуществляется поиск опор и цепочек выводных знаний в мультиmodalном образе предшествующего опыта [там же: 98]. Многомерное когнитивно-семантическое пространство включает в себя и значение, и смысл, который обладает бинарной структурой объективности и

субъективности – соотнесенности контекста внешнего и внутреннего в метаморфирующем комплексе «значение – смысл» [Переволочанская 2006: 34].

Сознание человека как сложная по своей структуре гетерогенная система, имеет высокую «когнитивную сложность», которая формируется при «наличии множественности точек зрения» внутри этого сознания, а именно – внутренней рефлексии [Петренко 2016: 130]. Постоянная рефлексия личности является проявлением эмоционального интеллекта и контролирует процесс структурирования компонентов «мыследействования», а также является обоснованием того, что ядром диалектического взаимодействия внутренней и внешней языковых форм является эмотивность, которая, в свою очередь, репрезентирует определенное концептуальное поле [Шаховский 2010: 86-87]. В связи с этим эмотивную составляющую можно определить как связующий компонент между поведенческими и когнитивными процессами. В модели рефлексивно-смысловой сферы ДЛ эмоциональный компонент делится на эмоционально-поведенческий и эмоционально-когнитивный уровни, в зависимости от определенных функций эмотивов в анализируемом материале.

### *1.3.2. Смысловые доминанты в системе рефлексивно-смысловой сферы*

#### *1.3.2.1. Диалогическая доминанта сознания и способы ее вербализации*

Анализ двойственной природы осмысления информации человеком в диссертационном исследовании раскрывается через реконструкцию смысловой диалогической доминанты сознания в исповедальном тексте романа «Подросток» Ф.М. Достоевского. Принцип описания доминанты А.А. Ухтомского как мозгового центра управления всей жизнедеятельностью человека взят в качестве теоретической основы комплексного анализа. Актуальность исследования обусловлена раскрытием динамических аспектов языкового сознания как самоорганизующейся системы [Кузьмина 2021: 139]. Доминанты активизируют главную функцию управления организмом, подавляющую все другие потребности

и желания, которая концентрирует физические и психические силы в доминантном направлении [Ухтомский 2002].

Доминанта по А.А. Ухтомскому – это «господствующий очаг возбуждения» конкретной системы человека, предопределяющий в значительной степени характер текущих реакций нервных центров в данный момент времени [Ухтомский 2002: 39]. Актуальность диссертации обусловлена исследованием исповедального дискурса, в котором раскрывается функциональность таких доминант на нескольких уровнях психической системы личности.

В опытной психологии выделяются три взаимодействующих друг с другом важнейших психических процесса, отвечающих за физическую, эмоциональную и познавательную деятельность человека (Р.Г. Лотце, Г. Гефдинг, В. Вундт, А.Р. Лурия, Л.С. Выготский, А.Ф. Лазурский, В.А. Снегирев и другие): «познание», «чувствование» и «воля» [там же: 17]. «Познание» по А.А. Ухтомскому есть некое «ощущение», как его первичный элемент, который относится к материальной действительности и является объективным до его смещения с «чувствованием», – как «следствие нервного раздражения в сознании» на физические изменения, связанные с организмом человека [там же: 31-32]. «Чувствование» по А.А. Ухтомскому – это исключительно субъективные эмоциональные реакции человека, распределяющиеся по шкале «удовольствие – неудовольствие (страдание)» [там же: 19-20], «непосредственное внутреннее минутное состояние сознания», которое не может быть познанием, так как в случае попытки его осознать оно «тут же становится не внутренним состоянием, а внешним относительно познающего сознания фактом» [там же: 32]. При определении термина «воля» А.А. Ухтомский опирается на идеи Г. Гефдинга, А. Шопенгауэра, И. Канта и Н. Гартмана: «воля» – основной самостоятельный психический элемент, соединяющий в себе «чувствование» и «познание» (ощущение), сдерживающий их и управляющий ими как некая изначальная объективная сила [там же: 25-27]. Таким образом, сознание определяется диалектическим единством объективного («знания») и субъективного («чувствования») [там же: 27].

Чем выше уровень центральной нервной системы, тем исключительнее функционирующая доминанта. Так, в коре полушарий головного мозга принцип доминанты – это физиологическая основа акта внимания и предметного мышления [там же: 46]. В предметном мышлении А.А. Ухтомский выделяет три фазы в развитии опыта: первая фаза – доминанта физиологической реакции, привлекающая разнообразные рецепции; вторая фаза – доминанта выбирает группу рецепций биологически более интересной, находит адекватного ей раздражителя; третья фаза – закрепление доминанты как внутреннего состояния и соответствующих ей раздражителей в сознании, взаимодействие состояния центральной нервной системы с образом доминанты, который, в свою очередь, вызывает в ответ соотнесенное с доминантой состояние нервной системы [там же: 46-48]. Также исследователь дает характеристику доминантам высшего уровня сознания: 1) инертность – способность повторяться по возможности во всей цельности при изменении внешней среды и утрате поводов реакции; 2) совмещение с другими доминантами как следами от прошлого опыта; 3) доминанты могут вступать в борьбу друг с другом, так как будут оказывать противоположное влияние на чувства человека; 4) доминантой можно управлять при должной работе сознания со своим поведением, чувствами и мыслительными образами [Ухтомский 2002: 145-150]. Одной из самых трудных и главных, по мнению А.А. Ухтомского, подлежащих воспитанию доминант человека является умение контролировать психическую реакцию на коммуникативную ситуацию и собеседника, что требует максимального контроля над физической и «чувственной» (субъективной) стороной сознания [там же].

Диалогическая доминанта сознания в диссертационном исследовании – это смысловая единица вербализации метакогнитивной рефлексии, функционирующая в сознании ДЛ при переживании дискомфорта из-за поведения в коммуникативных ситуациях, противоречия собственных ценностных установок, противоречия разума и интуиции. Целесообразно исследовать диалогическую доминанту сознания, представленную в тексте, раскрывающем динамические процессы внутреннего мира личности, так как в исповедальном дискурсе доминанта будет

представлена на концептуальном уровне смысловыми оппозициями. Термин «текст» в данном исследовании употребляется в соответствии с определением И.Р. Гальперина, как «произведение речетворческого процесса» с «двойственной природой», представляющее собой многоуровневую динамическую систему, «имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 2007: 18-19]. Е.С. Кубрякова отмечает, при определении термина «текст» исследователи акцентируют внимание на разных его аспектах [Кубрякова 2004]. Но главной особенностью текста является отражение в нем итога речемыслительной деятельности его создателя, который воплощает особый замысел и направлен на определенного реципиента [Кубрякова 2004: 512]. При этом текст создает особую материальную протяженность – последовательность связанных между собой предложений и сверхфразовых единиц, образующих семантическое (или семиотическое) пространство. Диалогическая доминанта раскрывает глубинную связь концептуальной основы и языкового оформления изображения в исповедальном тексте, отражающем самоопределение личности, поиск возможных ролей в обществе, преобразование отношений, психологической эволюции личности. По мнению А.А. Гольдман, внутриличностный конфликт (внутренний диалог), основанный на несоответствии между двумя векторами познания индивида, может разрешиться при изменении некоторых убеждений или интерпретации ситуации [Гольдман 2021].

Диалогические доминанты в исповедальном дискурсе активизируются в ядерной зоне рефлексивно-смысловой сферы как семантической категории. Предполагается, что анализ динамики развития картины мира ДЛ позволит определить некий абстрактный смысловой вектор, способный воздействовать на диалогическую доминанту как бинарную смысловую оппозицию, нейтрализуя ее бинарность. Такой управляющий смысловой вектор в диссертации назван волитивной доминантой рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ.

### *1.3.2.2. Волитивная доминанта сознания и способы ее вербализации*

Исследования исповедального текста как особой формы отражения когнитивных механизмов сознания, самообъективации, взаимодействия

сознательного и бессознательного, требуют особых лингвокогнитивных методов. В контекстах ситуаций автокоммуникации ДЛ в романе «Подросток» функционируют смысловые единицы, отражающие процесс метакогнитивной рефлексии при восприятии мира. На когнитивно-эмоциональном уровне рефлексивно-смысловой сферы сознания функционируют диалогические доминанты сознания – феномен автокоммуникации, смысловая составляющая метакогнитивного процесса, возникающего в сознании личности при переживании дискомфорта на поведенческом, психоэмоциональном или ментальном уровнях в коммуникативных ситуациях. Этот процесс обусловлен внутренним противоречием между ценностными установками.

Эволюцию концептуальной картины мира и функциональную динамику диалогической доминанты сознания можно проследить только в тексте, в котором представлена автокоммуникация языковой личности и в котором раскрывается ее функционал через вербализацию метакогнитивной рефлексии. Функция диалогической доминанты определяется уровнем возникновения внутреннего противоречия личности – поведенческим, эмоциональным или когнитивным. При этом, в результате моделирования рефлексивно-смысловой сферы сознания личности, планируется доказать, что выбор позиции, которая разрешает внутреннее противоречие в правильном для субъекта исповедального дискурса русле, обусловлен работой воли как психического процесса – появлением волевой доминанты сознания, которая управляет диалогической доминантой, нейтрализуя ее смысловую бинарность.

В диссертации система рефлексивных процессов в разных ситуациях автокоммуникации конструируется с целью раскрытия волевого компонента концептуальной картины мира ДЛ. В контексте романа «Подросток» можно проследить, как в процессе постоянного взаимодействия рефлексии и действия возникает волевая доминанта и управляет интенциями личности на поведенческом, на эмоциональном и на когнитивном уровнях.

Существует несколько научных направлений исследования феномена воли. Два из них выделил Л.С. Выготский – автономное (идеалистическое) –

рассмотрение воли как самостоятельного психического явления (Р. Декарт, В. Вундт, А. Шопенгауэр); и гетерономное (естественное, каузальное) – представляющее волю как некий конструкт, объединяющий разнородные психические явления [Выготский 1982]. Автономное научное направление (в частности идеи А. Шопенгауэра) способствовало открытию такого явления как «бессознательное». А последователи идей Р. Декарта характеризовали волю как абсолютное духовное начало, способное управлять душой человека [там же]. С одной стороны, существует понимание воли как «сильной», «слабой», «собственной», «чужой», «свободной», с другой, считается, что это языковая игра со смыслообразующей функцией, передающая лишь описание поведения и взаимодействия людей, не имеющая в своей семантике понятий реальных психических механизмов [Шевцов 2016]. А.А. Шевцов, исследуя работы Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, Дж. Агамбена, отмечает, что исходным значением немецкого «wille», английского «will», французского «volonte» и латинского «voluntas» является «желание», а значение «воля» эти лексемы получили только в русских переводах [там же: 174]. В трудах древних философов Платона и Аристотеля также говорится о разнообразных желаниях, которые подвластны управлению с помощью мудрости [там же: 185].

Проблема определения термина «воля» остается открытым, так как относительно него в современных исследованиях существует несколько научных позиций. Одной из лингвокогнитивных проблем является определение волитивной модальности, требующей ответы на вопросы: может совокупность психических механизмов, связанных с регулировкой когнитивных и эмоциональных процессов быть вербализована? Существует ли вообще «свобода воли»?

По мнению американского нейроэндокринолога Р. Сапольски, «свободной воли» («free will») не существует, так как действительность детерминирована, но при этом сама действительность, как и человек, подвержены изменениям [Sapolsky 2023]. С его точки зрения, человеческое сознание – это всего лишь иллюзорное, воссоздающее чувство контроля, которое не имеет отношения к реальному поведению человека [там же]. А смысловое воздействие на организм человека, в

частности на нейроны головного мозга, равносильно физическому контакту с материальным миром. По мнению ученого, за все возможные схемы действий отвечают нейроны: как не существует свободных нейронов, так и не существует свободы воли, а дуализм мировосприятия человека обусловлен параллельной работой двух нейронов в мозге, «воспитанных» жизненным опытом [там же]. Выбор одного из путей действия Р. Сапольски называет воздействием возникшей дополнительной нейронной реакцией на информацию, которой человек не придает значения, но которая способна «склонить чашу весов» и сделать работу одного из нейронов доминантной [там же]. Переживания, социальное и антисоциальное поведение в подростковом возрасте напрямую влияет на формирование фронтальной части мозга и, соответственно, на дальнейшее любое поведение индивида; а влияние на нейронную сеть способно стать частью процесса детерминации [там же]. Эмпирические исследования Р. Сапольски масштабные, но проблема заключается в том, что в них процесс семиозиса сводится к работе мозга, а человеческие реакции на смысл сводятся к механическим. Отрицание существования феномена воли является одним из показателей двойственности картины мира, в которой действительность приобретает статус принятого какого-либо феномена или же отвергнутого. По мнению А.В. Кузнецова, аргументы, приводимые Р. Сапольски и другими сторонниками идеи отсутствия воли, не имеют существенных доказательств и даже противоречат принципам натуралистического исследования, так как материализм выдвигается ими на уровень метафизики [Кузнецов 2023]. Воля не является действием когнитивного механизма выбора, а предполагает осознание и ответственность за осуществление того или иного «свободного действия» [Разеев 2019: 113].

Согласно современным исследованиям (В.Ф. Петренко, А.П. Супруна, Г.Г. Кравцова), способностью к действительным волевым проявлениям пользуется незначительный процент человечества. «Способность управлять последовательностью событий в рамках заданной вероятности» является эволюционным процессом для человеческого сознания [Петренко 2017: 36]. Обладателя такой способностью, которая в данном исследовании будет называться

волитивной доминантой сознания, можно отнести к третичному сознанию, выделенному палеоневрологом С.В. Савельевым. Важной особенностью такого высокоуровневого сознания является, по мнению ученого, «свобода разума» – способность управлять индивидуальными сверхбиологическими качествами [Савельев 2021]. Такую способность также можно приравнять к проявлению воли.

В лингвистике термин «воля» обозначается модальностью волеизъявления. Но, исходя из проанализированных исследований феномена «свободы воли», анализ только языковых единиц не способен раскрыть актуализацию волитивной доминанты сознания. Если ментальное или эмоциональное, или физическое желание, проявленное в речи, воспринимать как активизацию воли, то возможно смешение единиц дискурсивной, языковой и концептуальной смысловых стадий.

В диссертации поиск и изучение волитивной доминанты сознания осуществляется с помощью реконструкции ментальных парадигм с опорой на теорию В.В. Колесова – выявления содержательных форм концептов, стремящихся к воплощению в единицах текста, вербализаторах метакогнитивной рефлексии. Предполагается, что волитивные доминанты рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ являются метакогнитивными механизмами управления рефлексией человека и представляют собой векторы смыслового выбора, влияющего как на поведение, так и на эмоциональное и ментальное состояния.

### *1.3.3. Лингвокогнитивное моделирование рефлексивно-смысловой сферы*

Моделирование рефлексивно-смысловой сферы сознания предполагает определение векторов развития семиозиса как психического процесса, протекающего на разных уровнях сознания ДЛ.

В контексте романа имплицативная информация накапливается и происходит процесс активизации каждым последующим смысловым включением предыдущего – подобная цепная реакция расширяет контекст и усиливает его образность, позволяет проследить динамику и глубину смыслового развертывания [Казаков 2006: 67]. Перестройка семантики слова обусловлена метафоризацией,

отражающейся в актуализации импликационных признаков. В когнитивной теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона раскрывается процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных областей – сферы-источника и сферы-цели [Лакофф 2004]. Метафора проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии: область источника – это конкретное знание, которое человек получает в качестве опыта взаимодействия с действительностью, а область цели – это менее конкретное и менее определенное знание, которое выражается с помощью более конкретного – источника [Баранов 2014]. Когнитивная структура области цели в концептуальной метафоре художественного произведения представляет собой имплицитный компонент, подлежащий выявлению.

Имплицитные компоненты представляют для моделирования рефлексивно-смысловой сферы первостепенный интерес, а концептуально-метафорический перенос обуславливает явление квазисинонимии (неточной синонимии) в тексте – категории лексической семантики, обусловленной многозначностью и валентностью лексико-семантических вариантов, при которой толкования синонимичных в тексте словоформ разное [Апресян 1995: 235].

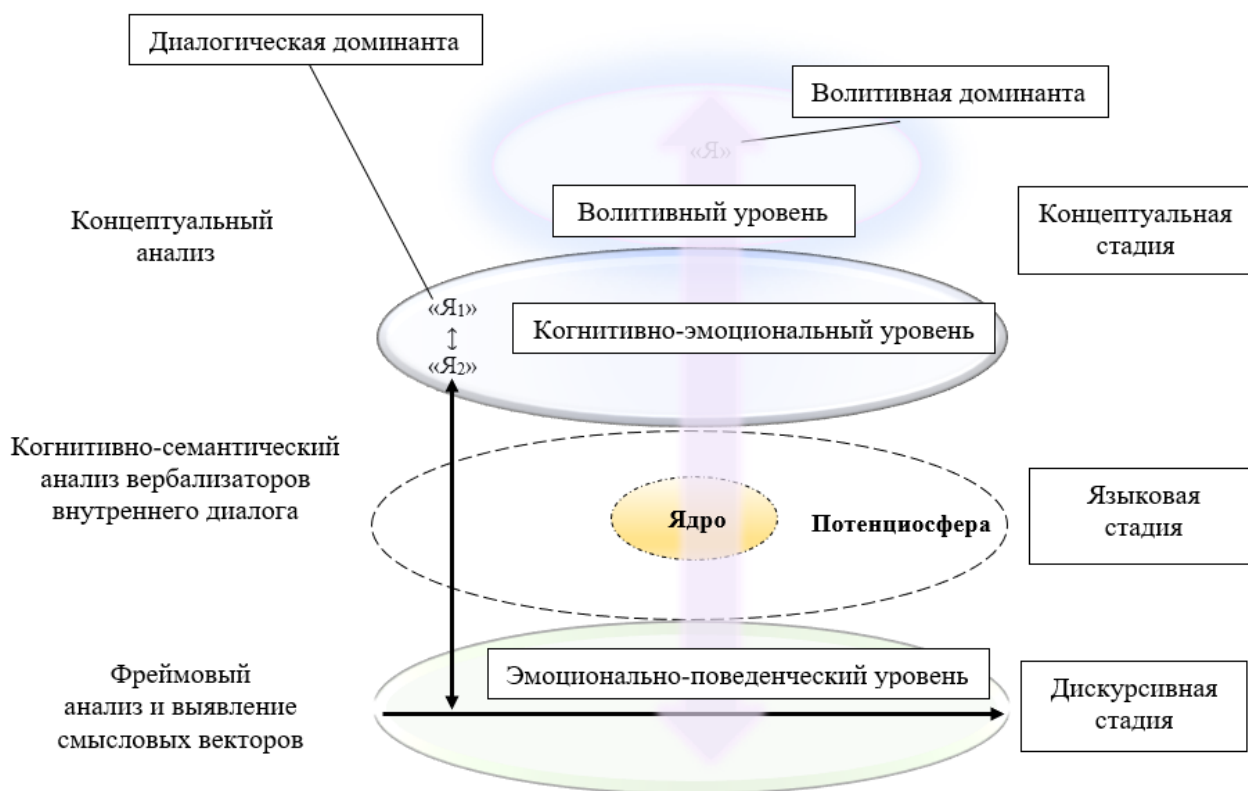
Связанная со сферой языкового сознания семантика обозначается как «семантические сети» – «ассоциативно-организованный ментально представленный каркас», узлы внутри которого – точка размещения концепта [Переволочанская 2009: 1589]. Связь между концептами образует концептуальную сеть, которая взаимодействует с семантической сетью на ментальном уровне, образованной смысловыми связанными «пучками», стремящимися концептуализироваться [там же].

В диссертации в форме переплетающихся смысловых сетей предлагается построить модель рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ. Такая полигональная сеть, включающая как семантическую, так и концептуальную составляющие, может быть смоделирована с помощью выявления цепочек смысловых импликаций и их взаимосвязей.

В основе предлагаемой полиаспектной организации лежит теория доминанты А.А. Ухтомского, расширенная исследованиями современных нейрофизиологов о «явлении последствий» – возникновении и функционирования доминантного нервного центра по физической или информационной причинам в равной степени [Правдивцев 2012].

Рефлексивно-смысловая сфера ДЛ разделяется на взаимозависимые сферы: *эмоционально-поведенческую*, представленную смысловыми приращениями к доминантным смысловым векторам на дискурсивной стадии; *когнитивно-эмоциональную*, представленную бинарными смысловыми оппозициями – диалогическими доминантами на концептуальной стадии; и *волевую*, представленную сверхдоминантным смысловым вектором – инвариантом всех доминантных смысловых единиц, который управляет диалогическими доминантами на концептуальной стадии. Предлагаемые сферы организуются в форме трех уровней. На языковой стадии функционируют ядерные семы вербализаторов метакогнитивной рефлексии (взаимодействия «Я»-позиций). На схеме № 1 представлены стадии воплощения рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ и методы их исследования (схема № 1).

Схема № 1. Стадии воплощения рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ



Фреймовый анализ ситуаций автокоммуникации позволяет выявить смысловые векторы, функционирующие во всех ситуациях автокоммуникации. Когнитивно-семантический анализ лексем (языковой стадии), вербализующих смысловые векторы в качестве ядерных архисем, дает возможность выявить имплицитное смысловое взаимодействие внутри контекста романа и смоделировать цепочку смысловых приращений, реализующуюся на дискурсивной стадии, которая образует эмоционально-поведенческую сферу ДЛ. Эмоционально-поведенческая сфера раскрывается через категории субъективной модальности – мотивацию, представления (воображение или имагинацию), восприятие (перцепцию) и эмотивность, представленные в контексте романа при описании субъектом собственного поведения и переживаний.

Выявление смысловых оппозиций, проявляющихся в процессе образования имплицитных смысловых приращений, позволяет определить эти бинарные смысловые векторы как диалогические доминанты сознания ДЛ, которые являются

протовербальной актуализацией метакогнитивной рефлексии субъекта и образующие когнитивно-эмоциональную сферу.

Концептуальный анализ (выявление содержательных форм концептов по В.В. Колесову) позволит определить сверхдоминантные смысловые векторы, управляющие бинарностью диалогических доминант сознания на концептуальной стадии воплощения смыслов.

Выявленные смысловые единицы будут представлены в форме полигональной сети в модели рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ.

### Выводы по ГЛАВЕ 1

Проанализированный в первой главе теоретический материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Термин «исповедальный дискурс» рассматривается в диссертационной работе как способ вербализации высказываний в процессе автокоммуникации ЯЛ, отражающей лингвистическую и экстралингвистическую информацию, смыслы которой функционируют на протовербальном уровне.

2. Представлено разграничение терминов «языковая личность» как базового, инвариантного понятия и «дискурсивная личность» как вариантного, специфического проявления ЯЛ в рамках исповедального дискурса романа Ф.М. Достоевского «Подросток».

3. Введен термин «рефлексивно-смысловая сфера сознания» ДЛ и представлена его дефиниция. *Рефлексивно-смысловая сфера сознания* – когнитивно-семантическая парадигма ДЛ, ядром которой является категория смысла, определяющая себя через смысловые векторы, пронизывающие все уровни субъективизации поступающей и порождаемой информации, объективным регулятором которой является процесс автокоммуникации в рамках исповедального дискурса.

4. В качестве экстралингвистических факторов рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ были выделены метакогнитивная рефлексия индивида,

представленная в контексте романа как процесс автокоммуникации и прецедентные феномены, представленные в контексте романа «Подросток» как маркеры интертекстуальности.

5. Исповедальный нарратив романа Ф.М. Достоевского «Подросток» признается дискурсивным, так как представляет собой сеть взаимодействия интерпретаций явлений, происходящих как в окружающей действительности, так и на эмоциональном и ментальном уровне личности.

6. Установлено, что исповедальное повествование в романе является продуктивным материалом для построения модели рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ, так как данный текст позволяет проследить динамичность процесса расширения смысловой сферы, ее стохастических компонентов языковой и концептуальной картин мира.

7. Феномен автокоммуникации описан как способ представления рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ в исповедальном повествовании романа «Подросток», также рассмотрены междисциплинарные подходы к описанию термина «автокоммуникация».

8. Языковая картина мира личности в исповедальном дискурсе представлена как динамическая картина мира ДЛ, в которой через смысловую категорию прослеживается связь с протовербальной стадией реализации смыслов.

9. Рассмотрены стадии смысловой реализации (протовербальная, вербальная и дискурсивная) в картине мира ДЛ и определены их единицы – волитивные доминанты, диалогические доминанты, смысловые векторы, архисемы и семы импликационала вербализаторов смысловых векторов и смысловые приращения.

10. Термин «диалогическая доминанта сознания» ДЛ – бинарная смысловая оппозиция, представленная на концептуальном уровне как результат абстрагирования (универсализации) смысловых компонентов метакогнитивной рефлексии.

11. Термин «волитивная доминанта сознания» ДЛ определен как сверхдоминантный (инвариантный) смысловой вектор, управляющий

бинарностью смысловых оппозиций и представляющий собой смысловую реализацию феномена воли человека.

12. Представлено описание уровневой организации рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ (эмоционально-поведенческий, когнитивно-эмоциональный и волевый уровни) и ее взаимосвязь с концептуальной, языковой и дискурсивной стадиями смысловой реализации рефлексии в исповедальном дискурсе. Рассмотрен перечень лингвокогнитивных методов, необходимых для конструирования модели рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ романа «Подросток».

## ГЛАВА 2

# ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ КОНТЕКСТОВ АВТОКОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЙ

### 2.1. Статусно-семантические роли при реконструкции фрейма

Семантический анализ в диссертационном исследовании используется для идентификации структурных частей фрейма ситуаций автокоммуникации. С помощью данного анализа раскрывается контекст конкретной ситуации, определяются ее агенты, причины, следствия. Семантический анализ требует изучения синтагматических связей в тексте, вычленения смысловых отношений текстовых единиц. «Именами отношений» Л.А. Новиков определяет предикаты, состоящие из семантических уровней, которые раскрывают тонкие особенности текста [Новиков 1982: 24]. Исследование глубинных семантических ролей внутри фрейма автокоммуникативной ситуации требует проведения семантического анализа предикативных частей текста, которые дополнены модальной рамкой, устанавливающей смысловую структуру языковых единиц относительно субъекта, раскрывающей прагматический компонент этих единиц [Новиков 1982: 24]. Предикатами в тексте выступают лексические связки, синтагмы, выражающие информацию о субъекте, его модальность (целевую установку речи), ментальные модусы [Арутюнова 1999: 427-429]. Раскрыть истинность прагматической пропозиции (структуры когерентных когнитивно-семантических признаков субъекта) возможно с помощью анализа «сенсорных модальных слов» (включающих в свою семантику как поведенческую, так и эмотивную составляющую) в позиции предикатов [Арутюнова 1999: 427-429].

Представители западной когнитологии Р.С. Шэнк и П. Абельсон в рамках моделирования когнитивных механизмов искусственного интеллекта (опираясь на когнитивные механизмы сознания человека) разработали теорию когнитивных схем (скриптов), в которой утверждается, что при восприятии явлений окружающей действительности (в том числе вербальных) люди используют схематические представления о той или иной ситуации и ее динамике развития

[Schank, Abelson 1977]. В такой статической схеме определяются субъекты и отношения между ними – обязательные элементы окружающего мира. Скрипт (или сценарий), задает последовательность стереотипных действий в той или иной контекстной ситуации. В обыденной жизни у человека в сознании функционирует некий фрейм (рамка) ситуации, включающий агентов действия и инструменты взаимодействия, а также сценарий, предполагающий примитивное действие, имплицитное или эксплицитное проявление агентов, процесс, реципиентов, побочные эффекты и результат [Schank 1995]. Таким образом, фреймы и включенные в них скрипты – это некие схемы, отражающие инварианты представлений человека.

Ч. Филлмор ввел концепцию фрейма интерпретации как инструмент для проведения исследований в областях лексической семантики, семантики грамматики и семантики текста [Fillmore 1985]. Фрейм представляет собой особую семантическую организацию знаний, раскрывающую фактическую основу отношений значений слов. Согласно теории семантики фреймов Ч. Филлмора, носители языка могут иметь полное представление о значении одного слова, принадлежащего определенной области, при этом не зная других ее слов [там же: 229]. При этом семантическое поле известного слова будет раскрываться благодаря его импликационалу. Процесс интерпретации текста с помощью семантики фреймов рассматривается как процесс придания ему максимально насыщенной интерпретации, способной извлечь из текста как можно больше знаний [Fillmore 1985: 234]. Согласно исследованию Н.Н. Болдырева, «принципы структурирования и передачи определенной части человеческого опыта, знаний в значениях языковых единиц, способы активации общих знаний, обеспечивающих понимание в процессе языковой коммуникации» могут быть сформулированы благодаря изучению фреймовой семантики [Болдырев 2014: 104].

Структура фрейма была подробно описана М. Минским как конструкция с данными, представляющими какую-либо стереотипную ситуацию [Минский 1979]. Фреймовый анализ может использоваться для фрагментарного раскрытия таких компонентов динамической структуры языковой картины мира, как

«процессуальность, субъект речи», «объект речи или ее адресат, мотив или потребность, интенция или речевое намерение, цель», «содержание или предмет речевого общения, языковые или семиотические средства речи» [Леонтьев 2003: 16]. В работе М. Минского фрейм имеет следующую структуру: верхние уровни, четко определенные конкретными логическими понятиями, нижние уровни, состоящие из слотов, которые заполняются специальными данными, и межкомпонентные связи [Минский 1979].

Анализ текстового эпизода может осуществляться с помощью рамочного моделирования речеповеденческой семантики. Конструируемый фрейм раскрывает область контакта автора, создавшего определенный контекст, и его интерпретатора, заполняющего слоты каждого предшествующего фрейма на базе получаемых при чтении и интерпретации данных о ситуациях из последующих фреймов или из багажа своего опыта познания и памяти [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 187-193].

Согласно исследованию А.Э. Левицкого, в языке и речи когнитивно-коммуникативной формой представления знаний является ситуация [Левицкий 2019]. Информационной базой мышления, функционирующей в форме содержимого памяти человека, является прошлый опыт личности, который в коммуникативной ситуации (гештальте поведенческого акта) проявляется как пресуппозиция [там же]. В сознании ДЛ отражение любой ситуации обрывается отношением говорящего к действительности и к коммуникативному партнеру – рефлексией, сопутствующей восприятию и порождению информации.

По наблюдениям А.Э. Левицкого, в картине мира личности, представленной в художественном дискурсе, именно ситуативное единство (позволяющее «продуценту информации декодировать полученную информацию») обеспечивает референцию к действительности [там же: 15]. С речевым взаимодействием связана дискурсивная ситуация, в которой «структурированное в сознании индивида знание о фрагменте действительности» включает комплекс мировоззренческих и самоидентификационных представлений [там же: 16]. Именно дискурсивной ситуацией отражается действительность в художественном произведении. В

исследовании А.Э. Левицкого фреймы как ментальные репрезентации, отраженные во фрагментах изучаемого текста, являются средством описания дискурсивной ситуации, «служат основой для формирования определенных контекстных ожиданий» и задают рамки допустимых интерпретаций [там же: 16]. Представление фрейма в художественном дискурсе происходит «посредством акцентирования определенных слотов, которые реализуют фабульный фрейм» [там же: 17]. Согласно исследованию Л.А. Бушуевой, фрейм ситуации поступка включает в себя инвариантные семантические компоненты – мотив действия, агента, объект, действие, результат и оценку, которые возможно раскрыть только в дискурсе и в ассоциациях [Бушуева 2019: 49].

В диссертации предлагается реконструировать фреймы автокоммуникативных ситуаций, представленных в романе Ф.М. Достоевского «Подросток». Фреймовая семантика обусловлена темпоральными и каузальными связями между отдельными компонентами, тексто-композиционным аспектом (активацией слотов автором), динамикой взаимодействия агентов речеповеденческой ситуации (коммуникативным аспектом) [там же]. Фреймовый анализ исповедального текста подразумевает интерпретацию фрагмента текста с шаблонной структуризацией его содержимого – попытку раскрыть динамическую структуру контекста. Под фреймом автокоммуникативной ситуации исповедального дискурса подразумевается рамочная структура данных, включающая в себя глубинные семантические роли личности, речеповеденческие процессы, их мотивы и эффекты.

В данном исследовании фреймовую конструкцию ситуации автокоммуникации предлагается дополнить контент-анализом глубинных семантических ролей (на основе перечня ролей Ч. Филлмора, 1981г.) в качестве слотов. Теория Ч. Филлмора предложила универсальный инструмент для описания отношений между предикатом и его аргументами; суть теории заключается в том, что падежи в естественных языках отражают не просто грамматические функции, а универсальные смысловые роли, которые участники ситуации играют по отношению к действию или состоянию [Fillmore 1968]. Анализируя фрагменты

романа «Подросток» с помощью данного метода, фрейм ситуации может быть представлен более подробно и объективно, а также может быть выявлено неявное авторское отношение и глубинные структуры не всегда осознаваемых личностью отношений [Серкин 2008].

Особенностью представления фрейма ситуации автокоммуникации будет обязательное наличие двух и более субъектов действия («Я»-позиций), относящихся к одной и той же личности. Перечень выявляемых из ситуации глубинных семантических ролей следующий: 1) агентив (агент) – субъект действия (выражается подлежащим или агентивным дополнением); 2) инструменталис (инструмент) – неодушевленная сила или предмет, включенные в действие глагола; 3) датив (реципиент) – дополнительный субъект, связанный с состоянием или действием, называемым глаголом; 4) фактитив (результат) – предмет или объект, возникающий «в результате действия или состояния, называемого глаголом, или которое понимается как часть значения глагола» [цит. по Серкин 2008: 303]; 5) локатив (пространство) – пространственная ориентация основного действия; 6) объектив (побочный эффект) – дополнение, которое затрагивается «состоянием или действием, идентифицируемым глаголом» [там же]. Подобная фреймовая конструкция была описана О.В. Вахоной: узлы, создающие между собой сеть отношений агента (вызвавшего ту или иную ситуацию); намерения (цели ситуации); побочных эффектов (последствий ситуации); реципиента (воспринимающего ситуацию) и инструмента (средства создания ситуации) [Вахолина 2014: 5].

Семантические роли могут находиться на верхних уровнях определенного фрейма, а также могут образовывать пустые слоты нижнего уровня, которые необходимо заполнить данными, варьирующимися в зависимости от ситуации. Семантический фрейм структурирует лексическую информацию по категориальному принципу [Костомарова 2015: 25]. Интерпретатор заполняет слоты каждого предыдущего в тексте фрейма, основываясь на получаемых при чтении и интерпретации данных о ситуациях из последующих фреймов [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 190]. При нехватке данных слоты можно

заполнить интерпретационной информацией, которая обязательно опирается на контекст, экстралингвистический компонент значений языковых единиц и конкретную структуру (в данном исследовании система взаимодействия глубинных семантических ролей).

Таким образом, в данном исследовании фреймовый анализ автокоммуникации ДЛ романа Ф.М. Достоевского «Подросток» осуществляется с помощью моделирования структуры каждой из ситуаций, в которой представлена метакогнитивная рефлексия субъекта исповедального дискурса (Аркадия Долгорукого). Автокоммуникативные ситуации анализируются как текстемы, в которых при прочтении становится явным поиск психоэмоциональной гармонизации внутреннего мира персонажа художественного произведения. Под термином «текстемы» понимаются интегральные, многосторонние синтаксические единицы, образующие концептуально-когнитивную структуру текста [Фефилов 2011] – фрагмент текста, обладающий своим прагматическим, смысловым, тематическим, интенциональным и синтаксическим единством [Супрун 2013: 82]. Фреймовое моделирование автокоммуникативных ситуаций состоит из следующих этапов: 1) определение границ анализируемой текстемы – установление относительной завершенности конкретной ситуации взаимодействий «Я»-позиций; 2) выявление глубинных семантических ролей в данной ситуации; 3) определение системы ролевых отношений внутри конкретного фрейма. Данная методика позволит выявить систему оценок, которая будет являться характеристикой денотативных смыслов, обусловливаемых «авторским восприятием действительности» [Дзюбенко 2024: 2567]. Для выявления оценочности и эмотивности в процессе внутреннего диалога ДЛ результаты фреймового анализа подвергаются дальнейшему исследованию эмоционально-поведенческих и когнитивно-эмоциональных компонентов метакогнитивной рефлексии.

Для практического применения описанного метода фреймового анализа в качестве материала было отобрано всего пять фрагментов романа «Подросток». Цель отбора данных фрагментов – анализ вербализации метакогнитивной рефлексии ДЛ (представленной в форме ситуаций автокоммуникации), в процессе

которой происходит осмысление собственных поступков, собственных «Я»-позиций, эмоциональных состояний.

Принципами отбора контекстов являются:

1) выбор фрагмента, который выделен Ф.М. Достоевским в качестве параграфа одной из глав, в котором ситуация автокоммуникации изображена в рамках причинно-следственной связи ее возникновения;

2) особую значимость представили контексты, в которых через интенциональную категорию субъективной модальности отражаются трансцендентные компоненты картины мира ДЛ, в дополнение к которым были проанализированы контексты, раскрывающие смыслы данных компонентов.

Соответственно, объем того или иного контекста зависит от «пронизывающей» конкретный фрагмент смысловой составляющей, которая подлежит выявлению в полной мере. В связи с тем, что само повествование представлено в форме дневника, в котором изложена интерпретация происшедших в течение жизни с Аркадием Долгоруким событий, изложенные факты сопровождаются метакогнитивной рефлексией субъекта речи, описанием и анализом собственных поведенческих, эмоциональных и когнитивных реакций. Анализируемые фрагменты с ситуациями автокоммуникаций в романе включают в свои границы описание произошедших жизненных ситуаций. С целью систематизации этих ситуаций в исследовании им даются условные названия.

## **2.2. Анализ ситуации автокоммуникации «Объяснение поездки в Петербург»**

Анализ ситуации автокоммуникации «Объяснение поездки в Петербург» (часть первая, глава первая, VII–VIII) включает в себя рассуждения Аркадия о своем выборе переехать к родителям из Москвы в Петербург. В качестве узлов слота – постоянных компонентов – выделяются семантические роли из предикативных конструкций, в качестве слотов – сменных компонентов – отношения к действующим лицам, включенным в исповедальное повествование. Все компоненты фрейма объединены единым пространственно-временным

континуумом, а внутренняя смысловая организация представлена в векторной форме [Переволочанская 2025: 3946]. Начинается эпизод романа «Подросток» «Объяснение поездки в Петербург» [Достоевский 2021: 14-19] изложением Аркадия Долгорукого собственных мыслей о своей «идее», описанием места этого феномена в его внутреннем мире: *«Я так и прописываю это слово: “уйти в свою идею”, потому что это выражение может обозначить почти всю мою главную мысль – то самое, для чего я живу на свете»* [Достоевский 2021: 14]. Семантическую роль агента в данном фрагменте играет Аркадий Долгорукий, выступает в качестве субъекта исповедального повествования. «Идея» героя является смысловым вектором, определяемым пространством, представленным во фрагменте – областью мыслей Аркадия Долгорукого – ментальным пространством как семантической ролью фрейма ситуации автокоммуникации.

Размышления об идее представляют собой рефлексии над собственной жизненной позицией: *«идея» «поглотила всю мою жизнь», «мечты мои <...> из глупых сделались разумными»; «помешала гимназии, помешала и университету», «вознамерился не только порвать со всеми радикально, но если надо, то со всем даже миром»; «бестрепетно стал за идею, ибо был математически убежден»* [Достоевский 2021: 14-15]. Идея для Аркадия становится смыслом жизни, все свои поступки он связывает с ней, как с мотивом.

Одним из компонентов «идеи», который Аркадий называет, является *уединение*, «скорлупа», – уход от родных, к которым он приехал в поисках «истины» об отце. Рассуждения об «идее» переплетаются с рассуждениями о родном отце Аркадия – Андрее Петровиче Версилове: *«которого я видел всего только раз в моей жизни, на миг, когда мне было всего десять лет (и который в один этот миг успел поразить меня)»* [Достоевский 2021: 15]. В процессе интерпретации поступка Версилова в отношении себя Аркадий дает ему негативную оценку, осуждает его отношения к себе – описывает его прилагательными «сухой и гордый», по отношению к Аркадию «высокомерный и небрежный». Предикативные конструкции, относящиеся к Версилову *«родив меня и бросив в люди», «не только не знал меня вовсе, но даже в этом никогда не*

*раскаивался», «и деньги не он платил за содержание мое» [Достоевский 2021: 15]* раскрывают временные рамки отношений Аркадия с отцом – период взросления и роста Аркадия, и пространство взаимоотношений – семью. Согласно представлениям героя, отец должен был быть рядом с ним, должен раскаиваться в том, что не принимал участие в его взрослении. Версилов, как персонаж произведения, играет роль второго агента ситуации автокоммуникации ДЛ, так как является одним из субъектов в ментальном пространстве Аркадия Долгорукого.

Аркадий цитирует собственные мысли, которые возникли у него по дороге в Санкт-Петербург, вспоминает свои впечатления о приглашении Версилова: *«Конечно, у меня вдруг являлся отец, которого никогда прежде не было. Эта мысль пьянила меня и при сборах в Москве, и в вагоне. Что отец – это бы еще ничего, и нежностей я не любил, но человек этот меня знать не хотел и унижил, тогда как я мечтал о нем все эти годы врасос (если можно так о мечте выразиться). Каждая мечта моя, с самого детства, отзывалась им: витала около него, сводилась на него в окончательном результате» [Достоевский 2021: 16].* В приведенном фрагменте действия двух агентов взаимосвязаны как причина и следствие во временных рамках всего взросления главного героя: высокое восприятие отца в детстве, мечта о нем и отсутствие Версилова в настоящей жизни Аркадия приводят к смене отношения, к появлению в мечтах «идеи», заменившей доминантный образ семьи мальчика на образ самореализации в обществе (раскрываемый описанием идеологической сущности). Взаимосвязь «идеи» и отношений с отцом передается «таинственностью», как важным идеологическим смыслом, выстраивающим грань взаимоотношений Аркадия с Версиловым: *«таинственные от Версилова, мои таинственные шестьдесят рублей. Именно таинственные потому, что были накоплены из карманных денег моих <...> копление же началось с первого дня моей “идеи”, а потому Версилов не должен был знать об этих деньгах ни слова. Этого я трепетал» [Достоевский 2021: 17].* Смысловый вектор взаимоотношений с отцом влияет на развитие смыслового вектора раскрытия сущности «идеи» Аркадия.

В данном на момент рассказа главного героя описании Версилова как агента ситуации отмечаются предикативные конструкции с пейоративным значением: *«жил праздно, капризился», «брюзжал ужасно», «все приемы его были совершенно деспотические», «как можно было так постареть и истереться всего только в девять каких-нибудь лет с тех пор»* [Достоевский 2021: 17]. Семантика осуждения поведения Версилова передается с помощью предикативных конструкций. Ключевыми моментами в описании отца являются факты описания финансового и общественного положения Версилова: *«нищета была лишь десятой или двадцатой долей в его неудачах», «прожил в свою жизнь три наследства, и вот его опять выручало наследство!», «он выгнан из общества», «скорее сам прогнал общество от себя, – до того он смотрел независимо»* [Достоевский 2021: 17-18]. Параллельно с описанием положения отца Аркадий описывает цель своего приезда к нему: *«Виновен или не виновен Версилов – вот что для меня было важно, вот для чего я приехал!»* [Достоевский 2021: 18]. Семантическую роль инструмента (с помощью которого осуществляется действие, но который сам не претерпевает изменений в процессе действия) в анализируемой ситуации представляют описываемые Аркадием когнитивные механизмы сознания: *«порешил», «решился», «рассуждал», «продолжал я раскидывать», «замечу вперед», «мысль пьянила меня», «не знаю», «меня тянуло», «предупреждаю заранее», «я замечаю»* – предикативные конструкции, используемые для передачи осознания и объяснения происходящего.

Семантическую роль реципиента играет сам Аркадий, так как вся излагаемая им информация дается через призму его оценки: *«двойственность планов и целей <...> и была, кажется, одною из главнейших причин многих моих неосторожностей, наделанных в году, многих мерзостей, многих даже низостей и, уж разумеется, глупостей»* [Достоевский 2021: 18]. «Двойственность» является одним из смысловых векторов, раскрывающих данную ситуацию автокоммуникации. Аркадий осмысливает бинарность собственного мировоззрения в ходе рефлексии над отношениями с отцом и с «идеей». Таким образом, семантическая роль пространства, в котором происходят описываемые

события в настоящий момент, принадлежит ментальному плану Аркадия Долгорукого – плану осмысления и осознания действительности через рефлексивную ретроспекцию.

Побочными эффектами ситуации становятся описание эмоционально-поведенческих реакций на взаимоотношения с отцом: *«он наполнял собою все мое будущее, все расчеты мои на жизнь, – и это случилось само собою, это шло вместе с ростом»*; *«со мной он обращался как с самым зеленым подростком, чего я почти не мог перенести»*; *«приготовился порвать окончательно и уже принял все меры»*; *«Мать мне жаль было, но... “или он, или я” – вот что я хотел предложить ей и сестре моей»* [Достоевский 2021: 17-18]. Таким образом, Аркадий жалеет мать из-за ее привязанности к Версилу, и допускает продолжение взаимоотношений с ней при условии ее отказа от его отца, что хочет предложить и сестре. А «идея» для Аркадия становится смыслом жизни, все свои поступки он связывает с ней, как с мотивом, одним из компонентов которого является *удинение*, «скорлупа», – уход от родных, к которым он приехал в поисках «истины» об отце. Аркадий описывает «двойственность планов и целей», которая преследовала его перед приездом, именно в этой двойственности он видит причину совершенных с ним в Петербурге ошибок. Возможность оказать влияние на положение отца в обществе прельщала Аркадия, так как он мог стать «властелином и господином чужих судеб» – обрести некий социальный статус среди господ. Деньги, которые Аркадий накопил, стали символом независимости Аркадия от Версилова, в этом и заключалась их «таинственность», которая показывала «взрослость» подростка. В рефлексии над поступками Аркадия прослеживается оправдание обиды на отца, так как противоречивое отношение к отцу он ошибкой не считает. Результатом, как семантической ролью, в данной автокоммуникативной ситуации становится описание Аркадием причин переезда в Петербург и рефлексия над собственными мыслями, чувствами и поступками. Взаимосвязь описанных выше семантических ролей, на основании которых сформулированы данные выводы можно представить в форме схемы № 2 Фрейм ситуации автокоммуникации «Объяснение поездки в Петербург», на которой узлы представлены овалами – агентами и реципиентами, а

слоты – прямоугольниками – инструментом, пространством, побочными эффектами и результатами.

Схема № 2. Фрейм ситуации автокоммуникации  
«Объяснение поездки в Петербург»



Взаимосвязь агента 1 и агента 2 осуществляется с помощью когнитивных механизмов сознания Аркадия Долгорукого в его собственном ментальном пространстве – осмысления роли Версилова в рамках собственного взросления, познания собственных эмоциональных переживаний, формулировка оценочных суждений. Воспринимающим перерабатываемую информацию сознанием – реципиентом – является также Аркадий. В результате обработки информации, которую порождает агент 1, перечисляются причины переезда Аркадия в Петербург, и происходит саморефлексия – переосмысление совершенных и потенциальных поступков, испытанных и испытываемых эмоций. В качестве побочных эффектов выражается противоречивое отношение к отцу и к «идею».

В результате анализа предикативных частей выявлены единицы текста, отражающие смысловые связи между узлами и слотами данного фрейма: «идея», «уединение», «тайна», «раздвоение», «любовь», «правда». Рамка исследуемой

ситуации автокоммуникации является частью языковой картины мира Аркадия Долгорукого, но ее анализ представляет целую структуру восприятия окружающей действительности и выражения этого восприятия в речи. События в Петербурге, которые происходили Аркадием Долгоруким, заставляют его придаваться дальнейшей рефлексии своей «идеи» и взаимоотношения с обществом в дневнике.

### **2.3. Анализ ситуации автокоммуникации «Описание рассуждений у Дергачева»**

Ситуация автокоммуникации «Описание рассуждений у Дергачева» (часть первая, глава третья, III-V) требует рассмотрения более широкого контекста, в который она встроена в связи с тем, что метакогнитивная рефлексия в этом фрагменте связана с впечатлениями Аркадия от коммуникативного взаимодействия с молодыми людьми, обсуждающими свои «идеи» [Достоевский 2021: 41-51].

Семантические роли агентов в данном фрагменте выполняют все участники дискуссии, имеющие в ситуации автокоммуникации статус субъекта действия. Аркадий Долгорукий является первым агентом, а также реципиентом ситуации, эта взаимосвязь раскрывается вектором отношений к себе самому. Этот смысловой вектор является одним из побочных эффектов, характеризуется возникновением противоречий: с одной стороны, герой чувствует себя недостойным, униженным – «пошлого лица, недостойным ребенком», а с другой, наоборот, пытается найти в себе превосходство над другими, возвышает свою личностную свободу, ставит себя на первое место «личная свобода на первом плане, мне самому знать мою выгоду». «Идея» Аркадия выступает в качестве оплота безопасности, в котором он прячется, когда сталкивается с негативным взаимодействием с обществом.

Вторым агентом является Ефим Зверев. Он связан с ситуацией автокоммуникации Аркадия тем, что приводит героя в общество молодых людей. Инициатором взаимодействия является первый агент, а одним из побочных эффектов становится оценка реципиентом Аркадием личности Ефима. Такая

характеристика, как *«с прескверной улыбкой»*, *«не любил вовсе»*, *«Говорить с ним было не о чем»* имеют пейоративную семантику в тексте и отражают негативное отношение [Достоевский 2021: 41]. Аркадий цитирует высказывание в отношении своего поведения в обществе *«“трусишь” всегда произносил с прескверной улыбкой на мой счет»*, интерпретируя его с пейоративной семантикой, но в процессе метакогнитивной рефлексии признает свою трусость: *«Да, я трусил идти к Дергачеву, хотя и не от той причины, которую предполагал Ефим. Я трусил оттого, что <...> они (то есть они или другие в этом роде – это все равно) – диалектики и, пожалуй, разобьют “мою идею”»* [Достоевский 2021: 47].

Третьим агентом ситуации становится Дергачев, который стал связан с первым агентом и реципиентом через второго агента – Ефима. Выражение отношения Аркадия к Дергачеву является одним из побочных эффектов ситуации. Словосочетания *«видна сметливость, во всем сдержанность»*, *«беспрерывная осторожность»*, *«очевидно управлял разговором»* имеют мелиоративную семантику и выражают положительную оценку Аркадием поведения Дергачева. Жена Дергачева является четвертым агентом, так как выступает как один из субъектов дискуссии. Побочным эффектом ее включения в ситуацию является положительная оценка внешности реципиентом: *«Довольно миловидная молоденькая женщина, очень скромно одетая, и, слегка поклонившись мне»* [Достоевский 2021: 43]. Аркадий цитирует ее идею жить *«по природе и правде»*, но не дает оценку этому высказыванию и ее поведению – то, что она кормила ребенка, слушала обсуждения, передается героем просто как факты.

Пятым агентом является Крафт, встреча с которым была целью и результатом коммуникации с остальными агентами. Этот персонаж является одной из ключевых фигур в романе «Подросток». Крафт выражает *«скрепляющую идею»*, связанную с будущим благополучием России, ее земель и народа, которая впоследствии доводит его до самоубийства. Описание передачи Крафтом документа Аркадию (цели их встречи) и раскрытие крафтовской идеи уже не относится к анализируемому фрейму, но связано с интертекстуальным уровнем дискурсивной стадии смыслового воплощения ДЛ исповедального повествования.

В романе идеологические установки молодых людей XIX в. отражаются в их взаимодействии с психоэмоциональным состоянием личности. Согласно исследованию У.К. Брумфилд, отсутствие веры в русский народ и потребность национального превосходства одной страны над другими странами являются смысловыми векторами крафтовской идеи, приведшими его к самоубийству [Брумфилд 2014].

Изображение столкновения идей (внешнее и внутреннее) является прецедентной отсылкой к непринятию позитивистского образа мышления философской мыслью Ф.М. Достоевского. Чрезмерное спокойствие и отсутствие динамичности идеи Крафта являются признаками стагнации в развитии его личности, сделавшей выбор не в сторону дальнейшей эволюции, а в сторону самоуничтожения. Если у Аркадия сохраняется динамика осмысления собственного внутреннего мира: *«нравственная идея», «я закат не люблю», «хоть три жизни дайте – мне и тех будет мало», «к одному себе»*; то у Крафта главная ценность состоит в *«жизни под влиянием какой-нибудь господствующей мысли»* [Достоевский 2021: 45], иначе для него существование становится бессмысленным; *«нравственных идей теперь совсем нет»*, для него любопытно, что значит *«к себе»*, потому что его внутренний мир застыл и перестал развиваться [Достоевский 2021: 53-56].

Мировосприятие Крафта противопоставляется взглядам Аркадия Долгорукого. Описание лица Крафта представлено двусмысленно. В качестве одного из побочных эффектов становится положительная оценка его внешности и поведения: *«Крафтово лицо я никогда не забуду»*; *«что-то как бы уж слишком незлобивое и деликатное, хотя собственное достоинство так и выставлялось во всем»*; *«что-то во всем нем было такое тихое»* [Достоевский 2021: 43]. С другой стороны, Аркадий говорит о чертах, которые не захотел бы иметь сам – *«что-то такое слишком уж спокойное в нравственном смысле, что-то вроде какой-то тайной, себе неведомой гордости»* [там же].

Шестым агентом ситуации становится Васин, образ которого достаточно подробно раскрывается Аркадием далее в дневнике. Словосочетания *«физиономия*

не очень поразила», «предчувствовалось мало общительности» содержат нейтральную, близкую к негативной оценку внешности Васина. Но следующие оценочные выражения – «взгляд решительно умный», «умнее всех в комнате», «я был в восхищении», «успокаивает меня в высшем смысле» – содержат очень высокую оценку речи, поведения Васина и отражают эмоциональное влияние на Аркадия. Характеристика шестого агента реципиентом Аркадием является побочным эффектом, раскрывающим смысловой вектор рассуждений об «идее» как слота семантической роли результата: *«Ошибка в том, что у Крафта не один логический вывод, а, так сказать, вывод, обратившийся в чувство. <...> Чтоб вылечить такого человека, надо в таком случае изменить самое это чувство, что возможно не иначе как заменив его другим, равносильным»* [Достоевский 2021: 46]. Стремление к рациональной и практической оценке, к контролю своих чувств находит отражение в «идее» Аркадия: *«Я, может быть, один там и понял, что такое Васин говорил про “идею-чувство”! Мало опровергнуть прекрасную идею, надо заменить ее равносильным прекрасным»* [Достоевский 2021: 47]. В словах Васина, глубоко зацепивших главного героя, прослеживается идея о том, что сама «идея» может функционировать на эмоциональном уровне личности, влиять на его мысли и поведение.

Также в исследуемом фрагменте представлены еще седьмой и восьмой агенты – некий учитель Тихомиров и Курдюмов, которые являются участниками дискуссии об идеологических установках. Аркадий, как единственный реципиент, дает каждому из них оценочную характеристику, входящую в слот побочных эффектов. По отношению к учителю Тихомирову, к седьмому агенту, реципиент выражает пренебрежение, высказывает свое отношение к обществу, смотря на него, видит в нем подлость: *«горячившийся больше всех, тоже ухмылялся», «молчал и рассматривал меня с улыбкой», «ступил вдруг ко мне учитель с подлейшей улыбкой»* [Достоевский 2021: 43-47].

Отношение Аркадия как к внешности, так и к поведению восьмого агента Курдюмова крайне негативное, выражается многочисленными эмотивными словами, экспрессивными выражениями – *«считая его полным ничтожеством»,*

«раздался с злорадством голос ничтожества», «крикнуло ничтожество», «была мысль броситься и начать его тукать кулаками», «черт бы взял его наружность!» [Достоевский 2021: 44-50]. Курдюмов постоянно задает Аркадию вопросы, воспринимаемые героем как насмешка: «У вас?», «А вы по женской части – специалист?» [там же]. При этом за эти вопросы в конце встречи извиняется Дергачев. Данная негативная связь имплицитно перекладывается на отношение Аркадия к низким социальным слоям общества, так как социальное положение именно этого агента указано в тексте – «оказался потом из крестьян», что раскрывает один из ключевых смысловых векторов в романе – «социальное неравенство».

Инструментом создания ситуации автокоммуникации являются когнитивные механизмы сознания героя, отражающие рефлексивность, выражающиеся предикативными конструкциями: «мне теперь кажется, что я тогда так судил», «я припоминаю», «я должен сознаться», «я знал», «я считаю», «с замиранием представлял» [Достоевский 2021: 42-50]. Пространство, как семантическая роль, представлено ментальным планом героя, в котором разворачивается ретроспекция образов общества молодых людей. Результатами в данной ситуации автокоммуникации стали создание умозаключений об обществе и «идее», рефлексия над собственным поведением, а также ментальным и эмоциональным состоянием. В семантике рассуждений Аркадия содержатся как эксплицитные оценки общества в форме экспрессивных высказываний – «есть три рода подлецов на свете», «хоть бы все провалились!», «я, может быть, в тысячу раз больше люблю человечество, чем вы все, вместе взятые!»; так и имплицитные, раскрывающие особенности эмоционального восприятия собственного отношения к обществу: «никому ничего не должен»; «зачем я непременно должен любить моего ближнего или ваше там будущее человечество», «И за все за это, за ту маленькую часть серединной выгоды, которую мне обеспечит ваша разумность, за кусок и тепло, вы берете взамен всю мою личность!»; «Громкий и самый бесцеремонный залп хохота» [Достоевский 2021: 46-50]. Осознание Аркадием эмоции «страх» возникает в отношениях с обществом – «их боялся» из-за

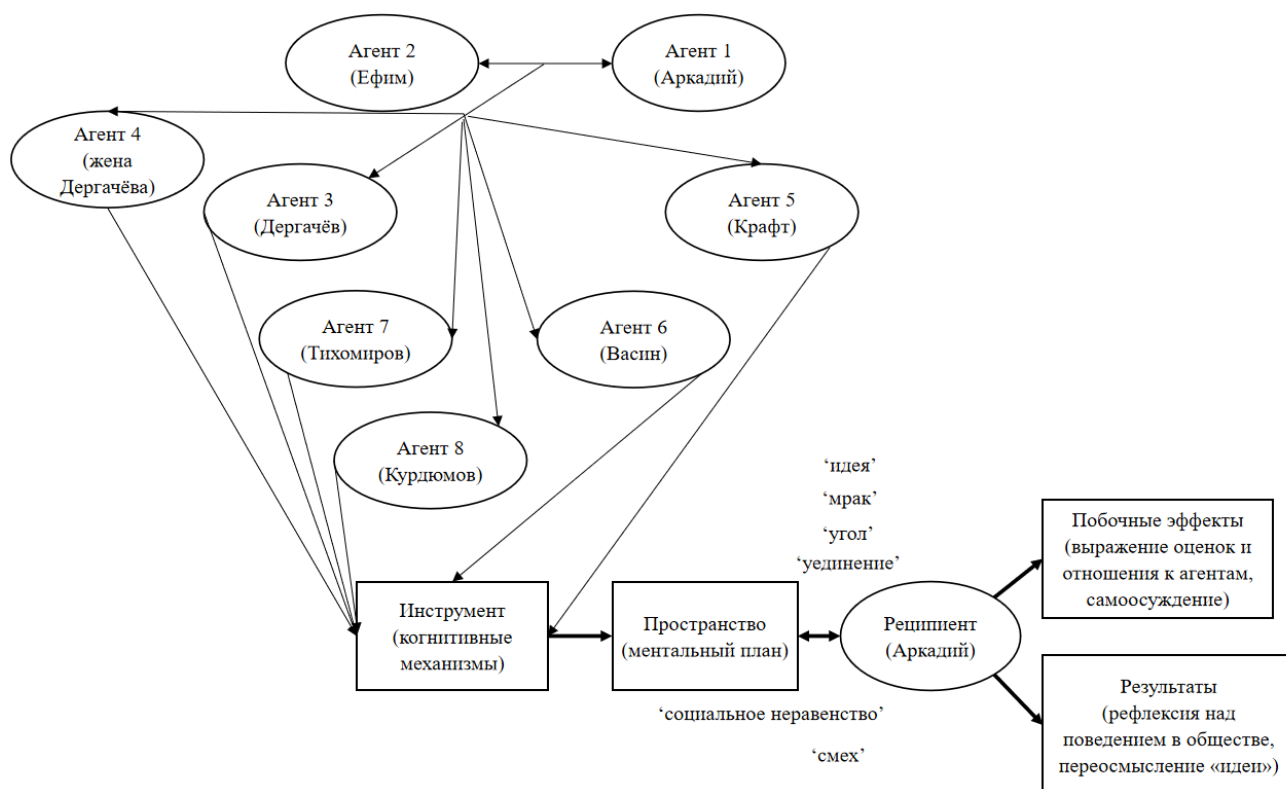
стремления защищать свою «идею», являющуюся для Аркадия жизненно важным смыслом: *«разобьют “мою идею”»*, в которой *«были вопросы»*, разрешить которые герой хотел сам [Достоевский 2021: 47]. Необходимо отметить осуждение Аркадием подлости насмешливых улыбок и смеха – смысловых векторов, появившихся в процессе коммуникации в качестве угрозы личностной свободы героя. Аркадий осознает свое эмоциональное состояние, что выражено эмотивными словами и словосочетаниями: *«стыд»*, *«чувство похвалиться»*, *«воспоминание скверное»*, *«рассердился»*, *«трепетал от ярости»* – так передается недовольство собственными реакциями при их воспоминании и анализе. Главный герой находит утешение в идее-углу, где он сможет быть обособленным от общества, жить в собственном уединении, прятаться от стыда, насмешек и осуждения: *«Меня утешало, после всякого такого позора, лишь то, что все-таки “идея” при мне, в прежней тайне, и что я ее им не выдал»* [Достоевский 2021: 47]. *«Мерзким»* стыдом Аркадий называет желание быть принятым и любимым обществом – *«желание прыгнуть на шею, чтобы приняли меня за хорошего»* – в этом самоосуждении прослеживается влияние детства героя, обстоятельства которого привели к развитию его «идеи» [Достоевский 2021: 47].

Оценка поведения, как еще один результат ситуации автокоммуникации, передается предикатами через трансляцию эмоционального состояния Аркадия в момент действий: *«трусил идти»*, *«вышел позор»*, *«нервно и злобно»*, *«боясь возражений»* [Достоевский 2021: 46-50]. Данные эмотивные словосочетания можно интерпретировать как осмысление цепочки последовательных эмоций – стыда, страха, а затем гнева, проявляющиеся как причинно-следственная связь реакции в процессе коммуникации с другими людьми на собственное поведение. Такими высказываниями, как *«Моя идея – угол»* и *«мне надо держать себя в людях мрачнее»* герой выражает стремление отстраниться от общества, уединиться и спрятаться, чтобы не переживать все те эмоциональные состояния, которые приносят ему психологический дискомфорт. Предикативные конструкции *«разбить лед и заговорить»*; *«во рту точно чужой язык шевелился»*; *«знал, что лечу в яму»*; *«чувствовал, что сыплю как сквозь решето»*; *«бессвязно и через*

десять мыслей в одиннадцатую, но я торопился их убедить и перепобедить»; «дрожал я весь, – я мою идею вам не скажу ни за что» [Достоевский 2021: 46-50] являются отражением процесса самоосуждения, который происходит у Аркадия в сознании при написании своего дневника. Негативные эмоциональные процессы, происходившие с героем тогда, когда он оказывался в обществе, приводили к тому, что его речь, как и реакция окружающих, не соответствовала собственным ожиданиям, от чего он начинал еще больше стыдиться себя.

Сформулированные выводы представлены в форме схемы взаимосвязи описанных выше семантических ролей № 3 Фрейм ситуации автокоммуникации «Описание рассуждений у Дергачева».

Схема № 3. Фрейм ситуации автокоммуникации  
«Описание рассуждений у Дергачева»



Аркадий Долгорукий представлен в данном фрейме первым агентом и единственным реципиентом, остальные агенты участвуют в ситуации косвенно, в воспоминаниях главного героя, и образуют обобщенный субъект – общество. Побочные эффекты, как последствия ситуации, представлены эмоциональными реакциями и умозаключениями Аркадия на каждого из агентов, в том числе на себя самого. Связи между узлами и слотами выражаются единицами языка,

включающими в свое контекстное значение эмотивность, оценочность и даже экспрессивность. Отношения Аркадия-реципиента к участникам-агентам коммуникативной ситуации выражаются описаниями этих агентов с аксиологической и эмотивной семантикой. Результатами ситуации автокоммуникации становятся рефлексия над собственным поведением в обществе и переосмысление собственной «идеи», подпавшие под сомнение элементы которой, как подсказал герою Васин, можно заменить на что-то «прекрасное». Анализ предикативных частей, отражающих смысловые связи между узлами и слотами данного фрейма, позволил выявить следующие смысловые векторы: ‘идея’, ‘угол’, ‘уединение’, ‘мрак’, ‘социальное неравенство’, ‘смех’.

С момента встречи молодых людей у Дергачева с Аркадием происходит множество событий, которые вовлекают его в интриги, заставляют анализировать собственные поступки в разных коммуникативных ситуациях.

#### **2.4. Анализ ситуации автокоммуникации «Размышления у князя Сергея Петровича»**

Ситуация автокоммуникации «Размышления у князя Сергея Петровича» (часть вторая, глава восьмая, V) раскрывает потребность Аркадия уединиться с целью активизации метакогнитивной рефлексии. Единственным реципиентом и первым агентом, создавшим ситуацию, является сам Аркадий Долгорукий. В состоянии «раздавлен событиями», «бессмысленно наталкиваясь» на «чужой и безучастный народ» Аркадий «машинально» прибрел к князю Сергею Петровичу, «вовсе о нем не думая», с которым его объединяла игра в рулетку и близость князя с сестрой подростка Лизой [Достоевский 2021: 274-276]. Целью возникновения ситуации автокоммуникации стало осмысление собственной позиции в обществе: «куда же деться?», «Кому я нужен и – что мне теперь нужно?». В дневнике Аркадия представлена вербализация метакогнитивной рефлексии, возникшей из-за ситуации, связанной с коммуникативным поведением Версилова, Катерины Николаевны и Бьоринга, в которую субъект был вовлечен письмом Катерины

Николаевны (в котором она сообщала о слабоумии ее отца, старого князя Сокольского).

Семантические роли агентов играют все участники ситуации, имеющие статус субъекта действия в размышлениях Аркадия: Версилов, Бьоринг, Катерина Николаевна, Софья Андреевна (мама главного героя) и Анна Андреевна (сводная сестра). Второй агент – Версилов, которого герой оценивает противоречиво. С одной стороны, в предикатах, относящихся к агенту Версильову, высказывается крайнее осуждение его поступков: *«Он засмеялся сейчас мне в глаза», «он все знал и был мрачен», «исказил все насчет всякой правды», «Ему надо было только оскорбить, бессмысленно оскорбить, <...> а предлог дал я...Поступок бешеной собаки! Убить, что ли, он теперь хочет Бьоринга? <...> Неужели до такой страсти ее любит? Или до такой страсти ее ненавидит?»*; *«Он не убьет Бьоринга, а наверно теперь в трактире сидит и слушает “Лючию”! А может, после “Лючию” пойдет и убьет Бьоринга», «слышали вы, что Версилов маньяк? Маньяк! Маньяк!»* [Достоевский 2021: 274-276]. С другой, в предикатах, относящихся к самому Аркадию, прослеживается вопрос о сохранении отношений с ним: *«Потерял я его или не потерял?»* [Достоевский 2021: 274]. В результате размышлений, Аркадий начинает повторять поведение отца, хотя сам не дает себе в этом отчета: *«мрак», «мне надо будет убить его»,* и возникают чувства к Катерине Николаевне (как и у Версильова) – это становится одним из побочных эффектов ситуации автокоммуникации.

Бьоринг, как третий агент, также является субъектом воспоминаний и осуждений Аркадия: *«Бьоринг толкнул меня, ведь почти ударил; ударил ли? Бьоринг даже с Версильовым драться брезгает, так разве пойдет со мной? Может быть мне надо будет убить его завтра из револьвера, выждав на улице... <...> Бьоринг продал же себя»* [Достоевский 2021: 274-276]. Необходимо отметить, что размышления о поступках Бьоринга (вопросы, которые он сам себе о нем задает) вызывают сомнения у Аркадия. Чувства обиды от возникшего конфликта с Бьорингом (вследствие сильного и оскорбительного толчка, когда Катерина Николаевна приказала не пускать в дом Аркадия), ревности к нему, обиды на отца

за то, что тот написал письмо Ахмаковой о растлении подростка являлись двигателями психоэмоционального состояния главного героя. В качестве побочного эффекта возникают эмоционально-оценочные высказывания по отношению к субъектам его воспоминаний, которые Аркадий описывает как мысли в своей голове.

Катерина Николаевна Ахмакова становится четвертым агентом-субъектом мыслей Аркадия. При этом необходимо отметить, что она действует как мысленный образ, не только в воспоминаниях, но и в мечтах героя: *«Минутами мне как бы мечталось, что вот сейчас отворится дверь, войдет Катерина Николаевна, подаст мне руку, и мы оба рассмеемся... “О, студент мой милый!” Это мне мерещилось, то есть желалось»* [Достоевский 2021: 274-275]. Аркадий выражает желание сблизиться с ней после рассуждений о чувствах отца к этой же женщине: *«Просто пойти к ней и объяснить сейчас же, сию минуту, просто, просто!»* [Достоевский 2021: 274-275].

Пятым и шестым агентами размышлений в воспоминаниях Аркадия становятся Софья Андреевна Долгорукая и Анна Андреевна, которые тоже подвергаются осуждению со стороны героя. В размышлениях о маме Аркадий осуждает ее принятие Версилова как неверного мужчины: *«И мама, – как могла она жить с ним, коли так? Я бы мог, я все смогу, но она? Теперь что же будет?»* [Достоевский 2021: 275] – он переживает за свою мать и не понимает ее смирения с отцовским поведением. Поступки Анны Андреевны Аркадий приравнивает к поступкам Бьоринга и Версилова, отрицательно оценивая их: *«Анна Андреевна продала же себя»* [Достоевский 2021: 276]. Выражение осуждения всех агентов автокоммуникативной ситуации является ее побочным эффектом.

Необходимо отметить еще двух агентов, которые возникают в дневнике Аркадия – это князь Сергей Петрович и его слуга Петр. Седьмой агент князь Сергей появляется уже после вербализации метакогнитивной рефлексии: *«Ровно в десять часов вошел князь, и я удивился тому, что я ждал его; я о нем совсем забыл, совсем»* [Достоевский 2021: 276]. Побочным эффектом его появления становится описание героем его поведения и внешности: *«Лицо его было мрачно и строго, ни*

*малейшей улыбки. В глазах неподвижная идея. <...> Он фатально посмотрел на меня»* [Достоевский 2021: 276]. Между Аркадием и князем проводится параллель: оба на данном этапе характеризуются «*мрачностью*», у обоих в мыслях «идея», оба чувствуют себя «*лакеями*» (несмотря на разный социальный статус). Но, если у Аркадия «идея» может развиваться, изменяться, то у князя Сергея она «*неподвижная*», как и у Крафта.

Восьмой агент Петр выступает в качестве субъекта воспоминаний Аркадия в данном фрагменте только через констатацию фактов его служения: «*принес свечи*», «*постоял надо мной и спросил, кушал ли я?*», «*принес мне чаю*» [Достоевский 2021: 274-276]. В качестве побочного эффекта можно выделить нейтральное отношение Аркадия: «*Я только махнул рукой*», «*Я же не помнил, что он входил*» [Достоевский 2021: 274-276] – Петру герой не придает особого значения.

Инструментом в описываемой ситуации автокоммуникации являются когнитивные механизмы сознания Аркадия, что подтверждается такими предикативными конструкциями, как: «*я не мог ни думать толком, ни спрашивать*», «*все как хаос вертелось в уме моем*», «*ничего не уразумел*», «*мерещилось мне минутами*», «*мелькнуло мне вдруг*», «*мечталось*», «*бесследно замелькали в моем больном мозгу*», «*мысли становились все бесформеннее и неуловимее*», «*подумал было я вдруг*», «*не помнил*» [Достоевский 2021: 274-275].

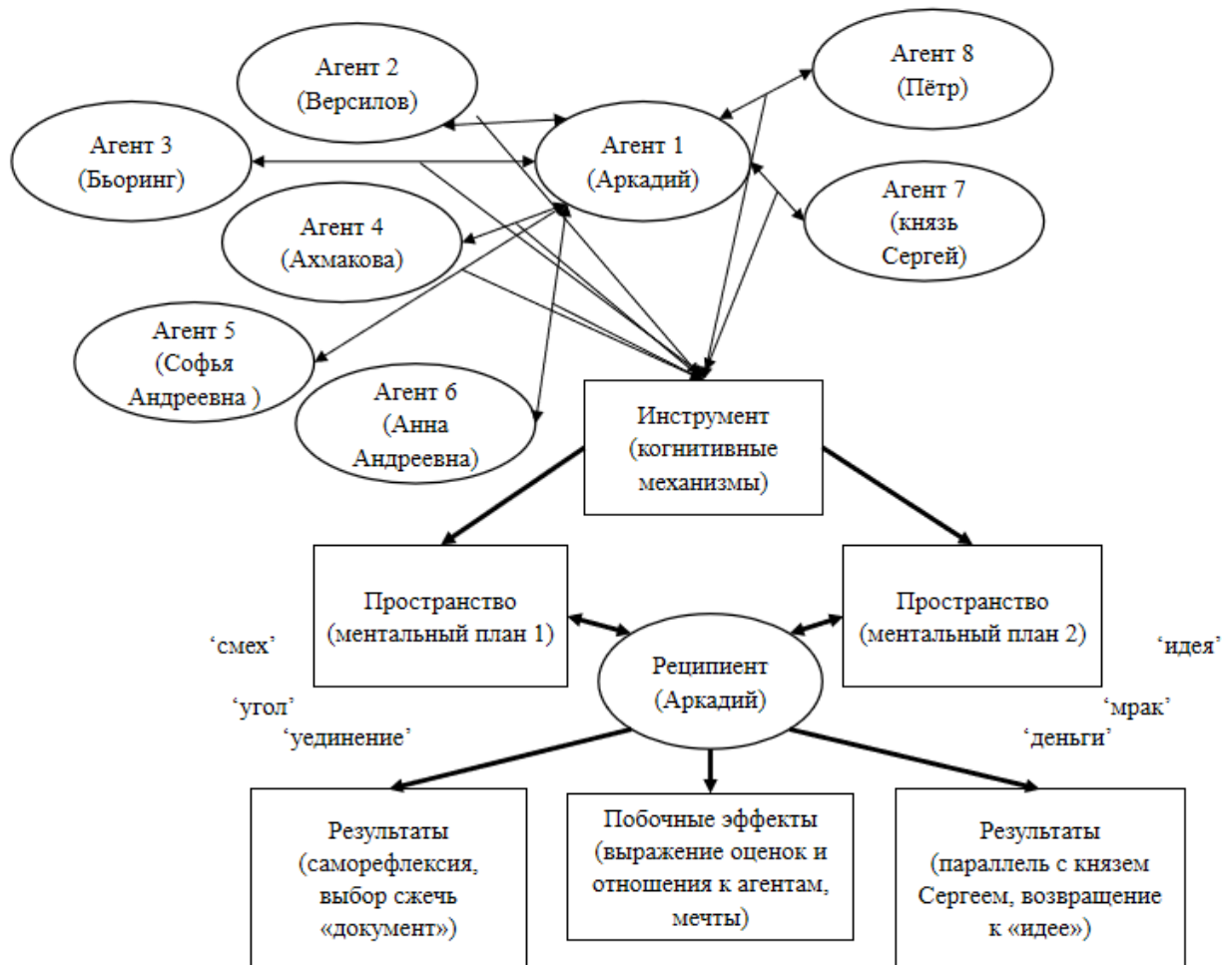
Пространства в данной автокоммуникативной ситуации два: первое – внутренний диалог Аркадия, который он вспоминает и цитирует, а второе – его воспоминания о встрече с князем Сергеем Петровичем у него дома. В связи с раздвоением пространства воспоминаний возникает несколько результатов: рефлексия над собственным психоэмоциональным состоянием и описание коммуникативной ситуации с князем Сергеем. Первый результат является следствием стремления к уединению, поиска «угла» автокоммуникации, направления к такому же «идейному» молодому человеку, как и он сам. Угол, в котором Аркадий постоянно вступает во внутренний диалог, является символом его стремления к уединению: «*Я забрел в самый темный угол, сел на диван и, положив локти на стол, подпер обеими руками голову*» [Достоевский 2021: 274].

Аркадий находится в осмыслении произошедших до этого событий, ищет выход из сложившейся предыдущей ситуации, размышляет над дальнейшим своим поведением. На данном этапе размышлений он движется чувствами к Катерине Николаевне и к маме, в связи с чем, впервые у него появляются сомнения в реализации идеи, в ее неизменности: *«У меня есть “идея”! – подумал было я вдруг, – да так ли? Не наизусть ли я затвердил? Моя идея – это мрак и уединение, а разве теперь уж возможно уползти назад в прежний мрак? Ах, боже мой, я ведь не сжег “документ”! Я так и забыл его сжечь третьего дня. Ворочусь и сожгу на свечке, именно на свечке; не знаю только, то ли я теперь думаю...»* [Достоевский 2021: 274-276]. Мрак становится для Аркадия вторым символом его «идеи», который в данном контексте подвергается метакогнитивной рефлексии. Мысли об «идее», о том, прежняя ли она, возвращают Аркадия из внутреннего диалога в действительность, он вспоминает об исправлении коммуникативной ситуации для достижения положительного исхода событий в отношениях с обществом и решает сжечь «документ».

В результате встречи с князем Сергеем Петровичем Аркадий возвращает своей «идее» прежний статус, восклицая, что деньги это все: *«вскричал я вдруг, точно воскресая <...> вскричал я, – деньги все! <...> вскрикивал я, точно вдруг нашел всему разгадку»* [Достоевский 2021: 274-276]. Оживление Аркадия совместной поездкой с князем Сергеем на рулетку является одним из результатов взаимодействия реципиента Аркадия с агентами второго пространства. Необходимо отметить, что сближает Аркадия Долгорукого и князя Сергея Петровича их «лакейство», которое формируется под влиянием социальных условий, личного коммуникативного опыта и внутренних противоречий [Глушкова 2022]. Обретение материального могущества и превосходства над другими спровоцировали проявление духовной бесхребетности и неспособности к самостоятельному выбору несмотря на социальное положение.

На схеме № 4 представлен фрейм ситуации автокоммуникации «Размышления у князя Сергея Петровича», где отражается разделение пространств и результатов.

Схема № 4. Фрейм ситуации автокоммуникации  
«Размышления у князя Сергея Петровича»



Данный фрейм структурирует автокоммуникативную ситуацию, коммуникативными партнерами которой являются агенты, повлиявшие на возникновение двух пространств восприятия реципиента. С помощью инструмента – когнитивных механизмов рефлексии и памяти – взаимодействие реципиента разделяется на ментальный план внутреннего диалога, который происходит в «углу» и на план воспоминаний о встрече с князем Сергеем Петровичем. Побочными эффектами анализируемой ситуации является выражение оценок и суждений ко всем агентам, в том числе к себе самому («Шпиона били! Шпиона!» [Достоевский 2021: 274]), а также мечты о том, как исправить взволновавшую Аркадия конфликтную ситуацию с Катериной Николаевной. Результатом автокоммуникативной ситуации стала метакогнитивная рефлексия – анализ собственного психоэмоционального состояния; а результатом воспоминаний о

встрече с князем – проведение параллели с ним, как одним из представителей молодежи той эпохи (но с неподвижной идеей), и раскрытие «идеи» Аркадия как некой подвижной абстракции, которая не является для него константной сущностью. Смысловыми векторами раскрытия результатов анализа являются единицы ‘смех’, ‘угол’, ‘уединение’, ‘идея’, ‘мрак’, ‘деньги’.

Анализ данной ситуации является одним из примеров погружения Аркадия в интриги общества, которое способствовало постоянному уходу во внутренний диалог с самим собой, приобретению коммуникативного и жизненного опыта. В романе глубокие и постоянные переживания интриг Аркадием, его «двойственность» доводят его до болезни (лихорадки). А на процесс его выздоровления влияет метакогнитивная рефлексия, направляет его в новое русло коммуникативного поведения.

## **2.5. Анализ ситуации автокоммуникации «Беседа с Макаром Ивановичем Долгоруким»**

Ситуация автокоммуникации, условно названная «Беседа с Макаром Ивановичем Долгоруким» (часть третья, глава первая, II-III) [Достоевский 2021: 296-304], начинается с того, как Аркадий, находясь в состоянии болезни, лежал в одиночестве в постели в комнате Версилова и начал злиться на то, что с ним происходит каждый день одно и то же в течение болезни: *«я знал, что в четвертом часу, когда солнце будет закатываться, то косою красный луч его ударит прямо в угол моей стены и ярким пятном осветит это место <...> что я знал об этом вперед, как дважды два, разозлило меня до злости»* [Достоевский 2021: 296]. Аркадий в данной ситуации является первым агентом и реципиентом. Первым побочным эффектом ситуации становится восприятие собственного состояния в процессе выздоровления и испытывает чувство раздражения. Синтаксическая связь с лексемами *солнце, закатываться, луч, угол, осветит, я, знал, вперед*, передает обстоятельства возникновения данного эмоционального состояния у Аркадия. Синтаксическая связь со словосочетаниями *как дважды два, до злости*

передает характеристику самой эмоции, а именно осознание своего эмоционального состояния и интенсивность испытываемой эмоции. Фразеологизм *как дважды два* имеет дискурсивное употребление, связанное с характеристикой процесса осознания своей эмоции. Согласно исследованию В.А. Подороги, *болезнь* в произведениях Ф.М. Достоевского всегда является средством спасения сознания от раздвоенности – изменения мировидения, которое дается герою свыше [Подорога 2019].

Услышав шепот молитвы Христу в спальне матери, почувствовав себя лучше, движимый любопытством, Аркадий решает узнать, кто там находится: *«И вдруг теперь оказывается, что в ихней прежней комнате живет какой-то человек и что человек этот – совсем не Версилов»* [Достоевский 2021: 296]. Смена эмоционального состояния, с раздражения на интерес меняет и восприятие Аркадием собственных физиологических способностей: *«С легкостью, которую я и не предполагал в себе (воображая до сих пор, что я совершенно бессилён) <...> отправился через нашу гостиную в бывшую спальню мамы»* [Достоевский 2021: 296]. В данном эпизоде романа происходит смена мест персонажей: больной Аркадий занимает комнату Версилова, его мама и Лиза занимают его уже *«бывший “гроб”»*, а Макар Иванович – комнату Софьи Андреевны и Лизы.

Вторым агентом ситуации, субъектом воспоминаний Аркадия, становится Макар Иванович Долгорукий – названный отец подростка, впечатления от встречи с которым стали стимулом возникновения ситуации автокоммуникации. Героя зацепило не только любопытство, но и чувство близости к старику: *«И вот что-то детское и до невероятности привлекательное мелькнуло и в мимолетном смехе этого старика. Я тотчас же подошел к нему»* [Достоевский 2021: 297]. Одним из результатов ситуации становятся размышления о смехе, о которых пишет Аркадий под впечатлением от смеха Макара Ивановича: *«он вдруг улыбнулся и даже тихо и неслышно засмеялся, и хоть смех прошел скоро, но светлый веселый след его остался в его лице и, главное, в глазах, очень голубых, лучистых, больших <...> Этот смех его всего более на меня подействовал»* [Достоевский 2021: 297]. В данном контексте смех становится символом переосмысления «идеи» Аркадия, так

как именно после беседы с названным отцом возникает новый смысл 'благообразия' в ее интерпретации. Описание поведения и внешности старика дано с высокой положительной оценкой. Встроенные в воспоминания размышления о смехе как о «пробе» души человека подтверждают высокую оценку душевных качеств Макара Ивановича, его духовность: *«если захотите рассмотреть человека и узнать его душу, то вникайте не в то, как он молчит, или как он говорит, или как он плачет, или даже как он волнуется благороднейшими идеями, а высмотрите лучше его, когда он смеется. Хорошо смеется человек – значит хороший человек»* [Достоевский 2021: 298]. Размышления о том, что смех оголяет душу человека, является для Аркадия *«одним из серьезнейших»* жизненных выводов и одним из результатов ситуации автокоммуникации [там же].

Макар Иванович, который тоже был болен, привлек главного героя своими пространными и особенными размышлениями: *«Птичка ли малая поет, али звезды всем сомном на небе блещут в ночи – все одна эта тайна, одинаковая. <...> Все познай, чтобы, когда повстречаешь безбожника али озорника, чтоб ты мог перед ним ответить, а он чтоб тебя неистовыми словесами не забросал и мысли твои незрелые чтобы не смутил»* [Достоевский 2021: 300]. Названный отец раскрывает Аркадию свое мировоззрение при первом диалоге, для него тайна может быть только *«волею Божею»*; а человек должен жить и познавать с Богом в сердце. Реакцией Аркадия становится выражение собственной точки зрения, он скептически относится к чрезмерной набожности старика, но принимает его идеи и слушает его с *«жаждой общительности»*: *«в Бога верую; но все эти тайны давно открыты умом, а что еще не открыто, то будет открыто все, совершенно наверно и, может быть в самый короткий срок»* [Достоевский 2021: 300]. Одним из побочных эффектов становится дискуссия первого и второго агентов о раскрытии тайны с помощью науки. Если Аркадий считает, что науке все тайны подвластны, то Макар Иванович отвечает первому, *«что тайна, то оно тем даже и лучше»* – *«страх сей к веселию сердца»* – речь идет о непоколебимой вере в лучшее, в абсолютное, способное победить любой страх [Достоевский 2021: 303]. В рассказе старика о Петре Валерьяныче прослеживается интертекстуальная

отсылка к противостоянию русского религиозного сознания позитивизму: «*“Рече Господь: да будет свет, и бысть свет”, а он вдруг мне на то: “А не бысть ли тьма?”*» Во второй половине XIX в. критике позитивизм подвергался за игнорирование вопросов морали и нравственности, за неспособность ответить эмпирическим путем на глубинные философские вопросы о смысле бытия и свободе воли [Поляруш 2022]. Аркадий сравнивает Петра Валерианыча с Версиловым, считает, что его *«впечатлительность какая-то нервная»* выработалась именно в монастыре. Версилов относился к религии противоречиво и сложно, находился в духовных исканиях, пробовал принимать католичество, но на самом деле так и не смог найти свою веру. Внутренняя отсылка к Версилову является претекстом (исходным текстом романа, который является ассоциативной опорой для понимания интертекстуального уровня дискурсивной стадии воплощения смысла).

Следующим побочным эффектом становится восприятие Аркадием отношения Макара Ивановича Долгорукого к себе: *«он смотрел на меня минутами с какою-то необыкновенною даже любовью: он ласкательно клал ладонь на мою руку, гладил меня по плечу... ну, а минутами, надо признаться, совсем как бы забывал обо мне»* [Достоевский 2021: 301]. Подросток почувствовал к себе родительское отцовское отношение, которого был лишен с детства, которого жаждал получить от Версилова. Названный отец своим отношением к миру, к людям и к самому Аркадию смог показать, что такое настоящая любовь: *«И пусть забудут, милые, а я вас и из могилки люблю. <...> все равно и по смерти любовь!»* [Достоевский 2021: 303]. Если сначала старик говорит, что *«всех большая тайна – в том, что душу человека на том свете ожидает»*, то потом сам разгадывает эту тайну, говоря о том, что любовь и после смерти существует. Эти аксиологические размышления глубоко тронули Аркадия и повлияли на результат ситуации автокоммуникации – поиск «благообразия»: *«Я вам рад. Я, может быть, вас давно ожидал. Я их никого не люблю: у них нет благообразия... Я за ними не пойду, я не знаю, куда я пойду, я с вами пойду...»* [Достоевский 2021: 303]. Если для Макара Ивановича любовь – это доброе отношение ко всему живому, абсолютное принятие

всего; то для Аркадия – это, чтобы его любили, принимали его таким, какой он есть. Таким образом, в данной ситуации явление «любовь» раскрывается несколькими смысловыми векторами.

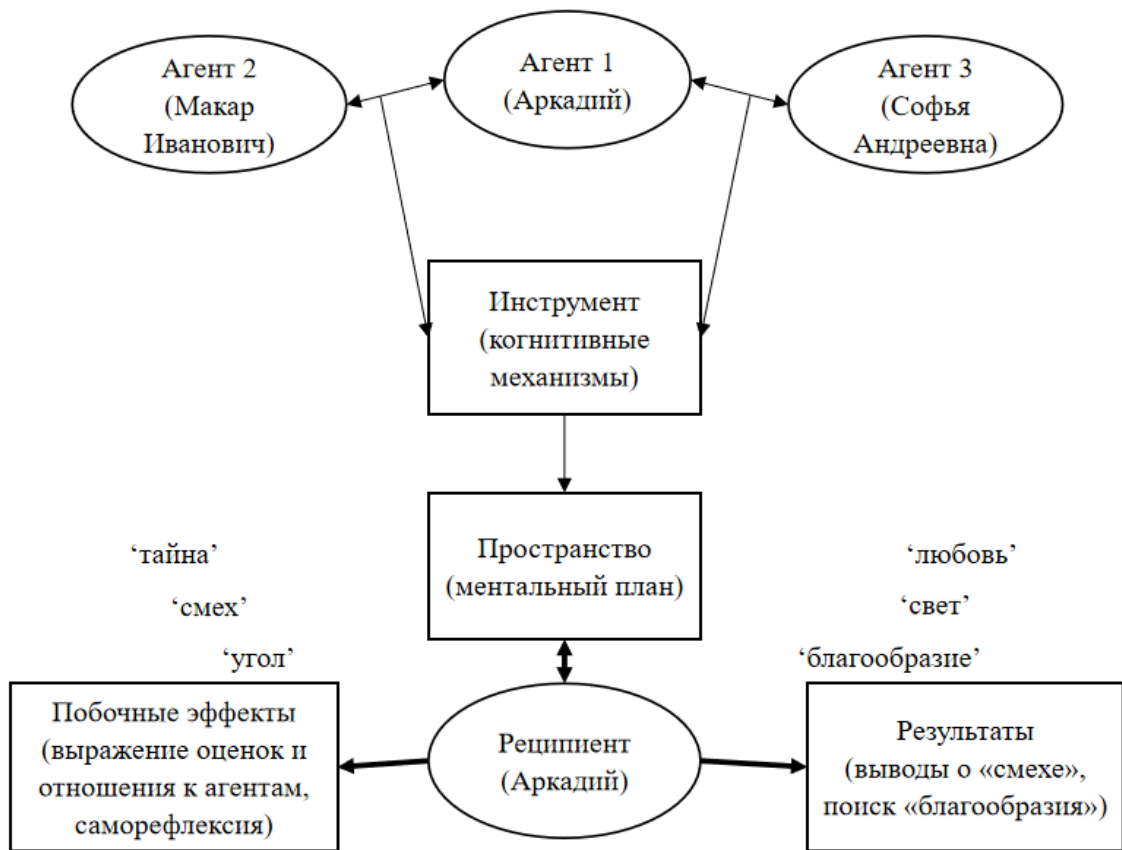
Итогом беседы становятся мысли героя о «благообразии», представляющие его ощущение обновления мировоззрения, обновления совокупности жизненных ценностей: *«Я воротился с великим любопытством и изо всех сил думал об этой встрече. <...> Я лежал лицом к стене и вдруг в углу увидел яркое, светлое пятно заходящего солнца, то самое пятно, которое я с таким проклятием ожидал давеча, и вот помню, вся душа моя как бы взыграла и как бы новый свет проник в мое сердце. Помню эту сладкую минуту и не хочу забыть. Это был лишь миг новой надежды и новой силы... Я тогда выздоравливал, а стало быть, такие порывы могли быть неминуемым следствием состояния моих нервов; но в ту самую светлую надежду я верю и теперь»* [Достоевский 2021: 304]. Вернувшись в свой «угол», Аркадий рассуждает о своих чувствах после встречи с названным отцом и чувствует новую надежду и новую силу в своем психоэмоциональном состоянии. Но это обновленное состояние коррелирует с предыдущими идейными намерениями Аркадия: *«Конечно, я и тогда твердо знал, что не пойду странствовать с Макаром Ивановичем и что сам не знаю, в чем состояло это новое стремление, меня захватившее, но одно слово я уже произнес, хотя и в бреду: “В них нет благообразия!” – “Кончено, думал я в исступлении, с этой минуты я ищу “благообразия”, а у них его нет, и за то я оставлю их”»* [Достоевский 2021: 304].

Третьим агентом исследуемой ситуации является мать Аркадия Софья Андреевна. Она появляется в комнате во время беседы Аркадия и Макара Ивановича в тот самый момент, когда Аркадий впервые подумал о «благообразии». Софья Андреевна беспокоилась за обоих и после возвращения Аркадия в постель напомнила ему о сестре: *«Лизу тоже не забудь, Лизу; ты Лизу забыл»* [Достоевский 2021: 304]. Одним из побочных эффектов данной ситуации становится проявление Аркадием любви к маме, несмотря на все его рассуждения о том, чтобы всех оставить: *«Я вдруг взял ее за руку. <...> Но я, именно*

*ненавидевший всякую размазю чувств, я-то и остановил ее насильно за руку: я сладко глядел ей в глаза, тихо и нежно смеялся, а другой ладонью гладил ее милое лицо, ее впалые щеки»* [Достоевский 2021: 304]. Герой проявляет привязанность к маме, его чувства выражаются высокой оценкой в предикативных конструкциях, относящихся к Софье Андреевне: *«страх как не любила размазывать чувства и на этот счет была вся в меня, то есть застенчива и целомудренна; <...> – Ну, Христос с тобой, – сказала она вдруг, восклонившись и вся сияя»* [Достоевский 2021: 304]. Аркадий позволяет себе проявить близость к маме и, проникнувшись проявлением любви Макара Ивановича, сам начинает проявлять это чувство, а не требовать его.

Инструментом являются когнитивные механизмы памяти субъекта, выраженные предикативными конструкциями: *«Я знал», «стал замечать», «Я так думаю», «я помещаю здесь с умыслом», «я понимаю», «я решительно не ошибусь», «в уме моем мелькали не мысли, а лишь обрывки мыслей», «Помню»* [Достоевский 2021: 296-304]. Семантическую роль пространства в исследуемой ситуации выполняет ментальное пространство сознания Аркадия, в котором раскрывается ретроспекция первой встречи и беседы с названным отцом Макаром Ивановичем Долгоруким. Проанализированная ситуация автокоммуникации «Беседа с Макаром Ивановичем Долгоруким» представлена в форме фрейма на схеме № 5.

Схема № 5. Фрейм ситуации автокоммуникации  
«Беседа с Макаром Ивановичем Долгоруким»



В данной автокоммуникативной ситуации метакогнитивная рефлексия вербализуется в процессе воспоминаний коммуникативной ситуации, участниками которой являются первый агент Аркадий Долгорукий, второй агент Макар Иванович Долгорукий, а также третий агент – Софья Андреевна. В качестве побочных эффектов выступают ментальные и эмоциональные реакции реципиента, возникшие под влиянием впечатления от коммуникативного взаимодействия со вторым агентом.

Примечательно, что рассмотренная ситуация имеет кольцевую композицию: начинается и заканчивается в постели Аркадия с осознанием им своих эмоций от попадания солнечного луча в угол стены, в котором находилась его кровать. С помощью инструмента, когнитивных механизмов памяти, главный герой, как реципиент, рассуждает о своем восприятии таких явлений, как *смех*, *тайна* и *благообразие*. В результате ситуации данные смысловые векторы становятся трансформаторами «идеи» Аркадия, вступая с прежними установками в бинарную

оппозицию. Также обновляется смысловой вектор ‘угол’, в котором до встречи Аркадий чувствовал раздражение, а после – новую надежду. Смысловые векторы ‘свет’ и ‘любовь’ проявляются в ментальном пространстве реципиента благодаря взаимодействию со вторым агентом – Макаром Ивановичем. Необходимо отметить, что *свет* в данном контексте становится символом преобразования мировоззрения субъекта исповедального дискурса.

Таким образом, отражение своих идеологических составляющих, заключающихся в том, что моральное положение человека, его нравственный уровень должны определять социальную значимость, Аркадий обнаружил в рассуждениях своего названного отца, вдохновившего его на поиск «благообразия» внутреннего мира человека, который стал еще одним смыслом «идеи».

Лексема *благообразный* имеет дефиницию «Приятный с виду, внушающий уважение наружностью» [Толковый словарь русского языка], метафорически применяется к человеческому внутреннему миру, под воздействием когнитивных процессов Аркадия создается некий образ, представляющий собой идеал внутреннего мира коммуникативного партнера, который он ищет, «заглядывая» в чужую совесть. «Идея» подростка начинает нарастать новыми смыслами под воздействием трансформации его аксиосферы [Семенова 2022б].

## **2.6. Анализ ситуации автокоммуникации «Аркадий Долгорукий под арестом»**

Ситуация автокоммуникации «Аркадий Долгорукий под арестом» (часть третья, глава двенадцатая, II) [Достоевский 2021: 456-459] раскрывает финальный этап трансформации идеологических установок Аркадия Долгорукого. Агентами данной ситуации признаются все участники, имеющие отношение к размышлениям героя и взаимодействующие с ним (влияющие на возникновение побочных эффектов и результатов): сам Аркадий Долгорукий, Бьоринг, Анна Андреевна, князь Н.И. Сокольский, городской и Татьяна Павловна.

Первым агентом является сам Аркадий, спровоцировавший возникновение коммуникативной ситуации, о которой вспоминает в своем дневнике. Эпизод начинается с необычной обстановки в квартире Петра Ипполитовича, в которой Аркадий снимал комнату. Вторым агентом становится Бьоринг, который выводил из комнаты старого «заплаканного, трепещущего» князя Н. И. Сокольского – четвертого агента ситуации, третий агент – Анна Андреевна, «невеста» старого князя.

Побочным эффектом становится критическое описание поведения Бьоринга, который кричал на Анну Андреевну – пятого агента ситуации: *«он ей грозил и, кажется, топал ногами – одним словом, сказался грубый солдат-немец, несмотря на весь «свой высший свет». <...> По незнанию дела, он его преувеличил, как бывает со многими, а потому уже стал считать себя в праве быть в высшей степени бесцеремонным. <...> он налетел еще в том состоянии взбесившегося господина, в котором даже и остроумнейшие люди этой национальности готовы иногда драться, как сапожники»* [Достоевский 2021: 457]. Аркадий характеризует поведение Бьоринга с пейоративной семантикой, дает ему отрицательную оценку – представляет его взбесившимся нападающим на беззащитную женщину. Также отмечается негативная оценка черт национальности немцев, а именно – чрезмерная агрессивность.

Сам Аркадий вступает с ним в драку в попытке защитить честь Анны Андреевны: *«– Мерзавец! – завопил я на него. – Анна Андреевна, я – ваш защитник!»* [Достоевский 2021: 457]. Анна Андреевна, находившаяся в недоумении от ситуации, в глазах Аркадия представлена как беззащитная, достойная женщина, несправедливо обвиненная – эта оценочная характеристика в данной ситуации становится одним из побочных эффектов.

Князь Н.И. Сокольский же представлен как беспомощный и ведомый всеми человек, непонимающий, что происходит вокруг: *«Князь рыдал в голос, обнимал и целовал Бьоринга»; «проплакнул князь, простирая руки к Анне Андреевне»* [Достоевский 2021: 457]. Восприятие реципиентом Аркадием конфликтной

ситуации побуждает его встать на сторону Анны Андреевны, отрицать выдвинутые Бьорингом обвинения.

Побочными эффектами взаимодействия Аркадия, Бьоринга и Анны Андреевны становится описание Аркадием воспоминаний о своем эмоциональном состоянии и характеристика своего поведения, а также оценка всей ситуации: *«Сцена вышла ужасная и низкая, а я вдруг как бы потерял рассудок. Кажется, я подскочил и ударил его <...> Он тоже ударил меня со всей силы по голове <...> опять бросился на Бьоринга. Тут не помню, как очутилась полиция. <...> и так как я кричал, бранился и дрался, как пьяный, и так как Бьоринг был в своем мундире, то городской и взял меня»* [Достоевский 2021: 458]. Аркадий выражает негативную оценку своего поведения, осуждает сам себя, но не оправдывает своего оппонента.

Возникший конфликт с Бьорингом перерастает в конфликт с городовым, который становится пятым агентом ситуации: *«Но тут уж я пришел в полное исступление и, сопротивляясь из всех сил, кажется ударил и городского»* [Достоевский 2021: 458]. Побочным эффектом взаимодействия с органами власти становится самоосуждение, негативная оценка своего поведения: *«Едва помню, как привели меня в какую-то дымную, закуренную комнату <...> я продолжал и здесь кричать, я требовал акта. <...> усложнилось буйством и бунтом против полицейской власти. <...> был я в слишком безобразном виде. <...> Вне себя, я ответил каким-то весьма скверным ругательством. <...> О, я не протестую. <...> я же был виновен»* [Достоевский 2021: 458].

Аркадий признает свою вину, осознает состояние «вне себя». Необходимо отметить, что городской спросил у подростка, является ли он князем Долгоруким. Этот вопрос, всегда вызывал у Аркадия отрицательную реакцию, так как напрямую заставлял чувствовать свой социальный статус, которым герой всегда был недоволен, который является одним из смысловых векторов сущности его «идеи».

Описанная конфликтная ситуация привела Аркадия «на нары» под арест, и именно в этом месте у Аркадия возникает продуктивная саморефлексия: *«может быть, никогда не переживал я более отрадных мгновений в душе моей, как в те минуты раздумья среди глубокой ночи <...> Это была одна из тех минут,*

которые, может быть, случаются у каждого, но приходят лишь раз какой-нибудь в жизни. В такую минуту решают судьбу свою, определяют воззрение и говорят себе раз на всю жизнь: “Вот где правда и вот куда идти, чтоб достать ее”. Да, те мгновения были светом души моей» [Достоевский 2021: 458-459].

Результатом ситуации автокоммуникации является осознание «света души», прозрение Аркадия. Оказавшись в крайней ситуации, когда он потерял «себя», когда оказался в тюрьме из-за собственной эмоционально-поведенческой несдержанности, он смог осознать всю ничтожность интриг, в которые ввязывался с целью стать для кого-то значимым. Одним из побочных эффектов становится изложение решения выйти из водоворота интриг: «Оскорбленный надменным Бьорингом и завтра же надеясь быть оскорбленным тою великосветскою женщиной, я слишком знал, что могу им ужасно отомстить, но я решил, что не буду мстить. Я решил, несмотря на все искушение, что не обнаружу документа, не сделаю его известным уже целому свету (как уже и вертелось в уме моем); я повторял себе, что завтра же положу перед нею это письмо и, если надо, вместо благодарности вынесу даже насмешливую ее улыбку, но все-таки не скажу ни слова и уйду от нее навсегда...» [Достоевский 2021: 459]. Аркадий описывает собственную обиду, желание отомстить, но решается на прощение, что раскрывается в контексте категорией оптативности – отражением желания и предпочтения личности с целью «создания образа и его характеристики, для раскрытия внутреннего мира и системы ценностей персонажа» [Алтабаева 2025: 11].

Слишком неприятными оказываются для Аркадия Долгорукого последствия его попытки манипулировать людьми. Данная ситуация показательна в отношении духовного роста героя: он принял наказание, не потерял «достоинства». А в процессе метакогнитивной рефлексии он смог найти в себе силу воли и сделал выбор жизненной позиции, тогда и неожиданным для него образом благополучно разрешилась ситуация: «Я перекрестился с любовью, лег на нары и заснул ясным, детским сном» [Достоевский 2021: 459]. Смысловой вектор ‘любовь’, которым прониклось рефлексивное сознание субъекта, является вектором устранения

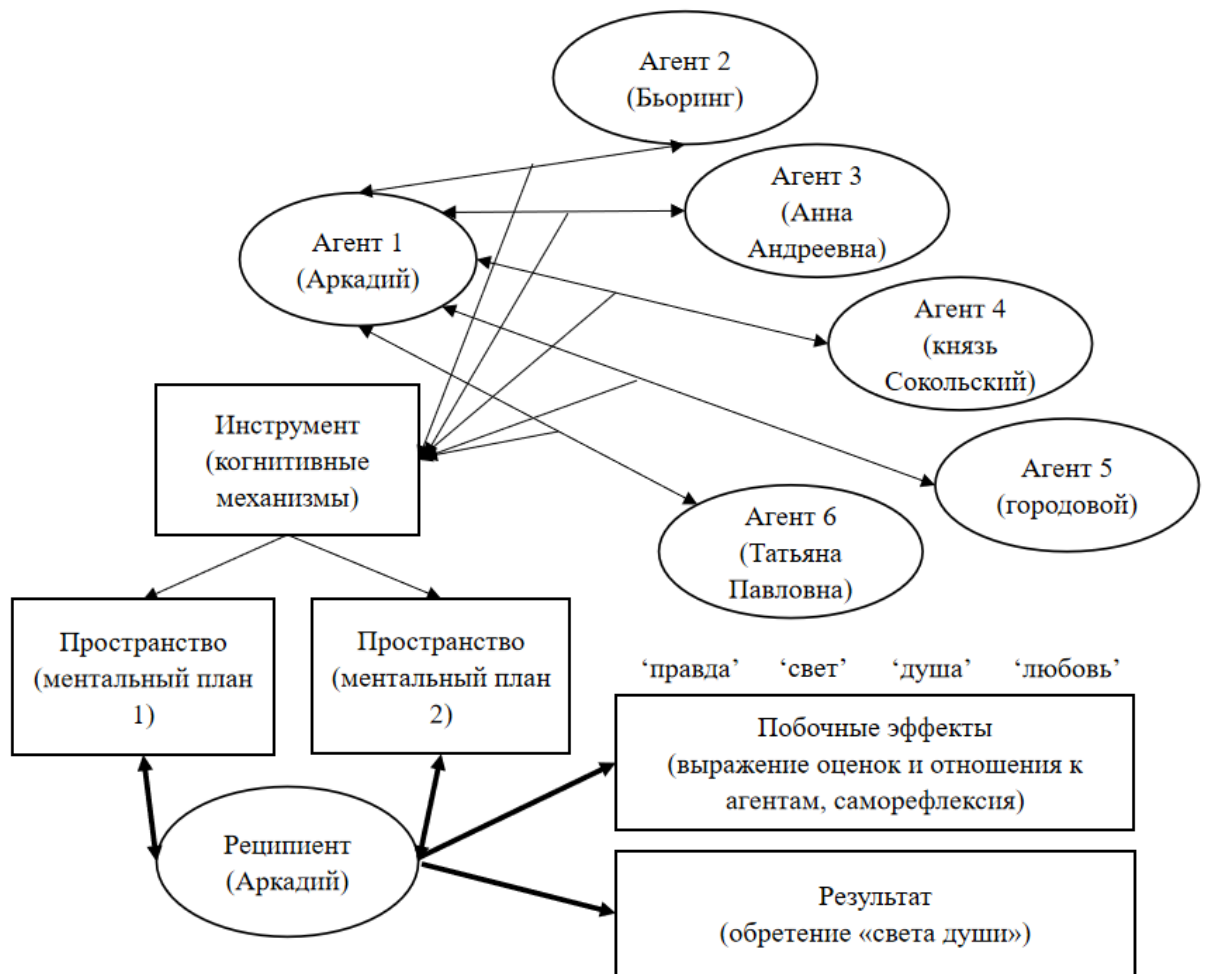
«двойственности» Аркадия, следовательно – результатом управления метакогнитивной рефлексией.

Шестым агентом данной ситуации становится Татьяна Павловна, благодаря которой Аркадия быстро освобождают: *«Татьяна Павловна <...> вдруг узнала о всех вчерашних ужасах, а главное, о том, что я был арестован. Мигом бросилась она к Катерине Николаевне <...> разбудила ее, напугала и потребовала, чтоб меня немедленно освободили»* [Достоевский 2021: 459]. Побочным эффектом взаимодействия с Татьяной Павловной становится восприятие ее как спасителя, разрешившего все разногласия после того, как сам Аркадий решил отпустить ситуацию и уйти от интриг.

Инструментом создания ситуации автокоммуникации являются метакогнитивные механизмы сознания Аркадия Долгорукого: *«помню», «не помню», «Я разом припомнил все и все осмыслил и, положив локти в колени, руками подперев голову, погрузился в глубокое размышление»; «я почти и думать забыл».* Пространства в данной ситуации два: первое – план воспоминаний о событиях, а второе – план внутренней рефлексии.

Проведенный анализ ситуации коммуникации «Аркадий Долгорукий под арестом» представлен на схеме № 6 в форме фрейма.

Схема № 6. Фрейм ситуации автокоммуникации  
«Аркадий Долгорукий под арестом»



В представленной в форме фрейма автокоммуникативной ситуации взаимодействие агентов приводит к тому, что восприятие реципиента Аркадия раскрывается не только в пространстве его воспоминаний, но и в пространстве его внутреннего диалога, который стал следствием сильного эмоционального и физического перенапряжения. Самопознание является одним из механизмов метакогнитивной рефлексии, инструментом раскрытия процессов осмысления своих эмоций и поведения. Примечательно, что в данном эпизоде уединение Аркадия наступает принудительно, как наказание за нарушение правопорядка, и, вместо угла, Аркадий попадает в тюремную камеру. Можно предположить, что угол, который был символом идеи Аркадия, пересекается с идеей наказания. Аркадий с детства «привык жить в углу» настолько, что начал видеть в этом положительную сторону. Он стал сам себя наказывать, ставить себя в угол, тогда,

когда не мог найти общий язык с обществом, не мог быть свободным от чужих суждений. Побочными эффектами ситуации становятся осмысление отношений к другим агентам и их оценка, а также рефлексия над коммуникативными ситуациями и над собственным поведением. Результатом метакогнитивной рефлексии под арестом является обретение любви и «света» в душе – реорганизация мировоззрения, которая передается с помощью таких смысловых векторов, как ‘правда’, ‘свет’, ‘душа’, ‘любовь’.

## **Выводы по ГЛАВЕ 2**

Описанный и примененный метод фреймовой реконструкции ситуаций автокоммуникации путем определения статусно-семантических ролей и выявления смысловых векторов, пронизывающих всю метакогнитивную рефлексия субъекта исповедального повествования, позволяет сделать следующие выводы:

1. Проанализированная ситуация автокоммуникации «Объяснение поездки в Петербург» является введением в исповедальное повествование романа «Подросток» и раскрывает размышления Аркадия о причинах его приезда в Петербург. Главный герой, как агент и реципиент ситуации, рассуждает о собственных мыслях и чувствах, раскрывающих взаимоотношения с родными; он определяет двойственность собственных целей, пытается раскрыть ее суть. Изображение морально-психического состояния личности, композиционной формой выражения которого является монолог персонажа произведения, отражает метакогнитивную рефлексия ЯЛ, «диалогическую природу идеи» [Бахтин 1963: 161]. Смысловые образования личностных и эмоциональных отношений субъекта, представляющие собой ментальное отражение речи Аркадия, оформленное языковыми средствами, являются связующими компонентами фрейма, благодаря которым можно проследить связь между каждой из проанализированных ситуаций и процесс трансформации как «идеи» Аркадия, так и его внутреннего мира.

2. Проанализированная ситуация автокоммуникации «Описание рассуждений у Дергачева» раскрывает взаимоотношения только приехавшего в

Петербург Аркадия с обществом и со своей «идеей», а также отражает воздействие идейных установок на молодых людей второй половины XIX в. Молодежь Петербурга раскрывается восприятием Аркадия, его оценкой каждого из участников дискуссии у Дергачева. Данная ситуация позволяет раскрыть то, что герой ожидал от общества, как бы он хотел, чтобы его приняли, и самоосуждение собственных ожиданий.

3. Анализ ситуации автокоммуникации «Размышления у князя Сергея Петровича» отражает процесс вовлечения Аркадия в Петербургские интриги, процесс восприятия своей позиции в них. Внутренний диалог в этой ситуации представлен «двойственностью» целей Аркадия: под воздействием эмоциональных процессов, с которыми он сталкивается в коммуникативных ситуациях, начинает переосмысляться и трансформироваться его «идея».

4. В ситуации автокоммуникации «Беседа с Макаром Ивановичем Долгоруким» открывается ключ к выздоровлению Аркадия – любовь, транслируемая Макаром Ивановичем Долгоруким и матерью Аркадия. Но в сознании реципиента Аркадия данное чувство сталкивается с бинарностью – он хочет ее получать, хочет видеть «благообразие» в других. Но уже под воздействием христианских идей названного отца внутренний мир героя преобразуется – он чувствует «луч» «новой надежды».

5. Анализ последней ситуации автокоммуникации «Аркадий Долгорукий под арестом» раскрывает финальное преобразование рефлексивного сознания Аркадия. Только «под арестом» он стал готов освободиться от эмоциональных оков, связывающих его с участниками сложившейся конфликтной ситуации. Отрадные мгновенья в минуты раздумья – это желание Аркадия связать свою судьбу с ‘правдой’, как смысловым вектором, раскрывающим ему его же «свет души». До данной ситуации Аркадий не мог выносить насмешек, так как с детства часто испытывал их на себе. Обретя «свет души», возможные насмешки его уже не волнуют, для него важным становится сохранить любовь в душе.

6. Сконструированные фреймы (схемы № 2-6) структурируют контексты произведения и систематизируют семантические роли в ситуациях

автокоммуникации Аркадия Долгорукого. Во всех фреймах первым (главным) агентом и реципиентом является Аркадий Долгорукий, все побочные эффекты и результаты ситуаций касаются именно его восприятия и отражения действительности не только в поведенческом плане, но в плане его ментального и эмоционального развития. Персонажи и события в романе «Подросток» представлены через призму мировосприятия субъекта исповедального дискурса, и отражаются в его метакогнитивной рефлексии, что представлено в фреймовой интерпретации ситуаций.

7. Фреймовый анализ эпизодов художественного произведения, раскрывает причинно-следственную связь конфликта Аркадия с обществом и смысловую сторону вербализации метакогнитивной рефлексии – осмысления своих «Я»-позиций. Можно сделать вывод, что характерной чертой изображаемой личности является попытка опознать и назвать свои внутренние психические процессы с целью дальнейшего духовного развития – дальнейшей эволюции сознания. Это отражается выявленными в каждой ситуации смысловыми векторами, раскрывающими когнитивные механизмы сознания ДЛ исповедального повествования.

В таблице № 1 представлено обобщение выявленных в процессе фреймового анализа смысловых векторов трансформации «идеи» и внутреннего мира Аркадия Долгорукого.

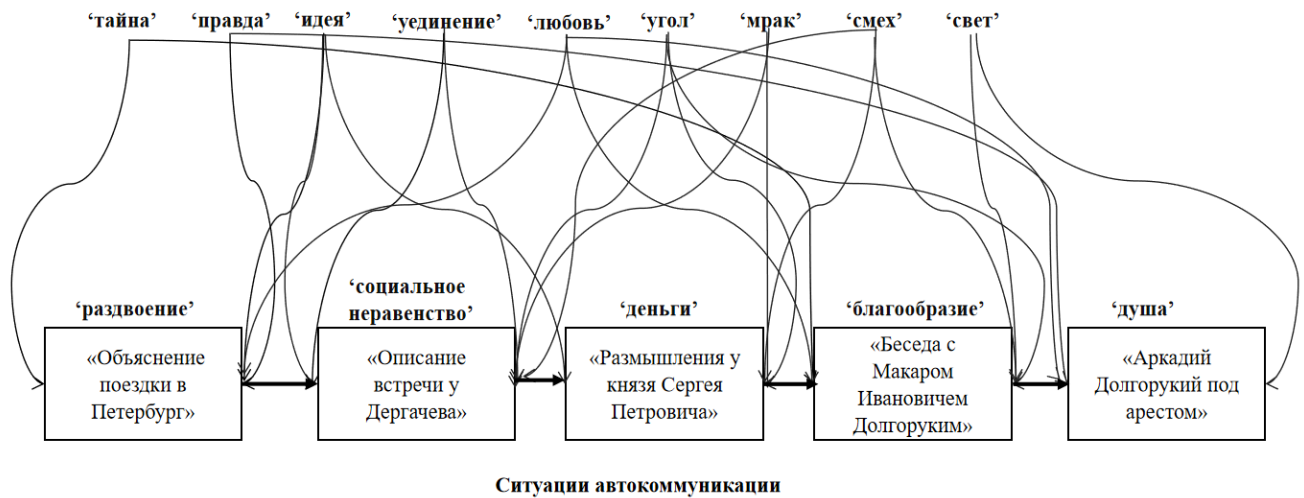
*Таблица № 1. Смысловые векторы ситуаций автокоммуникации*

Условное название ситуации	Смысловые векторы
Ситуация автокоммуникации «Объяснение поездки в Петербург»	‘тайна’, ‘раздвоение’, ‘идея’, ‘уединение’, ‘правда’, ‘любовь’
Ситуация автокоммуникации «Описание встречи у Дергачева»	‘идея’, ‘угол’, ‘мрак’, ‘уединение’, ‘социальное неравенство’, ‘смех’
Ситуация автокоммуникации «Размышления у князя Сергея Петровича»	‘смех’, ‘угол’, ‘уединение’, ‘идея’, ‘мрак’, ‘деньги’
Ситуация автокоммуникации «Беседа с Макаром Ивановичем Долгоруким»	‘тайна’, ‘смех’, ‘угол’, ‘любовь’, ‘свет’, ‘благообразие’

Ситуация автокоммуникации «Аркадий Долгорукий под арестом»	‘правда’, ‘свет’, ‘душа’, ‘любовь’
--	------------------------------------

Общие смысловые пересечения представлены в форме схемы последовательности автокоммуникативных ситуаций (схема № 7).

Схема № 7. Смысловые пересечения последовательности автокоммуникативных ситуаций



На основании общих смысловых пересечений в данном исследовании в качестве вербализаторов рефлексивно-смысловой сферы сознания признаются следующие лексемы: *тайна* (два пересечения), *идея* (три пересечения), *уединение* (три пересечения), *правда* (два пересечения), *угол* (три пересечения), *мрак* (два пересечения), *смех* (три пересечения), *любовь* (два пересечения), *свет* (два пересечения). Так как имплицитными смыслами лексемы *идея* являются смысловые векторы ‘тайна’, ‘уединение’, ‘угол’ и ‘мрак’, то именно она признается концептуальным аттрактором – существующим в потенциосфере инвариантным компонентом. К аттрактору ‘идея’, создавая сети имплицитных приращений, стремятся смысловые векторы ценностных ориентиров *тайна*, *уединение*, *правда*, *любовь* и символов *угол*, *мрак*, *свет*, *смех*.

Целью следующей главы является когнитивно-семантический анализ вербализаторов метакогнитивной рефлексии, раскрывающий динамику развития

рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ исповедального дискурса романа. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: отбирается и анализируется контекст реализации каждого вербализатора и конструируется система взаимодействия смысловых векторов и смысловых приращений к ним, определяются бинарные смысловые оппозиции.

### ГЛАВА 3

## ПОЛИГОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОПИСАНИЯ РЕФЛЕКСИВНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ СОЗНАНИЯ ДИСКУРСИВНОЙ ЛИЧНОСТИ

### 3.1. Когнитивно-семантический анализ вербализаторов рефлексивно-смысловой сферы сознания дискурсивной личности

В когнитивной лингвистике когнитивно-семантический анализ является направлением, исследующим протовербальные смысловые единицы через значения номинирующих их языковых единиц. Главным этапом когнитивно-семантического анализа является «когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых единиц» в процессе лингвокогнитивного исследования, что является «переводом» языковых данных в когнитивные и позволяет далее перейти к концептуальному анализу [Бабушкин, Стернин 2018: 44].

Фреймовый анализ автокоммуникативных ситуаций и способов их репрезентации, средств вербализации рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ раскрывают «интроспективную картину» переживаний, которая переплетается со структурой мировоззрения и отражает психосемантическую сторону восприятия действительности. Моделью описания лексики, транслирующей эмоциональное состояние, может служить эмотивность, участвующая в манифестации эмоций в семантике слова [Бабенко 1989: 24]. В статусе категориально-лексической семы эмотивность выполняет функцию идентифицирующего предиката в форме аналитического сочетания, обобщенного и конкретного идентификаторов, создающих образ психической реальности [Там же: 25-26].

«Эмоции индивидуальны, у каждого человека имеется свой эмоциональный дейксис, который бесконечно варьирует эффекты общения» [Шаховский 2017: 47] – в данной работе под исследование попадает эмоциональное взаимодействие личностных «Я»-позиций, именуемая Аркадием Долгоруким «двойственностью». Эмоциональность является термином психологии, в лингвистике проявление

смыслов, связанных с эмоциями принято называть *эмотивностью*. Семиотичность эмоций обусловлена закреплением «достаточно определенного для данного языкового социума обобщенного эмотивного содержания за тем или иным языковым знаком, которое конкретизируется в различных коммуникативно-эмоциональных ситуациях» [Шаховский 2017: 63]. Эмотивная составляющая выражается семантикой связей в предикативных частях предложений, семы которых входят в импликационал определенных текстовых лексем как потенциосфера – вероятное смысловое множество, прорывающееся в пространство дискурса, представляющее собой вербально выраженный смысл в тексте [Переволочанская 2025: 136]. Прагматический компонент (смысловая структура языковых единиц относительно субъекта) раскрывается методом анализа лексических, синтагматических, синтаксических связей в тексте. Для классификации эмоциональных состояний использована теория связи эмоций с когнитивными процессами и поведением личности К. Изарда [Изард 2006: 41-72], а также шкала самооценки эмоциональных состояний А. Уэссмана и Д. Рикса [Барканова 2009: 16].

«Для обозначения, выражения, описания, имитации, симуляции, эвокации эмоций» художественные произведения являются незаменимым накопителем и хранилищем [Шаховский 2009: 33], особенно это касается исповедальных текстов. Согласно исследованию С.В. Ионовой, эмотивность передает «различные виды эмоционального содержания: с одной стороны, эмоции в виде эмотем входят в когнитивное содержание текста, с другой, составляют часть прагматических стратегий автора текста» [Ионова 1998: 6]. У единиц эмотивности (эмотивов) выделяются три семантических статуса (по В.И. Шаховскому): 1) обязательная (денотативная) эмотивность – главный и единственный компонент лексического значения слова; 2) факультативная эмотивность (по отношению к логико-предметному компоненту значения слова) – коннотация слова, в которой выражается эмоциональность; 3) потенциальная эмотивность – вероятностные проявления эмоциональности в значении слова [Шаховский 2009: 47]. Соответственно, эмотивный статус может быть присвоен любой единице в тексте,

если ее семантика относится к эмоциональному выражению ДЛ. Единицы, единственная цель использования которых – выражение аффективного эмоционального состояния, В.И. Шаховский называет аффективами (междометия, бранные слова, вульгаризмы, эмоционально-оценочные наречия и прилагательные, адресативы) [Шаховский 2009: 47]. «Эмоциональная ненейтральность», субъективность, проявляется на всех уровнях языка и в большей степени на лексическом в коннотативном компоненте слова категориями эмотивности, оценочности и экспрессивности [Холодионова 2020: 173]. В отличие от эмотивности, экспрессивность определяется как «прямое и намеренное выражение эмоционального опыта человека с помощью специальных семиотических средств языка» [Шаховский 2009: 40]. Опираясь на статусное распределение семантики эмотивов, можно выделить отдельную категорию единиц – экспрессивы, выражающие намеренную демонстрацию психоэмоционального состояния личности, в форме синтагматически связанных лексем, являющихся изобразительно-выразительными средствами, которые также могут включать в свой состав аффективы [Семенова 2022]. Впервые термин «экспрессив» употребил Дж. Серль в значении вида речевого акта выражения эмоционального отношения говорящего [Серль 1986]. Эмотивные и экспрессивные языковые средства усиливают динамичность свойств текста и выступают репрезентантами индивидуально-характерного в эмоциональной сфере личности [Колядко 2021]. Эмотивный код выступает в тексте художественного произведения основой соединения собственно прагматического и информативно-смыслового уровней [Трубкина 2022]. Оценочность является языковой функционально-семантической категорией на уровне с эмотивностью, отличающаяся от второй своей аксиологической функцией [Ленько 2015: 89]. В качестве единицы оценочности можно признать аксиологему – семантическую единицу отражения аксиологической составляющей ценностной модели мировосприятия ДЛ. Е.Ф. Серебренникова определяет аксиологемы как структуры аксиологизации, которые возводят и апеллируют «в процессах интерпретации к семиотическому ценностному измерению языкового формата знания» [Серебренникова 2024: 115].

Экспликация эмоциональности представляет собой интуитивно переживаемый образ отражения явления окружающей действительности, «не непосредственный номинант эмотивной ситуации, а аксиологическую интерпретацию психоэмоционального состояния» [Маркосян 2017: 207], вербализация которого основана на семантике восприятия – перцептивной модальности. «Эмотивно-аксиологические» смысловые обертоны могут «наслаиваться практически на любые предметно-логические значения» в речи в процессе взаимодействия когнитивных и эмотивных факторов в языковой картине мира ДЛ [там же: 207].

Согласно исследованию Е.В. Алтабаевой, «на основе когнитивной деятельности языковой личности и в соответствии с выработанной и разделяемой ею системой ценностей» происходит интерпретация ее желаний [Алтабаева 2023: 33]. Через реконструкцию рефлексивно-смысловой сферы ДЛ в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» можно проследить не только процесс осмысления субъектом речи собственных желаний, но и их противоречие, которое приводит к внутреннему конфликту. В романе представлены автокоммуникативные ситуации, причиной возникновения которых является противоречие «Я»-позиций, разрешение которого наступает с помощью развития субъектом исповедального дискурса своего эмоционального интеллекта, а именно, способности делать поведенческий выбор в той или иной эмоциональной ситуации [Семенова 2022а].

По определению В.И. Шаховского, эмоциональный интеллект является способностью к сознательному управлению собственными эмоциональными состояниями и, соответственно, реакциями (в том числе и аффективными) [Шаховский 2009].

В современной лингвистике эмоциональный интеллект субъекта исследуется путем выявления эмоционально-смысловых доминант, эмотивных тем, субъективных смыслов в эмотивных языковых элементах текста [Донскова 2021]. Маркеры, репрезентирующие характер коммуникации, можно определить с помощью коммуникативно-прагматического анализа ситуаций из художественного текста [Ахиджакова 2021]. Для осуществления данного анализа необходимо выявить эмотивные высказывания языковой личности, изображение

невербального эмоционального поведения в тексте, речевую или мыслительную рефлексию отрицательных эмотивов. Исповедальный текст как поликомпонентная многоуровневая структура предполагает комплексное лингвистическое описание, так как эмотивность языковых единиц в основном имплицитна: в описаниях действий и реакций субъекта; в эмоционально-оценочных выражениях; во фразеологических единицах; в стилистических средствах. Согласно исследованию Е.Н. Широковой, сквозь субъектную сферу персонажа в тексте произведения может быть представлено эмотивное время, которое участвует в противопоставлении двух временных планов (прошлого и настоящего), в котором может отражаться совмещение психологической и пространственно-временной точек зрения [Широкова 2007: 89]. В исповедальном повествовании романа «Подросток» эмотивное время является главным показателем эволюции «идеи» Аркадия Долгорукого как его рефлексивного мировосприятия.

Качество изначальной психической коммуникабельности измеряется категориями интенциональности: мотивационной модальностью, перцептивной модальностью, имагинативной модальностью и эмоциональной модальностью [Кабрин 2021]. Данные категории идентифицируются как проявления субъективной модальности, характеризуют «отношение говорящего к сообщаемому в терминах разного рода оценок» [Кобозева 2000: 242]. Мотивационная модальность раскрывает причины, прагматическую установку текста, пресуппозицию оценки воспринимаемой информации [Ахраменко 2021]. Прагматическая пресуппозиция в тексте является теми условиями, благодаря которым речевой акт будет эффективным [Арутюнова 1973: 89]. В исповедальном дискурсе эффективность речевого акта зависит от результата метакогнитивной рефлексии в ситуации автокоммуникации. Перцептивная модальность является отражением организации информации, которую говорящий использует для представления собственной модели мира – те ощущения и обобщения, которые делаются на основании восприятия информационного поля окружающей действительности [Рогожников 2011]. Имагинация в современных исследованиях понимается как психологическое переживание воспринятых образов, их

интерпретация, их познание через рефлекссию – конструирование образных представлений в процессе понимания событий происходящей вокруг личности действительности [Волкова 2021]. Соответственно, модальность воображения раскрывает процесс моделирования воспринимаемой действительности, динамические взаимодействующие образы и причины их формирования. Эмоциональная модальность является отражением эмоционального состояния говорящего, включает в себя семантические единицы – эмотивы, которые могут проявляться в словах эксплицитно и имплицитно (факультативно и потенциально). С точки зрения Д.А. Романова, эмоциональная модальность имеет свои модификации, которые являются показателями градации эмотивности: «показатели ее отчетливости (акцентированности / размытости), силы (интенсивности), длительности, самостоятельности / контаминированности (одноmodalности / полиmodalности)» [Романов 2012: 1]. Вышеперечисленные проявления субъективной модальности можно представить как семантические категории смысловых векторов потенциосферы, проявленной в той или иной лексической единице, как возникающие структуры, порождаемые и поддерживаемые соответствующей специфической функцией.

Согласно исследованиям А. Вежбицкой, концептуальные универсалии, к которым также относят эмоциональные концепты, объединяют людей разных культур и языков [Вежбицкая 2001: 46-49]. Это связано с тем, что физиолого-психологическая составляющая организма универсальна, и человек, как существо социально обусловленное, всегда стремится понять реакцию коммуникативного партнера – это проявляется на уровне полиmodalных смысловых пространств вербальных и невербальных проявлений [Кабрин, Галажинский 2023]. Концептуальной универсалией можно назвать инвариантную единицу смысловой потенциосферы – концептуальный аттрактор – зону смыслового притяжения с центробежными и центростремительными силами, управляющими смысловыми векторами.

**Концептуальный аттрактор** – это ментальная единица, проявляющаяся в потенциосфере в языке, к которой стремятся смыслы цепочек импликаций, и которая вербализуется в тексте, раскрывающем исповедальный дискурс.

В контексте романа «Подросток» такой единицей является ‘идея’ – архисема лексемы *идея* – смысловый инвариант – точка, в поле которой функционируют различные смысловые векторы, которые могут вербализоваться, актуализироваться в тексте в других словах.

Согласно исследованию М.Ф. Шацкой, природа феномена коммуникации аксиологична, так как ядром практически всех видов ценностей являются коммуникативные [Шацкая 2023: 103]. Единицы ценностно-смысловых рефлексивных переживаний, зафиксированных во временных петлях автокоммуникации личности, – **аксиологемы** – являются вербализаторами смысловых векторов, взаимодействующих в потенциосфере концептуального аттрактора, которые отражают оценку осмысленных явлений действительности.

Контекст романа «Подросток» раскрывается благодаря символичности смысловых векторов категории имагинативности. По мнению Р. Барта, **символ** может раскрываться как свойство воображения, а также обладает критической функцией, направленной на язык [Барт 1989: 354]. Символы вербализируются через импликациональные семы, которые наслаиваются на денотативное значение знака. Символьные смысловые векторы часто неоднозначны, метафоричны и требуют субъективной интерпретации. Символы, по словам А.Ф. Лосева, это «такое теоретическое построение, которое является принципом для нашей практики и даже для бесчисленного количества наших практических творческих переделываний действительности» [Лосев 1976: 32].

**Смысловые приращения («обертонны смысла»)** – смысловые единицы, возникающие в исповедальном дискурсе при актуализации смысловых векторов метакогнитивной рефлексии, раскрываются в качестве единиц осмысления проблемных переживаний коммуникативного поведения на эмоционально-поведенческом уровне ДЛ.

**Диалогические доминанты сознания** – бинарные смысловые оппозиции, выявленные в процессе анализа смысловых приращений к смысловым векторам ситуаций автокоммуникации, функционирующие на когнитивно-эмоциональном уровне в качестве единиц метакогнитивной рефлексии при восприятии действительности субъектом исповедального дискурса. Данные единицы биполярны и дихотомичны, так как раскрывают сущность познания и его взаимодействия с эмоциональным состоянием индивида. Диалогические доминанты – это элементы когнитивно-эмоционального уровня рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ, отражающие метакогнитивную рефлексию как когнитивно-эмоциональный процесс на уровне его осмысления.

В разделах данного параграфа 3.1.1. – 3.1.4. анализ смысловых векторов, выявленных в ходе конструирования фреймов автокоммуникативных ситуаций (из таблицы № 1), осуществляется следующим образом: из текста романа методом сплошной выборки отбираются и анализируются контексты вербализаторов рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ, через категории модальности (мотивации, перцепции, имагинации и эмотивности) выявляются имплицитные смысловые приращения к смысловым векторам, анализируется их функциональность на эмоционально-поведенческом уровне; выявляются смысловые бинарные оппозиции, определяется их статус как диалогических доминант сознания когнитивно-эмоционального уровня.

### *3.1.1. Анализ потенциосферы концептуального аттрактора 'идея'*

Концептуальный аттрактор притягивает к себе потенциосферу ядерной семы 'идея', выражающей концептуальную сущность – «сгусток смысла». Одним из вербализаторов аттрактора является лексема *идея*, контексты употребления которой анализируются в данном разделе.

В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля лексема *идея* определяется как *умопонятие, представленье, воображенье предмета; умственное изображенье, мысль, выдумка, изобретенье, вымысел, идеология; идеал, мысленный образец совершенства; мыслесловие, первообразный;*

*идеальность, противоположный реальности* [Толковый словарь живого великорусского языка].

В Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова лексема *идея* определяется как *постигаемый разумом образ, умопостигаемая мысль, понятие о каком-нибудь предмете* [Толковый словарь русского языка].

В Большом академическом словаре русского языка *идея* – это *понятие, представление, отражающее действительность в сознании человека, выражающее его отношение к ней; определяющее положение в системе взглядов, воззрений; мысль* [БАС].

В Историко-этимологическом словаре современного русского языка П.Я. Черных *идея* представлена не только как *мысль и понятие, но и как замысел, план, принцип, идеальное начало, первообраз, видение и созерцание* [Черных 1999: 336].

В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка Ю.Д. Апресяна *идея* является синонимом *мысли и думы как невидимый результат деятельности человеческого ума, возникающий и развивающийся в нем, когда человек думает, обычно независимо от воли субъекта* [Новый объяснительный словарь синонимов 2003: 551].

В Словаре русской ментальности В.В. Колесова дана интерпретация концепта ‘идея’ как *основополагающего представления, данного, как непреклонное убеждение в исходной ценности определяющих положений, включенных в общую систему взглядов и активных намерений к действию*; выделяются такие смыслы, как ‘сила’; ‘прообраз бытия’, ‘внутренний мир’, ‘отсылка к реальности’, ‘мышление’, ‘движение’; ‘двойной смысл того, что мыслится и той сущности, что улавливается в мысли’ [Колесов 2014: 328].

С опорой на толкования лексемы *идея*, в ядре концептуального аттрактора выделяются семы ‘представление’, ‘мысль’, ‘идеал’, ‘совершенство’, ‘умопостижение’, ‘убеждение’, ‘ценность’, ‘сила’, ‘взгляд’, ‘прообраз бытия’, ‘двойной смысл’, которые актуализируются в контексте романа «Подросток». «Уход» в «идею» подразумевал изначально разработку и постижение некоего

плана на жизнь, связанного с мировоззренческой позицией субъекта исповедального дискурса, это отражается смысловой многовекторностью концептуального аттрактора 'идея'. «Идея» Аркадия Долгорукого в контексте романа является центром его рефлексии, в ней раскрывается и идеал, и двойственность смысла, и ценностные ориентиры, и метафоричные образы картины мира ДЛ.

Как уже выяснилось при анализе автокоммуникативной ситуации «Объяснение поездки в Петербург», «идея» Аркадия Долгорукого была оппозицией взаимоотношений с родным отцом. Уход в «идею» подразумевал отказ от семьи: *«уйти в свою идею уже окончательно», «то самое, для его я живу на свете»* [Достоевский 2021: 14]. Лексема *свет* в приведенной цитате употребляется в переносном значении, раскрывается семами 'окружающий мир', 'планета'. В данном контексте к потенциосфере концептуального аттрактора 'идея' прирастают смыслы, раскрывающиеся через категорию «мотивация»: 'уход' → 'конец' → 'жизнь' → 'мир'. До встречи с близкими в Петербурге «идея» приобрела статус 'умопостижения' смысла жизни главного героя, причем зарождалась она в «мечтах» подростка *«с шестого класса гимназии»* [там же: 14-15]. 'Мечта' является одним из смысловых приращений 'идеи', отражающих восприятие «идеи» как некоей воображаемой абстракции.

Речь Аркадия об идее представлена предикативными конструкциями, относящимися к мотивационной модальности: *«случилось это вследствие той же идеи, вследствие вывода, может быть ложного, который я из нее вывел»; «идея помешала гимназии»; «я бестрепетно стал за идею, ибо был математически убежден», «никогда теперь уже не буду один <...> со мной будет моя идея, которой я никогда не изменю»; «двойственность, говорю я, и была, кажется, одною из главнейших причин многих моих неосторожностей, наделанных в году, многих мерзостей, многих даже низостей и, уж разумеется, глупостей»* [Достоевский 2021: 14-17]. В приведенных цитатах дается описание восприятия *идеи*, которое раскрывается смысловыми приращениями через перцептивную модальность: 'вывод' → 'ложь' → 'помеха' → 'расчет' → 'одиночество' ↔

‘компания’ → ‘верность’ → ‘двойственность’ → ‘плохие поступки’. Необходимо отметить, что бинарная смысловая оппозиция ‘одиночество’ ↔ ‘компания’ отражает перцепцию «идеи» не только как абстрактной сущности, но и как живого субъекта, который может избавить человека от одиночества.

Прослеживается причинно-следственная связь обучения в гимназии и возникновения «идеи». Первое впечатление о гимназии, которым делится Аркадий в дневнике, представлено изложением того, как воспринимали окружающие его социальный статус: «– Князь Долгорукий? <...> – Нет, просто Долгорукий. Это просто стало сводить меня наконец с ума. <...> ничего нет глупее, как называться Долгоруким, не будучи князем» [Достоевский 2021: 7]. Субъект выражает негативную оценку собственной фамилии и транслирует раздражение такими эмотивными конструкциями, как «нет ничего глупее», «стало сводить с ума», «стал очень сердиться», «в последней степени озлился» [там же: 7-8]. Он предполагает интерпретацию своего эмоционального восприятия фамилии и социального статуса читателем: «я вот исписал целых три страницы о том, как я злился всю жизнь за фамилию, а между тем читатель наверно уж вывел, что злюсь-то я именно за то, что я не князь, а просто Долгорукий» [там же: 7-8]. Из приведенного контекста выстраивается следующая смысловая цепочка: ‘социальный статус’ → ‘сумасшествие’ → ‘глупость’ → ‘раздражение’ → ‘злость’ → ‘фамилия’. Через эмотивную модальность раскрывается восприятие собственного социального статуса, которое, является следствием интерпретации его фамилии обществом. Описываемая Аркадием эмоция *гнев* связана и с тем, что родной отец подростка Андрей Петрович Версилов не женился на его матери и не передал ему статус дворянина. При этом сам Версилов в беседе с Аркадием назвал «гнусной клеветой» незаконнорожденность подростка, говоря о том, что по закону его отец – Макар Иванович Долгорукий, законный муж Софьи Андреевны Долгорукой [там же: 105].

При анализе автокоммуникативной ситуации «Описание встречи у Дергачева», «идея» Аркадия появилась в «угле»: «В гимназии я с товарищами был на ты, но ни с кем почти не был товарищем, я сделал себе угол и жил в углу» [там

же: 42]. Смысловый вектор ‘угол’ в данном контексте раскрывает условия и образ создания «идеи», наблюдается появление смыслового приращения – ‘одиночество’. Причина этой закрытости от окружающих прослеживается в рассказе героя о предшествующих гимназии годах в пансионе Тушара: *«Тем и кончилось, что свезли меня в пансион, к Тушару, в вас (о Версилове) влюбленного и невинного»; «Когда я ложился в постель и закрывался одеялом, я тотчас начинал мечтать об вас, Андрей Петрович, только об вас одном; <...> я все страстно мечтал, что вы вдруг войдете, я к вам брошусь и вы меня выведете из этого места и увезете к себе, вдруг начинались насмешки и презрение мальчишек; один из них прямо начал бить меня и заставлял подавать сапоги; он бранил меня самыми скверными именами, особенно стараясь объяснить мне мое происхождение, к утехе всех слушателей. Когда же являлся наконец сам Тушар, в душе моей начиналось что-то невыносимое»* [там же: 100-101]. Приведенные цитаты отражают спектр испытываемых маленьким Аркадием впечатлений от взросления в пансионе; он мечтал об отце, но был брошен им в атмосфере гнева и агрессии, спровоцированных его социальным положением. Согласно исследованию М.Ф. Шацкой, понижение социального статуса личности в коммуникативной ситуации чаще всего осуществляется «через умаление его коммуникативной компетенции» [Шацкая 2018: 114]. Так, цитируя высказывания Тушара, Аркадий использует оценочные экспрессивы: *«ты не смеешь», «ты подлого происхождения», «все равно что лакей»*. Также экспрессию восприятия передают глаголы, относящиеся к учителю: *«налетел», «схватил», «давай таскать», «ударил»*.

Свою реакцию Аркадий передает следующими эмоциями: *«страшно», «удивлен», «плакал», «навзрыд», «сшалил», «исправляюсь», «простят»*. Картина мира маленького Аркадия представлена положительными эмоциями, и всю вину за негативное происходящее в окружающей его действительности он берет на себя, идеализирует свое близкое окружение: *«станем вдруг все веселы», «пойдем играть», «заживем как нельзя лучше»* – выражается надежда на единство с обществом [Семенова 2022: 308-309]. Контекст взросления Аркадия Долгорукого

раскрывает имплицитные смысловые приращения к смысловому вектору ‘идея’: ‘отец’ → ‘привязанность’ → ‘невинность’ → ‘мечта’ → ‘смех’ → ‘презрение’ → ‘агрессия’ → ‘социальный статус’ → ‘боль’. Эти смысловые приращения отражают процесс формирования отношения субъекта исповеди к окружающей действительности – строится «идея», окруженная системой ценностей: *«В том-то и “идея” моя, в том-то и сила ее, что деньги – это единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество»* [Достоевский 2021: 70]. Оценочная лексема *ничтожество* является отражением самооценки Аркадия и оценки своего положения в обществе, с которой он столкнулся в пансионате Тушара перед гимназией [Семенова 2022: 309]. Таким образом, уже в гимназии «идея» Аркадия стала его оплотом здоровых взаимоотношений с самим собой. Он создал ее в «углу» как абстрактную психологическую защиту от оттолкнувшего его родителя и унижавшего его общества. «Идея» стала стимулом, который стал собирать вокруг себя дальнейшие мотивы жить.

Имагинативная модальность ‘идеи’ проявляется в лексемах, речевое значение которых формирует образ «идеи» как определенного места: *угол, мрак, скорлупа, крепость, пустыня*. Смысловые объемы данных лексем взаимодействуют в текстовом пространстве повествования, пополняя потенциосферу концептуального аттрактора такими смысловыми приращениями, как ‘скрытность’ → ‘тьма’ (в *углу* и *мраке*) → ‘защита’ (в *скорлупе* и в *крепости*) → ‘пустота’ и ‘удаление’ (в *пустыне*).

На дискурсивной стадии реализации смысловый вектор концептуального аттрактора ‘идея’ вступает в отношения интеракции – смыслообмена, который возникает на базе функционирования прецедентных феноменов – маркеров интертекстуальности. Одним из них является прецедентное имя *Джемс Ротшильд*. «Идея» Аркадия Долгорукого характеризуется стремлением *«стать Ротшильдом»*: *«моя идея – это стать Ротшильдом, стать так же богатым, как Ротшильд; не просто богатым, а именно как Ротшильд. <...> став Ротшильдом или даже только пожелав им стать, но не по-фатерски, а серьезно, – я уже тем самым разом выхожу из общества»* [Достоевский 2021: 66-67]. Под «фатерами»

Аркадий понимает разбогатевших людей, у которых «*все как у всех*» – семья и обязанности. А стать Ротшильдом для него – это деньги и могущество на первом и единственном месте. В XIX в. имя собственное «Ротшильд» стало нарицательным, общеупотребительным среди интеллигенции [Даренский 2023: 351]. В эпоху Ф.М. Достоевского это имя стало символом присвоения чужих денежных средств путем различных финансовых манипуляций и достижения таким способом реальной власти и могущества в государстве и даже во всем мире [там же: 350]. По мнению В.Ю. Даренского, именно сама идея Джемса Ротшильда стать властителем мира была очень страшной в нравственном плане для Ф.М. Достоевского, но не сам человек, подвергшийся ей [там же: 354]. Вытеснение материальным жизненным принципом духовно-нравственного становится мифо-символическим смыслом этой идеи – смысловыми приращениями ‘могущество’ и ‘власть’. Эти смыслы вербализуются через смысловое взаимодействие двух типов контекстов – горизонтального (авторского) и вертикального (интертекстуального пре-текста). В смысловую интеракцию вступают два текста: исповедальный текст Ф.М. Достоевского и пре-текст «Скупой рыцарь» А.С. Пушкина: *«Я еще в детстве выучил наизусть монолог Скупого рыцаря у Пушкина; выше этого, по идее, Пушкин ничего не производил! Тех же мыслей я и теперь»* [Достоевский 2021: 77]. Денежная власть является пределом нравственных исканий лирического героя А.С. Пушкина, он мечтает только о том, чтобы забрать все свои накопления в могилу: *«о, если б из могилы / Прийти я мог, сторожевою тенью / Сидеть на сундуке и от живых / Сокровища мои хранить, как ныне!..»* [Пушкин 1981: 278-281]. Барон в монологе трагедии в «тайном» подвале у «верных» сундуков представляет себя «неким демоном», который может править миром благодаря своему золоту. При этом Скупой рыцарь считает себя «выше всех желаний», считает, что он «спокоен», но на самом деле достиг не «блаженства», а помешательства. Рефлексивно-смысловая сфера монолога трагедии А.С. Пушкина проявляется через имагинативную модальность «идеи» Аркадия Долгорукого: ‘страсть’ → ‘тайна’ → ‘деньги’ → ‘счастье’ → ‘власть’ → ‘зло’ → ‘управление’ → ‘воля’ → ‘могущество’ → ‘сознание’. Имплицитные смыслы раскрывают идею как

мечту Аркадия, его представления о том, как она должна реализоваться. Скупой барон отражает идеи вульгарного материализма – ‘одержимость’: смысловая перспектива выстраивается на власти денег, отказе от родных в пользу финансового благополучия. Смерть барона – это не столько физическая, сколько духовная смерть. Смысловой признак бинарности ‘физическое’ ↔ ‘духовное’ появляется и в контексте романа «Подросток», когда Аркадий говорит о готовности умереть «нищим на корабле».

Стремление к могуществу и деньгам Аркадий называет *«нравственной силой»* и *«тайным сознанием могущества»*, ему достаточно *«одного сознания»*, о *«свободе»* благодаря деньгам. А.Б. Креницын отмечает, что философские идеи в дискурсе Ф.М. Достоевского отражают нравственную проблему, поставленную в «Скупом рыцаре», – столкновение «человекобожества» (существа, живущего одной лишь материей) и «богочеловека» (человека, развивающего свой дух) [Креницын 2024: 209]. Причем отсутствие развития собственного духа у Ф.М. Достоевского всегда приравнивается к самоубийству (что случается с Крафтом, Ольгой и с князем Сергеем). Стоит отметить, что сам Ф.М. Достоевский отмечал особенное умение А.С. Пушкина изображать западную общественность, но в качестве идейной сущности этого изображения выделял «всемирность и всечеловечность», стремление русского народа «к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому» [Пушкин 1981б: 263-265]. И первоначальная стадия «идеи», которая создалась под влиянием одиночества и обиды, противоречит духовно-нравственной философии Ф.М. Достоевского.

Маркером интертекстуальности, раскрывающим концептуальный аттрактор ‘идея’ становятся прецедентные имена, через которые выражена негативная оценка реальных фактов, событий, действий окружающих людей – «железнодорожных королей» – «всех этих наших Кокоревых, Поляковых, Губониных» [Достоевский 2021: 72], по словам С.Ю. Витте, разбогатевших «благодаря случайностям, своему уму, хитрости, и в известной степени пройдошеству» [цит. по Гавлин 2000: 6]. Аркадий рассуждает о непрерывности и упорстве *«в наживании и, главное, в накоплении»*, что *«сильнее моментальных выгод даже хотя бы и в сто на сто*

*процентов!»* [Достоевский 2021: 72], но при этом своими поступками (игрой в рулетку) сам же себе противоречит. В качестве сильной позиции в этом мире герой принимает для себя помешанность скупого барона на наживании и накоплении денег, в противовес труду, прогнозированию и удаче, которые были свойственны русским капиталистам той эпохи. Таким образом, через данные прецедентные имена представлена интерпретация онтологически важных понятий: ‘наживать’ ↔ ‘трудиться’, ‘накопить’ ↔ ‘утратить’, ‘удача’ ↔ ‘крах’, характеризующих выбор поведенческой позиции субъекта.

Несмотря на отражение идеи проявления крайней степени материализма, в описании идеологической сущности встречаются диаметрально противоположные ценностные установки Аркадия. Так, в своих рассуждениях об идее и о взаимоотношениях с обществом, он говорит о том, что материального «могущества» может оказаться «мало», и тогда он «безбрежно» пожелает большего – будет готов отдать все свои «миллионы» обществу, готов смешаться «с ничтожеством»: *«Одно сознание о том, что в руках моих были миллионы и я бросил их в грязь, как вран, кормило бы меня в моей пустыне. Я и теперь готов так же мыслить. Да, моя «идея» – это та крепость, в которую я всегда и во всяком случае могу скрыться от всех людей, хотя бы и нищим, умершим на пароходе. Вот моя поэма!»* [Достоевский 2021: 77]. «Поэма» Аркадия уже не о скупом рыцаре, трепещущим над деньгами, а о том, что он хочет доказать себе самому и обществу о себе: *«став нищим, я вдруг стал бы вдвое богаче Ротшильда!»* [Достоевский 2021: 78]. В приведенной цитате прослеживается имплицитная параллель между предикативными конструкциями *бросить в грязь миллионы* и *бросил бы их обществу* («все до копейки») – под «грязью» понимается власть денег и статуса, которые делают из субъекта «лакея». Причем подросток сравнивает себя с известнейшими представителями дворянства – *«вы Галилеи, Коперники, Карлы Великие и Наполеоны, вы Пушкины и Шексперы <...> а вот я – бездарность и незаконность и все-таки выше вас, потому что вы сами этому подчинились»* [там же]. Через прецедентные имена известных носителей фиксируется существенный, концептуально значимый смысловой признак – ‘одаренность’. Возникают

бинарные смысловые оппозиции ‘я’ ↔ ‘они’ → ‘бездарность’ ↔ ‘одаренность’ → ‘богатство’ ↔ ‘нищета’ → ‘свобода’. Субъект считает себя нравственно выше, потому что является «бездарностью», «ничтожеством», но готов добиться самостоятельно «упорством и непрерывностью» миллионов, как самый известный и богатый Ротшильд, и не чахнуть над ними, как пушкинский барон, а отдать их обществу, показав, что деньги не должны управлять людьми: *«И знайте, что мне именно нужна моя порочная воля вся, – единственно чтоб доказать самому себе, что я в силах от нее отказаться»* [Достоевский 2021: 77]. В процессе смысловой трансформации концептуального аттрактора ‘идея’ появляются новые обертоны смысла: *искушение деньгами в «пустыне» → отказ от них → смирение с «ничтожным» положением в обществе, в котором правят деньги ради «большого» → преодоления «порочной воли» → приобретения настоящей воли.* «В силах» отказаться от общественного материализма в пользу духовно-нравственных идеалов – духовной пищи, пусть даже и «умереть» «нищим на корабле».

«Пустыня» как маркер прецедентности является интертекстуальной отсылкой к евангельскому мотиву искушений Христа в пустыне, который раскрывается также в притче «Великий инквизитор» романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», в автономном микротексте с выраженной аллегорической семантикой [Креницын 2024]. Этот маркер интертекстуальности выполняет функцию философско-религиозной рефлексии в рамках исповедального дискурса. Библейский архетип трансформируется и переносится в условную испанскую средневековую реальность эпохи инквизиции [там же]. В притче «Великий инквизитор» Христос противопоставляется инквизиции: люди поклоняются его чудесам и за это его арестовывают и приговаривают к сожжению. Смысловые приращения к вектору ‘идея’ → ‘уединение’ → ‘свобода’ → ‘смирение’ → ‘смерть’ раскрывают «идею» Аркадия в новом ключе – принятия мученичества в смирении; а общество в смысловом плане становится инквизицией. Смысловый вектор ‘идеи’ направляется против искушений материального мира, а «порочная воля» оказывается лишь материальноцентрированным желанием. В качестве основных смысловых элементов идеи «Великого инквизитора» у Ф.М. Достоевского

О.С. Сухих выделяет ‘сострадание’, ‘счастье’ и ‘свободу’, ‘силу’ и ‘слабость’, ‘насилие’, ‘иллюзию веры’ и ‘страдание’ [Сухих 1999: 22-33]. В романе «Подросток» через маркер интертекстуальности к ‘идее’ Аркадия прирастают смыслы ‘счастье’, ‘свобода’ и ‘сила’.

Смысловое приращение к концептуальному аттрактору ‘идея’ → ‘свобода’. Это смысл, который уже перестает быть связанным с ‘могуществом’ и ‘властью’, а направляется в новое аксиологическое «русло» – духовные качества человека.

При анализе автокоммуникативной ситуации «Беседа с Макаром Ивановичем Долгоруким», большое влияние на идеологическую сущность Аркадия оказал его названный отец, восприятие духовно-нравственных идей которого стало стимулом смысловой трансформации потенциосферы концептуального аттрактора ‘идея’. Так, «тайна» с ядерной семьей ‘скрытность’ актуализируется как ‘тайна Божия’, а новым витком в развитии «идеи» становится поиск «благообразия».

Необходимо отметить, что одним из прецедентных слов является комната-«гроб», в которую поселили Аркадия в Петербурге: *«Действительно, было некоторое сходство с внутренностью гроба, и я даже подивился, как он верно с одного слова определил»*; *«Они все сидели наверху, в моем “гробе”»* [Достоевский 2021: 103, 409]. «Гроб» Аркадия является маркером интертекстуальности, отсылающим к картине Г. Гольбейна Младшего «Мертвый Христос», представляющим поликодовость исповедального дискурса романа «Подросток». На этой картине представлено изображение мертвого Христа в гробу. Интерпретация этого маркера интертекстуальности может быть раскрыта как вестью «о Христе Воскресающем», так и вестью «о Христе умершем», а именно корреляцией «с верой/неверием» в божественность Христа (как проявления Бога в православном представлении) [Юдахин 2023: 106-107]. А.А. Юдахин предполагает, что интерпретация данной картины в произведениях Ф.М. Достоевского может быть связана с критикой католической церкви, которая отвергала учения Христа о свободном обращении человека к Богу и свободном ответе человека на любовь Божию [Юдахин 2023]. Комната-гроб, как и в романе

Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», символизирует смерть и воскрешение героя (такое сравнение встречается у М.М. Бахтина) [Тарасова 2020].

В контексте случайной встречи с Ольгой, которая искала Версилова, в речи Аркадия функционирует прецедентный текст: *«Когда требуют совесть и честь, и родной сын уходит из дому. Это еще в Библии. <...> Когда надо, великодушный жертвует даже жизнью; Крафт застрелился, Крафт, из-за идеи, представьте, молодой человек, подавал надежды <...> А это еще в Библии дети от отцов уходят и свое гнездо основывают... Коли идея влечет... коли есть идея! Идея главное, в идее все...»* [Достоевский 2021: 135]. Можно предположить, что в данном высказывании герой имеет в виду слова Христа из Евангелия: *«И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную»?* (Мф. 19, 29). Эта цитата из Евангелия от Матфея отражает идею, близкую Ф.М. Достоевскому: ради следования за идеями Христа человек может отказаться нищим, но получит духовное сокровище – развитие собственного духа. В творчестве писателя эта мысль воплощается в теме *воскрешения погибшего душой человека* → *через развитие духовно-нравственных идеалов* → *чистую любовь ко всему окружающему миру*. Так, потенциосфера концептуального аттрактора наполняется новыми смысловыми обертонами: ‘смирение’ → ‘смерть’ ↔ ‘воскрешение’ → ‘любовь’. Причем ‘смерть’ и ‘воскрешение’ – смысловые приращения, вступающие в оппозицию, так как субъект мотивирован идеей как ‘умопостижением’ высшего идеала, близкого к библейским учениям. Но дело в том, где и как данный ‘идеал’ был взращен. Исходя из анализа смыслового окружения концептуального аттрактора ‘идея’, можно сделать вывод о том, что «идея» подростка является продуктом рефлексивных процессов, связанных с осмыслением и переживанием обид на недостаток любви и внимания родителей, на насмешки сверстников, на приоритет социального положения в обществе. При этом концептуальным аттрактором данный смысловой вектор является потому, что функционирует в качестве единицы, актуализирующей на протOVERбальном уровне смысловые приращения, которые вступают в оппозиции, отражая

метакогнитивные процессы в сознании субъекта исповедального дискурса. Таким образом, имплицитные смысловые приращения к смысловому вектору 'идея', раскрываются в горизонтальном и вертикальном контексте в исповедальном дискурсе романа Ф.М. Достоевского «Подросток», что представлено в таблице № 2.

Таблица № 2. Имплицитные смысловые приращения концептуального аттрактора 'идея' (эмоционально-поведенческий уровень ДЛ)

<b>Интенциональные модальности</b>		
<b>Мотивация</b>	<b>Перцепция</b>	<b>Имагинация</b>
'отец' ↓ 'привязанность' ↓ 'невинность' ↓ 'мечта' ↓ 'смех' ↓ 'презрение' ↓ 'агрессия' ↓ 'социальный статус' ↓ 'боль'	'вывод' ↓ 'ложь' ↓ 'помеха' ↓ 'расчет' ↓ 'одиночество' ↕ 'компания' ↓ 'верность' ↓ 'двойственность' ↓ 'плохие поступки'	'угол' ↓ 'одиночество' ↓ 'уединение' ↓ 'тьма' ↓ 'защита' ↓ 'пустота' ↓ 'удаление'
'уединение' ↓ 'свобода' ↓ 'смирение' ↓ 'смерть' ↕ 'воскрешение' ↓ 'любовь'	'я' ↕ 'они' ↓ 'бездарность' ↕ 'одаренность' ↓ 'богатство' ↕ 'нищета' ↓ 'свобода'	'страсть' ↓ 'тайна' ↓ 'деньги' ↓ 'счастье' ↓ 'власть' ↓ 'зло' ↓ 'управление' ↓ 'воля' ↓ 'могущество' ↓ 'сознание' ↓ 'свобода'

Необходимо отметить, что приведенные цепочки имплицитных смыслов неокончательные, а дополняются и расширяют потенциосферу концептуального аттрактора в ходе дальнейшего когнитивно-семантического анализа аксиологем и символов. В таблице № 3 отдельно представлен анализ эмотивной модальности, раскрывающей эмотивные смысловые приращения к концептуальному аттрактору 'идея' на эмоционально-поведенческом уровне рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ.

Таблица № 3. Категория эмотивной модальности эмоционально-поведенческого уровня концептуального аттрактора 'идея'

Эмотивы концептуального аттрактора 'идея'	Смысловые приращения эмотивной модальности	
	Пейоративная окраска	Мелиоративная окраска
<i>счастлив, я уже тогда развратился; краснею; бестрепетно стал; Спрячусь в нее; спокойствие духа; никакого-таки чувства «мести» нет, ни проклятия, ни жалоб сиротства, ни слез незаконнорожденности, жаждал могущества; У меня сила, и я спокоен; чувство, состояло опять лишь в том (как и тысячу раз прежде), чтоб уйти от них совсем; и я всем отомщу</i>	'страх' ↓ 'обида' ↓ 'развратность' ↓ 'месть' ↓ 'стыд'	'счастье' ↑ 'спокойствие' ↑ 'умиротворение'

Необходимо отметить, что пейоративные имплицитные смысловые приращения эмотивной модальности передают деструктивные эмоциональные состояния, отрицательно влияющие на поведение героя, и являются оппозиционными по отношению к мелиоративным, передающим эмоциональные состояния, положительно влияющие на коммуникативное поведение Аркадия. Таким образом, в качестве оппозиций можно выделить векторы 'обида' ↔ 'умиротворение', 'страх' ↔ 'спокойствие' и 'стыд' ↔ 'счастье'. Эмотивная модальность в романе выражается с помощью эмотивов и экспрессивов, которые употребляются в речи героя при описании действий, осуществляемых под воздействием «идеи», а также при описании воспоминаний о коммуникативных ситуациях, которые повлияли на его коммуникативное поведение и его

эмоциональное сопровождение. Предикативные конструкции с эмотивной семантикой вербализуют эмоционально-поведенческий уровень ДЛ, представленный имплицитными смысловыми приращениями.

В ходе исследования концептуального аттрактора ‘идея’ выявляется его смысловое взаимодействие с векторами аксиологем *тайна, уединение, правда, любовь*.

### 3.1.2. Когнитивно-семантический анализ аксиологем *тайна, уединение, правда, любовь*

Аксиологемы – это единицы, которые вербализуют ценностно-смысловые рефлексивные переживания – раскрывают восприятие Аркадия Долгорукого происходящих событий через призму его ценностных ориентиров, интерпретацию информации из окружающего мира с опорой на классификацию базовых аксиологических модусов: позитивного, негативного и нейтрального [Семенова 2022б].

Аксиологема *тайна* определяется по ядерной смысловой семе ‘тайна’ и раскрывается при интерпретации Аркадием «идеи» и при интерпретации отношений с отцом.

В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля дана дефиниция глаголу *таить*, из которого *тайна* определяется как *сокрытие, скрытность, неведение, сокровенность, хранение, ложь, молчание* [Толковый словарь живого великорусского языка].

В Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова *тайна* определяется как *то, что неизвестно, не стало еще доступным познанию, нечто непонятное, неразгаданное, что скрывается от других, что известно не всем, секрет; таинство* [Толковый словарь русского языка].

В Малом академическом словаре русского языка дана дефиниция прилагательному *таинственный*, из которого *тайна* определяется как *хранение, намеренное сокрытие, сохранение, неизученное, непознанное, не нашедшее объяснение и разгадку* [МАС].

В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка Ю.Д. Апресяна лексема *тайна* образует синонимический ряд с лексемами *секрет, загадка, вопрос*, определяется как *нечто важное или интересное, чего человек не знает о каком-либо предмете, так как это от него скрыто и узнать это трудно* [Новый объяснительный словарь синонимов 2003: 1137].

В Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера выделяются значения *тайный, отрицание, сокрытие, кража, лишение*; а *тайный* – *обманный, тщетный, напрасный* [Этимологический словарь].

В Словаре русской ментальности В.В. Колесова концепт ‘тайна’ интерпретирован как *скрытая внутренняя сущность вещи или причина явления, непознанные либо временно недоступные познанию, как загадка; постоянный и неустранимый момент духовного и мыслительного процесса; противоречие между сложившейся культурой и стремлением выйти за её рамки* [Колесов 2014: 369].

В контексте романа «Подросток» актуализируются следующие ядерные семы лексемы *тайна*: ‘скрытность’, ‘хранение’, ‘молчание’, ‘загадочность’, эти смыслы представляют ценностный ориентир «идеи» Аркадия Долгорукого.

При анализе ситуации автокоммуникации «Объяснение поездки в Петербург», герой скрывает от Версилова «*таинственные*» деньги, накопленные со дня «идеи» и отданные матери; он приехал «*узнать всю правду в самый ближайший срок, ибо приехал судить этого человека*»: «*Свои силы я еще таил от него, но мне надо было или признать его, или оттолкнуть от себя вовсе*» [Достоевский 2021: 18]. Аксиологема *тайна* в контексте приобретает такие смысловые приращения, как ‘деньги’ → ‘отец’ → ‘правда’ → ‘осуждение’ → ‘силы’ → ‘признание’ ↔ ‘отвержение’. Приведенная цепочка смысловых приращений *тайны* раскрывает восприятие (перцептивную модальность) взаимоотношений с отцом, которые представлены оппозицией ‘признание’ ↔ ‘отвержение’. Аксиологическая семантика *тайны* заключается в ее необходимости для уточнения этих взаимоотношений.

Импликация ‘сила’ входит в цепочку с импликацией ‘власть’ в потенциосфере концептуального аттрактора ‘идея’, так как «сила» Аркадия во «власти над чужими судьбами» с помощью «документа», с помощью которого Аркадий оказывается вовлечен в интриги: *«я оскорблен и грожусь отомстить, и, наконец, четвертое, главнейшее: узнал, что существует такой документ, таинственный и спрятанный»* [там же: 339]. Вместо того, чтобы отдать этот таинственный документ владельцу (письмо Ахмаковой, в котором она пишет о своем отце как о *«сумасшедшим и уже “советовалась с юристами” о том, как бы его засадить»* [там же: 339]), герой входит в «водоворот» интриг «властелином и господином даже чужих судеб» [там же: 354, 16]. Эмотивная модальность аксиологемы *тайна* раскрывается в приведенном контексте имплицитными смысловыми приращениями ‘обида’ → ‘месть’, которые проявляются и в смысловом пространстве вектора ‘идея’.

Также *тайна* является ценностным ориентиром для субъекта исповедального дискурса, потому что только с помощью нее ему представляется возможным обрести собственную значимость во взаимоотношениях с отцом: *«Конечно, я полагал помочь этому человеку не иначе как втайне, не выставляясь и не горячась»*, *«я видел ясно, что в нем всегда как бы оставалась какая-то тайна; это-то и привлекало меня к нему все больше и больше»* [там же: 63, 179-180]. В приведенном контексте отражается трансформация текстового семантического поля аксиологемы – смысловая оппозиция ‘признание’ ↔ ‘отвержение’ нейтрализуется, и остается только ‘признание’.

Связь аксиологемы *тайна* с концептуальным аттрактором ‘идея’ раскрывается в потенциосфере ‘идея’ смысловыми векторами восприятия и интерпретации планов на будущее, связанных с ролью Аркадия в обществе: *«тайное сознание могущества нестерпимо приятнее явного господства»* [там же: 36-37].

Смысловое приращение ‘власть’ вступает в цепочку с оппозицией ‘ненависть’ ↔ ‘любовь’, представленной в описании чувств Аркадия к Катерине Николаевне Ахмаковой: *«приехав ненавидеть, я даже чувствовал, что начинаю*

любить ее. “Я не знаю, может ли паук ненавидеть ту муху, которую наметил и ловит?” <...> Я же вот люблю моего врага» [там же: 36-37]. Ненависть к «врагу» обусловлена чувствами Версилова к этой женщине – Аркадию обидно за свою мать, которая следует за его отцом в смирении, несмотря на его неверность. Отсюда и возникает связь со смысловым приращением ‘осуждение’, функционирующем в контексте, вербализующимся аксиологемой *тайна*. Через имагинативную модальность раскрываются символы: Аркадий представляет себя пауком – хищником, а ее мухой – жертвой, которую он собирается поймать на «таинственный» документ, чтобы она стала его «добычей», а не Версилова. Этот контекст отражает слова Аркадия о «тайном сознании могущества» – субъекту достаточно только знать о том, что от него зависят судьбы других людей и что он может повлиять на них: «с меня было бы довольно одного сознанья» [там же: 37]. ‘Тайна’, ‘власть’, ‘могущество’ и ‘сознание’ – элементы смысловой цепочки имагинативной модальности лексемы *идея*, представленные в вертикальном контексте романа. Смысловой вектор ‘тайна’ является необходимым условием обретения «могущества», поэтому на первоначальном этапе развития «идеи» Аркадия Долгорукого вербализатор смыслового вектора, стремящегося к концептуальному аттрактору ‘идея’ является аксиологемой.

Мотивационная модальность аксиологемы *тайна* раскрывается имплицитными смысловыми приращениями ‘общество’ → ‘позор’ → ‘идея’ → ‘утешение’: «Меня утешало, после всякого такого позора, лишь то, что все-таки “идея” при мне, в прежней тайне, и что я ее им не выдал» [там же: 47]. Приведенная цепочка может быть представлена в форме оппозиций ‘общество’ ↔ ‘идея’ и ‘позор’ ↔ ‘утешение’, которые характеризуют мотивы возникновения у субъекта дискурса ценностного смыслового ориентира ‘тайна’. Для героя «тайна» является важным показателем ценности самой «идеи», именно *таинственность* его идеологических убеждений успокаивает его в коммуникативной ситуации, которую он воспринимает как конфликтную. Предикативные конструкции со словом «тайна» также отражают перцептивную модальность: *вся тайна в двух словах: упорство и непрерывность; провел год в совершенном здоровье и*

довольстве, а нравственно – в упоении и в непрерывном тайном восхищении; я так полюбил тайну [там же: 67, 68, 74]. Таким образом, у аксиологемы в контексте возникают имплицитные смысловые приращения ‘упорство’ → ‘непрерывность’ → ‘восхищение’.

В аксиологеме *тайна* воплощается смысловая диффузия (термин-метафора) – взаимодействие сем, приводящее к смыслообмену как результату семантического расширения. Это явление прослеживается при трансформации «идеи» Аркадия в течение эмотивного времени в исповедальном дискурсе. Как уже было отмечено при анализе ситуации автокоммуникации «Беседа с Макаром Ивановичем Долгоруким», на рефлексивно-смысловую сферу Аркадия повлияли духовно-нравственные идеи Макара Ивановича, его названного отца: «– “Тем даже прекрасней оно, что тайна...” Это я запомню, эти слова» [там же: 303]. Для Макара Ивановича ‘тайна’ – тоже ценностно-смысловый ориентир, но он совершенно другой – ‘тайна Божия’ – раскрывается имплицитными смысловыми приращениями ‘тайна’ → ‘скрытое’ → ‘непознанное’ → ‘прекрасное’ → ‘Божия’. Восприятие аксиологемы *тайна* меняется под воздействием обертонов смысла на вектор ‘тайна’ – предыдущие приращения → ‘могущество’ → ‘сознание’ заменяются на → ‘благообразие’ → ‘душа’ → ‘свет’, которые отражают восприятие личностных качеств Макара Ивановича. Аркадий интерпретирует когнитивно-эмоциональное состояние коммуникативного партнера, и в процессе метакогнитивного осмысления ‘благообразие’ становится его ценностным ориентиром при суждении о других: «Жажда благообразия была в высшей мере, и уж конечно так, но каким образом она могла сочетаться с другими, уж бог знает какими, жаждрами – это для меня тайна» [там же: 321]. Смысловый вектор ‘тайна’ в данном контексте не относится к аксиологической категории, а вступает в смысловую связь с вектором ‘раздвоение’, вербализованном в тексте лексемами *двойственность* (в отношении Аркадия) и *двойник* (в отношении Версилова): «Да и всегда было тайною, и я тысячу раз дивился на эту способность человека (и, кажется, русского человека по преимуществу) лелеять в душе своей высочайший идеал рядом с величайшею подлостью, и все совершенно искренно. Широкость ли

*это особенная в русском человеке, которая его далеко поведет, или просто подлость – вот вопрос!»* [там же: 321]. К вектору ‘тайна’ прирастает смысл ‘душа’, что раскрывается категорией имагинативной модальности. Таким образом, лексема *тайна* теряет статус аксиологема. В приведенном контексте возникают смысловые приращения на эмоционально-поведенческом уровне и оппозиции на когнитивно-эмоциональном уровне ДЛ: ‘душа’ → ‘раздвоение’ → ‘идеал’ ↔ ‘подлость’, ‘свет’ ↔ ‘тьма’.

Финальный контекст, в котором функционирует смысловой вектор ‘тайна’, характеризуется пейоративной эмотивной семантикой лексемы *тайна*: «*Я – трус, я боюсь, что ваши (Версилова) тайны вырвут вас из моего сердца уже совсем, а я не хочу этого*» [Достоевский 2021: 348]; «– *Слушайте, Татьяна Павловна: я вам сообщу одну страшную тайну, но только не сейчас, теперь нет времени, а завтра наедине, но зато скажите мне теперь всю правду, и что это за мертвая петля... потому что я весь дрожу...*» [Достоевский 2021: 412]. К смысловому вектору ‘тайна’ прирастает смысл ‘страх’, реализованный в экспрессивах *боюсь, страшную, весь дрожу*. Аркадий обращается к Татьяне Павловне, чтобы *раскрыть* свою «*страшную*» тайну → *выйти из ‘мрака’* → *увидеть ‘свет’*. Таким образом, в рефлексивном сознании Аркадия аксиологема *тайна* претерпевает смысловую диффузию и теряет функцию ценностно-смыслового ориентира в первоначальном смысле как ‘скрытность’ и ‘тьма’ Скупого рыцаря.

Имагинативная модальность в горизонтальном контексте, в котором вербализуются имплицитные приращения к концептуальному аттрактору ‘идея’, представлена в контексте употребления аксиологема *уединение*.

В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля глагол *уединять* определяется как *отделять, окромить, особить, удалять, ставить в одиночество, разобщать; о человеке, держать одиноко, на безлюдье, не давая сообщаться с людьми; даётся определение существительному уединенность – свойство и состоянье уединенного* [Толковый словарь живого великорусского языка]. Также в данном словаре представлено коннотативное значение *жить пустынноком, уединясь*, приводится цитата А.С. Пушкина «В уединении ты

счастлив: ты поэт!» [там же]. В импликационале лексемы *уединение* актуализируются семы ‘жизнь’, ‘пустыня’, ‘счастье’, ‘творчество’.

В Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова лексема *уединение* определяется как *отделение, удаление ото всех или от всего, разобщение со всеми или со всем; уединенное, отдаленное от людей или от жилья место* [Толковый словарь русского языка].

В Малом академическом словаре русского языка *уединение* определяется как *пребывание в одиночестве, без общения с кем-либо, обособленность, уединенность; уединенное, отдаленное, глухое место* [МАС]. Также в данном словаре приводится цитата из поэзии М.Ю. Лермонтова: «Здесь все дышит уединением, здесь все таинственно» [там же]. В импликационале лексемы *уединение* актуализируется смысл В импликационале лексемы *уединение* актуализируется сема ‘тайна’.

В Словаре русской ментальности В.В. Колесова концепт ‘уединение’ интерпретируется как *добровольное пребывание вне общения с людьми в пустынном (уединенном) месте, никому неизвестном и удовлетворяющем представлениям о личной отделенности, как способ существования человека, не стремящегося к себе подобным* [Колесов 2014: Т.2. 419]. По мнению В.В. Колесова, ‘уединение’ для Ф.М. Достоевского – «проект еще не распознанной соборности» [там же]. Также в данном словаре даются прилагательные-эмотивы к лексеме *уединение*: *грустное, молчаливое, спокойное, счастливое, трогательное* [там же].

Необходимо отметить, что сама лексема *уединение* образована от существительного *единение* и предлога *у*, что влияет на смысловую реализацию – возникает оппозиция ‘единение’ ↔ ‘уединение’, которая может являться отражением метакогнитивной рефлексии над «соборностью».

В контексте романа «Подросток» в аксиологеме *уединение* актуализируются ядерные семы ‘уединение’, ‘удаление’, ‘состояние’, ‘место’, ‘одиночество’, ‘пустыня’. Необходимо отметить, что сема ‘удаление’ проявляется также через прецедентный феномен «пустыня», раскрывающий концептуальный аттрактор

‘идея’. А сема ‘место’ также является ядерной для лексемы *угол*. Импликациональные семы также проявляются в качестве смысловых приращений в контексте: ‘единение’, ‘тайна’, ‘спокойствие’, ‘счастье’.

Этот ценностно-смысловой ориентир развился под влиянием обстоятельств взросления Аркадия Долгорукого в «уединении мечтательной и многолетней» жизни его в Москве. Аксиологема *уединение* раскрывает эмоционально-поведенческий ориентир восприятия субъектом окружающей действительности: *«Уединение – главное: я ужасно не любил до самой последней минуты никаких сношений и ассоциаций с людьми»*; *«Вся цель моей «идеи» – уединение»* [Достоевский 2021: 69, 73]. Через призму смыслового вектора ‘уединение’ выстраиваются отношения субъекта с обществом, так как с детства ему приходилось постоянно испытывать одиночество из-за конфликтных коммуникативных ситуаций, и он привык находить ‘утешение’ в уединении. В восприятии Аркадием взаимоотношений с обществом сверстников в пансионе у Тушара, в котором его сделали виновным в том, что у него социальный статус ниже, чем у других детей, за это били и наказывали, возникает смысловая оппозиция эмотивной модальности ‘вина’ ↔ ‘невиновность’: *«И как часто я обвинял себя напрасно! Чтоб не разрешать подобных вопросов, я, естественно, искал уединения»* [Достоевский 2021: 73]. Именно *уединение* стало для Аркадия средством успокоения и местом размышлений об происходящих с ним событиях, о его собственных реакциях, стало местом внутреннего диалога – разрешения «двойственности».

К смысловому вектору ‘уединение’ присоединяются обертоны смысла ‘могущество’ → ‘сила’ → ‘свобода’: *«кроме уединения мне нужно и могущество»*; *«я жаждал могущества всю мою жизнь, могущества и уединения»*; *«мне нужно лишь то, что приобретается могуществом и чего никак нельзя приобрести без могущества: это уединенное и спокойное сознание силы! Вот самое полное определение свободы, над которым так бьется мир! Свобода!»*; *«Да, уединенное сознание силы – обаятельно и прекрасно. Да, уединенное сознание силы – обаятельно и прекрасно. У меня сила, и я спокоен. Громы в руках Юпитера, и что*

*ж: он спокоен; часто ли слышно, что он загремит?»* [Достоевский 2021: 73-75]. Могущество для Аркадия является средством достижения осознания собственной силы = ‘свободы’. Смысловое приращение ‘свобода’, таким образом, проявляется как главный ценностно-смысловой компонент вектора ‘уединение’. ‘Свобода’ существует только в сознании субъекта, воплощается в аксиологеме *уединение*. Способом достижения ‘свободы’ в восприятии действительности для субъекта становятся ‘могущество’ и ‘уединение’ – смысловые приращения вертикального контекста, в котором проявляется концептуальный аттрактор ‘идея’. В приведенной цитате маркером интертекстуальности является прецедентное имя – Бог Юпитер – отсылка к древнеримской мифологии, самый могущественный из почитаемых Богов древнего Рима. Данный маркер подтверждает слова А.Б. Креницына о проблеме столкновения в сознании человека «человекобожества» и «богочеловека» – Аркадий сравнивает себя с громовержцем Юпитером, которого должны бояться, которому должны поклоняться как «властелину чужих судеб». В данном контексте герой озабочен не своим душевным состоянием, а своим материальным и социальным положением. Таким образом, в приведенном контексте через категорию имажинативной модальности раскрывается имплицитными смысловыми приращениями вертикального контекста: ‘могущество’ → ‘уединение’ → ‘спокойствие’ → ‘сознание’ → ‘свобода’.

В русской философской мысли XIX в. античная мифология воспринималась неоднозначно. С одной стороны, в свете христианского вероучения она противоречила библейской идее о Едином Боге, которая отвергала античную трактовку сакральной реальности, представленной в мифологии о многобожии. С другой стороны, в русской поэзии наблюдался определенный интерес к античности, что было связано с общими тенденциями эпохи, влиянием западноевропейской культуры, а также с попытками осмыслить национальное самосознание через призму истории [Нестерова 2008].

Аксиологема *уединение* раскрывает ценность рефлексии для субъекта. Это подтверждается размышлениями «в уединении»: «*Особенно счастлив я был, когда,*

*ложась спать и закрываясь одеялом, начинал уже один, в самом полном уединении, без ходящих кругом людей и без единого от них звука, пересоздавать жизнь на иной лад»; «я всю ночь грезил в лихорадке, как я должен держать себя и не уронить – не уронить всего цикла идей, которые выжил в уединении моем и которыми мог гордиться даже в каком угодно кругу» [Достоевский 2021: 74, 418].* Смысловые приращения, раскрываемые через эмотивную модальность, ‘счастье’, ‘спокойствие’ и ‘гордость’ отражают степень важности для субъекта дискурса самого процесса автокоммуникации, в котором происходит восприятие смыслов ‘жизнь’ и ‘общество’ через перцептивную модальность.

Имплицитные смысловые приращения ‘спокойствие’ → ‘сознание’ → ‘свобода’ концептуального аттрактора ‘идея’ и аксиологемы *уединение* в контексте можно интерпретировать как стремление ДЛ к определенному психоэмоциональному состоянию, которое характеризуется свободой сознания от «двойственности» и спокойным – нейтральным – эмоциональным состоянием. Лексема *двойственность* в контексте романа противопоставлена *свободе сознания* – возникает смысловая оппозиция при сочетании данных лексем в контексте – ‘раздвоение’ ↔ ‘единение’. Таким образом, целью функционирования смыслового вектора ‘уединение’ в потенциосфере концептуального аттрактора становится приращение смысла ‘единение’, как мотивационного ориентира (в категории мотивационной модальности).

В контексте романа «Подросток» лексема ***правда*** тоже приобретает аксиологический статус, так как целью приезда в Петербург был поиск правды об отце, о взаимоотношениях с семьей: «*Я непременно должен узнать всю правду в самый ближайший срок*» [Достоевский 2021: 18]. Обращаясь к потенциальному читателю (который будет интерпретировать исповедь), субъект сообщает о том, что излагает в своем дневнике события, насколько это возможно, правдиво: «*я стараюсь писать всю правду: это ужасно трудно!*», «*я хочу выучиться говорить правду*» [там же: 37, 135]. Смысловый вектор ‘правда’ отражает жизненный принцип героя в течение всего эмотивного времени в исповедальном дискурсе, который остается таким на момент создания дневниковых записей.

В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля лексема *правда* определяется как *истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость*; существительное *правдивость* – как *качество человека, или как принадлежность понятия, или рассказа, описания чего словами, полное согласие слова и дела, истина* [Толковый словарь живого великорусского языка]. В словаре приводится антоним – *ложь* [там же].

В Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова *правда* – это *то, что соответствует действительности, что есть на самом деле, истина; правдивость, правильность; идеал поведения* [Толковый словарь русского языка].

В Большом академическом словаре русского языка *правда* – это *то, что соответствует действительности; истина; то, что исполнено истины, правдиво; справедливость, порядок, основанный на справедливости*. Также даётся антоним лексемы *правда* – *ложь* [БАС].

В Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера у лексемы *правда* выделяются семы ‘положение’, ‘закон’, ‘суд’, ‘праведный’ [Этимологический словарь].

В Словаре языка Достоевского сема ‘правдивый’ входит в значение лексемы *искренний* – *выражающий подлинные мысли и чувства, лишенный притворства; откровенный, правдивый, нелицемерный, чистосердечный* [Словарь языка Достоевского 2001: Вып.2. 351-355].

В Словаре русской ментальности В.В. Колесова дана интерпретация концепта ‘правда’ – *основная категория славянской этики, идеально Божья правда – бытие, а не быт, – мечта, представленная всегда в законченном виде; цельное и целостное проявление идеала; дается благодатью и совершается любовью; основная форма выражения справедливости* [Колесов 2014: Т.2. 82]. Интерпретация концепта включает смыслы ‘добро’, ‘разум’, ‘дух’, ‘воля’, ‘нравственная сила’ [там же]. Также в данном словаре даётся интерпретация концептов ‘правдивость’ – *склонность к правде, желание говорить правду, выражая правдивые мысли и следуя им в жизни, как соответствующим действительности, по убеждению в истинности и правильности подобного*

*поведения* [там же: 85]; и ‘правдоискательство’ – *поиск правды как всеобщей справедливости – недостижимая, но от этого не менее желанная цель жизни русского человека* [там же: 85-86].

В контексте романа «Подросток» в аксиологеме *правда* актуализированы ядерные семы ‘действительность’, ‘истина’, ‘справедливость’, ‘идеал’, ‘любовь’, ‘качество’. Импликационал аксиологемы наполняется семами ‘благо’, ‘подлинность мыслей и чувств’, ‘чистосердечие’, ‘правдивость’, ‘правдоискательство’, ‘цель’.

Цитируя в воспоминаниях свои диалоги с людьми из своего окружения, Аркадий неоднократно обращает внимание на свое стремление к истине, просит раскрыть ему правду: *«Умоляю вас сказать мне всю правду»*; *«– Расскажите мне про моего отца, если можете, правду»*; *«выслушайте все и потом скажите всю правду»*; *«Мне надо правду»* [там же: 56, 108, 212, 214]. Необходимо отметить, что смысловой вектор ‘правда’ функционирует в восприятии субъектом взаимоотношений с людьми, в частности, с Версиловым и Катериной Николаевной. Возникают смысловые приращения к вектору ‘правда’ → ‘знание’ → ‘истина’. Отмечается высокая ценность искренности и правдивости в человеческих взаимоотношениях: *«Соображая теперь, понимаю, что на меня всего обаятельнее подействовало тогда его как бы смирение передо мной, его такая правдивая искренность передо мной, таким мальчиком!»* [там же: 405]. Называя себя мальчиком и восхищаясь искренностью, Аркадий представляет себя в роли наивного ребенка, воспринимающего всю, поступающую в его сознание, информацию за правду: *«как обыкновенно умеют у вас в высшем свете обращаться с правдой? Ведь я глуп и груб, я бы вам тотчас поверил, я бы всему поверил от вас, что бы вы ни сказали!»* [там же: 215]. В приведенной цитате к смысловому вектору ‘правда’ прирастает цепочка смысловых обертонов ‘социальное неравенство’ → ‘глупость’ → ‘грубость’ → ‘наивность’, которые раскрываются через восприятие Аркадия собственного отношения к ‘правде’. Аркадий отмечает свое низкое положение в обществе, спрашивая у Катерины Николаевны, которая занимает высокий социальный статус, о том, является ли для

таких людей, как она, *правда* ценностью, при этом характеризует самого себя определениями с пейоративной семантикой.

Но сам Аркадий признается в дневнике, что не всегда следует своему же принципу правдивости в отношениях: «*“Сказать ему настоящую правду или не сказать?” – и не сказал, несмотря на весь мой восторг*»; «*Послушайте, как вы думаете: поехать мне к ней сейчас, чтобы всю правду узнать, или нет?*» [там же: 232-233]. Предикативные конструкции со сказуемыми-оппозициями обуславливают появление смысловых приращений ‘сомнение’ → ‘раздвоение’, которые раскрываются категорией мотивационной модальности и отражают двойной мотив коммуникативного поведения субъекта. Вовлекаясь в интриги вокруг «документа», Аркадий теряет на время свой ценностно-смысловой ориентир до тех пор, пока не оказывается в критической ситуации и не вспоминает о том, что первоначально *правда* была главным мотивом приезда в Петербург: «*Наконец-то я застал Татьяну Павловну! Я разом изложил ей все – все о документе и все, до последней нитки, о том, что у нас теперь на квартире. <...> Говорил я один, говорил всю правду и не стыдился*» [там же: 453]. В данном контексте *правда* становится причиной, а *отсутствие стыда* – следствием, соответственно, раскрывается смысловая связь через эмотивную модальность ‘искренность’ → ‘невиновность’. Таким образом, для Аркадия смысловой вектор ‘правда’ является доминантной аксиологемой во взаимоотношениях с близкими людьми. И в своем дневнике он раскрывает процесс именно аксиологического восприятия и интерпретации правды.

«Святая аксиома» для Аркадия заключается в двух стихах из стихотворения А.С. Пушкина «Герой»: «*Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман*» [там же: 158] – прецедентная цитата, которая раскрывает в контексте философский конфликт между позитивистскими материалистическими взглядами и духовно-нравственными идеалами, которые для Ф.М. Достоевского были отражены в учении Христа. Этот маркер интертекстуальности отражает смысловые оппозиции ‘истина’ ↔ ‘ложь’, в также смысловой вектор ‘тьма’ вступает в оппозицию со смысловым приращением ‘возвышение’, что говорит о том, что

смысловая бинарность, возникающая в процессе метакогнитивной рефлексии, зависит от сознательного выбора человека. Соответственно, аксиологема *правда* – «нас возвышающий обман» – истина не материальная, а духовно-нравственная, представленная смыслом ‘истина’, дополняющим потенциосферу концептуального аттрактора ‘идея’. Проблема истины раскрывается в беседе с Макаром Ивановичем, для которого существует только единая истина – Бог, и человек, который следует ей по жизни, является «благообразным». Когда Аркадий начинает искать *благообразие* в других, он именно ищет ‘правдивость’ и ‘искренность’ по отношению к себе: «*Я все-таки верю в то, что бесконечно меня выше, и не теряю моего идеала!..*» [там же: 233]. Отсюда возникают имплицитные смысловые приращения, раскрывающиеся через имагинативную модальность: ‘тьма’ → ‘ложь’ ↔ ‘истина’ → ‘возвышение’ → ‘Бог’ → ‘идеал’ → ‘благообразие’.

Но *благообразие* не становится настоящим ценностным ориентиром, в отличие от аксиологемы *любовь*, которую субъект осознает только в результате всех событий, о которых рассуждает в дневниковой исповеди.

В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля дается определение глаголу *любить* – *любливать кого, что, чувствовать любовь, сильную к кому привязанность, начиная от склонности до страсти; сильное желанье, хотенье; избранье и предпочтенье кого или чего по воле, волею (не рассудком), иногда и вовсе безотчетно и безрассудно*. Из приведенного значения можно выделить ядерные семы существительного *любовь* – ‘чувство’, ‘привязанность’, ‘склонность’, ‘страсть’, ‘предпочтение’. Эти же семы сохраняются в контексте романа «Подросток» [Толковый словарь живого великорусского языка].

В Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова многозначная лексема *любовь* определяется как *чувство привязанности, склонность, расположение или влечение к чему-нибудь; общность интересов, идеалов, готовность отдать свои силы общему делу; взаимное расположение, симпатия, близость; инстинкт; половое влечение* [Толковый словарь русского языка].

В Большом академическом словаре русского языка лексеме *любовь* даются следующие дефиниции: 1) *чувство глубокой эмоциональной привязанности,*

*преданности, кому-, чему-либо, основанное на врожденном внутреннем чувстве, инстинктивной потребности <...> на взаимопонимании, благодарности, уважении и т. п.; 2) чувство горячей сердечной склонности; чувственное, страстное, плотское влечение к кому-либо; 3) внутреннее стремление, склонность, тяготение к чему-либо; пристрастие к чему-либо, предпочтение чего-либо, дающее удовлетворение, радость, удовольствие [БАС].*

В Историко-этимологическом словаре современного русского языка П.Я. Черных глагол *любить* определяется как *переживать влечение, сильное тяготение, привязанность; иметь склонность, пристрастие*; также выделяются семы ‘благоволить’, ‘симпатизировать’, ‘нравиться’, ‘восхвалять’, ‘прославлять’; ‘влечение’, ‘страстное желание’, ‘прихоть’, ‘страстное желание’ [Черных 1999: 497].

В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка Ю.Д. Апресяна существительное *любовь* вступает в синонимические ряды с лексемами 1) *обожание, страсть, мания*; 2) *пристрастие, привязанность, склонность, вкус* [Новый объяснительный словарь синонимов 2003: 522-525].

В Словаре русской ментальности В.В. Колесова концепт ‘любовь’ интерпретируется как *межличностное духовное отношение как проявление личного чувства и душевного согласия между людьми, как социальный долг человека и нравственное требование совести, и как благодать, ниспосланная человеку свыше – в образе страстной жажды, окрыленной надеждой* [Колесов 2014: Т.1. 421]. Также в качестве основного содержания любви приводится следующее значение: *преодоление границ собственного «я», победа над естественным эгоизмом, бескорыстное стремление принести благо ближнему; величайшая жертва (отказ от личных интересов и страстей) оборачивается наивысшим блаженством* [там же].

В контексте романа «Подросток» актуализируются ядерные семы в лексико-семантических вариантах лексемы *любовь* – ‘любовь’, ‘чувство’, ‘страсть’, ‘избрание’, ‘предпочтение’, ‘страсть’, ‘благоволить’, ‘симпатизировать’, ‘нравиться’, ‘обожание’, ‘привязанность’, ‘склонность’, ‘вкус’, ‘социальный долг’,

‘надежда’, ‘преодоление границ собственного «я»’, ‘благо’, ‘величайшая жертва’. Но в аксиологеме любовь сохраняются лишь семы ‘любовь’, ‘чувство’, ‘социальный долг’, ‘надежда’, ‘преодоление границ собственного «я»’, ‘благо’, ‘величайшая жертва’.

Для начала необходимо выявить, как раскрывается через категорию эмоциональной модальности чувство «любовь». Через предикативные конструкции дается описание чувств к близким: к отцу (Версикову) – *«ненавидел или любил я его», «я влюбился в него», «я даже, может быть, вовсе и не любил его!»*, *«О, если б я не любил его, я бы не обрадовался так его ненависти!»*, *«не пошел бы к нему первый, и не по строптивости, а именно по любви к нему, по какой-то ревности любви», «никогда столько не любил его, как теперь»* [Достоевский 2021: 16, 64, 145, 171, 468]; к матери – *«Скажи маме, что я люблю ее», «я тебя и тогда любил, и что сердце мое ныло тогда»; «на нее раздражался», «Но маму я всегда любил, и тогда любил, и вовсе не ненавидел, а было то, что всегда бывает: кого больше любишь, того первого и оскорбляешь», [там же: 137, 285, 294]; к Лизе – «Я тебя ужасно люблю, Лиза», «Я на тебя смотрю и люблю тебя», «никогда мы оба не любили друг друга сильнее», «О, мне было жаль Лизу, и в сердце моем была самая нелицемерная боль!»* [там же: 167-168, 306, 354]; к Татьяне Павловне – *«Татьяна Павловна, искренний и любимый друг мой»* [там же: 473]. В отношениях к каждому из членов семьи отмечаются индивидуальные смысловые приращения в аксиологеме любовь: к отцу – ‘ненависть’ ↔ ‘любовь’, ‘зависимость’, ‘сомнение’, ‘радость’, ‘ревность’; к матери – ‘любовь’, ‘ненависть’, ‘постоянство’, ‘раздражение’, ‘тоска’; к Лизе – ‘любовь’, ‘прямолинейность’, ‘искренность’, ‘жалость’, ‘боль’, ‘взаимность’; к Татьяне Павловне – ‘любовь’, ‘искренность’, ‘дружба’. Необходимо отметить, что субъект во взаимоотношениях со всеми членами семьи стремится к любви, несмотря на идею «порвать со всеми», он старается наладить отношения даже с отцом, побеждает свою обиду. Стоит отметить замечание Аркадия, высказанное маме, о «безнравственности» родственной любви: *«Любовь надо заслужить»* [там же: 221]. Этот вывод героя и представляет любовь как аксиологическую категорию в его картине мира: с детства

он пытался заслужить любовь, потому что не видел ее проявления к себе со стороны родителей, именно поэтому она стала для него ценностью, которая не дается просто так.

Совершенно иначе раскрываются взаимоотношения между мужчиной и женщиной в восприятии (через перцептивную модальность) Аркадия: *«полюбить на всю жизнь – это слишком»*; *«приехав ненавидеть, я даже чувствовал, что начинаю любить ее»* (о Катерине Николаевне), *«Мне кажется, жертву любят; по крайней мере можно любить»*; *«Любить, страстно любить, со всем великодушием, какое в мужчине и какого никогда не может быть в женщине, но и деспотировать – это хорошо»*; *«Потому что такая насильственная, дикая любовь действует как припадок, как мертвая петля, как болезнь, и – чуть достиг удовлетворения – тотчас же упадет пелена и является противоположное чувство: отвращение и ненависть, желание истребить, раздавить»*; *«И что ж, что я ее люблю, продолжал я вдохновенно и сверкая глазами, – я не стыжусь этого: мама – ангел небесный, а она – царица земная!»* (о Катерине Николаевне) [там же: 454]. Восприятие любви к женщине отражается имплицитными смысловыми приращениями: ‘привязанность’ → ‘страсть’ → ‘подавление’ → ‘ненависть’ → ‘уничтожение’. Но в процессе рефлексии над собственными поступками, чувствами и мыслями, лексема *любовь* воплощает смысловой вектор ‘любовь’, и через перцептивную модальность раскрываются смысловые приращения ‘вдохновение’ → ‘невиновность’ (‘отсутствие стыда’) → ‘святость’ → ‘восхищение’ – чувства к женщине обретают смысл ‘восхищение’ и сравниваются с чувством к матери, которое актуализирует смысл ‘святость’.

Аксиологема *любовь* также раскрывается в контексте через эмотивную и имагинативную модальности имплицитными смысловыми приращениями ‘любовь’ → ‘боль’ → ‘интерес’ → ‘страх’ → ‘ненависть’ → ‘раздвоение’: *«Но меня влекло безмерное любопытство, и какой-то страх, и еще какое-то чувство – не знаю какое; но знаю и знал уже и тогда, что оно было недоброе. Может быть, я стремился пасть к ее ногам, а может быть, хотел бы предать ее на все муки и что-то «поскорей, поскорей» доказать ей»* [Достоевский 2021: 354]. В

приведенном контексте ‘раздвоение’ функционирует в значении *преодоления границ собственного «я» и победы над естественным эгоизмом*, что отражается в рассуждениях субъекта о «душе паука», сопровождаемых спектром противоречивых эмоций, влияющих на его поведение.

И третий вид любви – *любовь ко всему живому – абсолютная любовь*, которой наделяется Христос в картине мира Ф.М. Достоевского. Именно это смысловое воплощение аксиологемы *любовь* раскрывается мотивационной модальностью – возникают имплицитные смысловые приращения ‘абсолютная любовь’ → ‘смирение’ → ‘гуманность’ → ‘бессмертие’. Такую форму любви Аркадий начинает понимать только после встречи с Макаром Ивановичем Долгоруким.

Изначально субъект не видит смысла любить человечество: *«Да зачем я непременно должен любить моего ближнего или ваше там будущее человечество, которое я никогда не увижу, которое обо мне знать не будет и которое в свою очередь истлеет без всякого следа и воспоминания»*; *«– не думайте, что с моей, потому что я, может быть, в тысячу раз больше люблю человечество, чем вы все, вместе взятые!»*; *«...А что ж, может, и лучше, что оскорбляют люди: по крайней мере избавляют от несчастья любить их»* [там же: 61]. Но с течением эмотивного времени восприятие отношения к окружающим меняется. В приведенных цитатах транслируется отношение Аркадия к обществу, которым он был отвергнут с самого детства из-за социального статуса. Любовь к людям раскрывается в данном случае имплицитными смысловыми приращениями ‘выгода’ → ‘обида’ → ‘несчастье’. До тех пор, пока герой не перестает воспринимать человечество через призму собственной обиды, эти взаимоотношения сохраняются.

Беседа с Макаром Ивановичем раскрывает Аркадию проявление любви ко всему живому – *любви вечной*, которая возможна даже после смерти. Смысловой признак ‘гуманность’ отмечается в оценке отношения Версилова к человечеству: *«Любовь его к человечеству я признаю за самое искреннее и глубокое чувство»* [там же: 399]. Приведенный контекст также раскрывает связь смыслового вектора ‘любовь’ с актуализированной в аксиологеме *правда* семей ‘искренность’.

Переосмысление отношения к людям приходит к субъекту в тот момент, когда он оказался под арестом: «*Я перекрестился с любовью, лег на нары и заснул ясным, детским сном*» [там же: 459]. В данном контексте прослеживается прецедентный текст как маркер интертекстуальности, отсылающий к Евангелию от Матфея – «*любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас*» (Мф. 5: 44) – в словах Христа идея любви выходит за рамки взаимообусловленных отношений, подразумевает абсолютное принятие, смирение и прощение. Также можно увидеть связь с высказыванием Христа – «*Истинно говорю вам: если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное*» (Мф. 18: 3) – Аркадий обретает чистоту восприятия только после того, как отказывается от мести, от искушения, и понимает, что такое настоящая любовь и обретает истинную свободу, как внутри, так и снаружи. Этот прецедентный текст раскрывает мировоззренческую позицию Ф.М. Достоевского: у вектора ‘любовь’ возникают имплицитные смысловые приращения ‘прощение’ → ‘смирение’ → ‘свобода’. Таким образом, настоящая ‘свобода’, которая была важным аксиологическим смыслом в концептуальном аттракторе ‘идея’, оказалась достижима вовсе не через ‘могущество’ и ‘уединение’ – вся «сила» оказалась в ‘абсолютной любви’ ко всему живому.

Аксиологема *любовь* тесно связана с псевдоаксиологемой (не настоящим, кажущимся ценностным ориентиром) *благообразие*, которая появляется в картине мира субъекта временно после беседы с Макаром Ивановичем Долгоруким. В Словаре языка Достоевского лексема *благообразие* определяется как *приятная внешность, благопристойный вид; порядок, приличие*. Как отмечается в Словаре, значение *нравственное совершенство* встречается только в романе «Подросток», а также в качестве комментария приводятся антонимы *порядок – беспорядок* [Словарь языка Достоевского 2001: Вып. 2, 39].

Смысловый вектор ‘благообразие’ раскрывается в романе смысловыми приращениями ‘искренность’ → ‘веселость’ → ‘смирение’ → ‘всепрощение’ → ‘абсолютная любовь’, функционирующими в качестве описания «нравственного

совершенства» Макара Ивановича Долгорукого: *«Прежде всего привлекало в нем, как я уже и заметил выше, его чрезвычайное чистосердечие и отсутствие малейшего самолюбия; предчувствовалось почти безгрешное сердце. Было “веселие” сердца, а потому и “благообразие”»* [Достоевский 2021: 322]. *Благообразие* в восприятии субъекта должно быть в других – приведенными смысловыми векторами должно раскрываться отношение к нему, но не его отношение к людям: *«с этой минуты я ищу “благообразия”, а у них его нет, и за то я оставляю их»* [там же: 304]. Аркадий «мучается» этим словом потому, что не может понять его истинного смыслового потенциала: *«пусть читатель помнит душу паука. И это у того, который хотел уйти от них и от всего света во имя “благообразия!»; «при всех восторгах и при всех клятвах и обещаниях возродиться к лучшему и искать благообразия, я мог тогда так легко упасть и в такую грязь!»* [там же: 378]. В приведенном контексте к псевдоаксиологеме *благообразие* добавляется смысловое приращение ‘раздвоение’: ‘благо’ не явлено, есть лишь его воспринятый ‘образ’. *Душа паука и падение в грязь* – это следствия требования *благообразного* отношения к себе, обращение к чужой совести, а не к своей: *«Я достаточно вскакивал в совесть других и в конце концов вынес одни щелчки и насмешки»* [там же: 225]. В приведенном контексте раскрывается смысловая цепочка ‘*благообразие*’ → ‘*совесть*’.

Необходимо отметить интерпретацию «поиска благообразия» Николаем Семеновичем, которому Аркадий отправляет свой дневник для прочтения: *«Но это желание беспорядка – и даже чаще всего – происходит, может быть, от затаенной жажды порядка и “благообразия” (употребляю ваше слово)?»* [там же: 474]. В приведенном контексте псевдоаксиологема *благообразие* раскрывается смысловой оппозицией ‘хаос’ ↔ ‘порядок’. Последствия беспорядка в поведении и мыслях приводят к определенному соответствующему опыту, с которым столкнулся субъект – попал под арест. И только, когда он смог осознать, что утолить жажду порядка он сможет, только работая над собственной *совестью* – над отношением к действительности, над собственными мыслями, тогда смогли разрешиться последствия, причиной которых был он сам.

В таблице № 4 представлены языковой и дискурсивный стадии смысловой реализации аксиологем *тайна, правда, уединение, любовь*. На языковой стадии представлены вербализаторы аксиологической семантики и ядерные семы значений, актуализированные в контексте употребления данных аксиологем. На дискурсивной стадии представлены цепочки смысловых приращений, относящиеся к конкретной дискурсивной категории модальности, отражающие эмоционально-поведенческий уровень ДЛ.

Таблица № 4. Языковая и дискурсивная стадии смысловой реализации аксиологем *тайна, правда, уединение, любовь* (эмоционально-поведенческий уровень ДЛ)

Языковая стадия смысловой реализации		Дискурсивная стадия смысловой реализации			
Аксиологемы	Семы	Смысловые приращения эмотивности	Смысловые приращения перцепции	Смысловые приращения мотивации	Смысловые приращения имажинации
<i>тайна</i>	‘тайна’ ‘скрытность’ ‘хранение’ ‘молчание’ ‘загадочность’	‘обида’ ‘мечь’ ‘ненависть’ ‘любовь’ ‘страх’	‘деньги’ ‘отец’ ‘правда’ ‘осуждение’ ‘силы’ ‘признание’ ‘отвержение’ ‘тайна’ ‘скрытое’ ‘непознанное’ ‘прекрасное’ ‘Божия’	‘общество’ ‘идея’ ‘позор’ ‘утешение’ ‘общество’ ‘позор’ ‘идея’ ‘утешение’ ‘упорство’ ‘непрерывность’ ‘восхищение’	‘тайна’ ‘власть’ ‘могущество’ ‘сознание’ ‘душа’ ‘раздвоение’ ‘идеал’ ‘подлость’ ‘свет’ ‘тьма’
<i>уединение</i>	‘уединение’ ‘уединение’ ‘удаление’ ‘состояние’ ‘место’ ‘одиночество’ ‘пустыня’ ‘единение’ ‘тайна’ ‘спокойствие’ ‘счастье’	‘утешение’ ‘вина’ ‘невиновность’ ‘счастье’ ‘спокойствие’ ‘гордость’	‘жизнь’ ‘общество’	‘спокойствие’ ‘сознание’ ‘свобода’ ‘раздвоение’ ‘единение’	‘свобода’ ‘могущество’ ‘уединение’ ‘могущество’ ‘уединение’ ‘спокойствие’ ‘сознание’ ‘свобода’
<i>правда</i>	‘правда’ ‘действительность’ ‘истина’ ‘справедливость’ ‘идеал’ ‘любовь’ ‘качество’ ‘благо’ ‘подлинность мыслей и чувств’ ‘чистосердечие’ ‘правдивость’ ‘правдоискательство’ ‘цель’	‘искренность’ ‘невиновность’	‘социальное неравенство’ ‘глупость’ ‘грубость’ ‘наивность’	‘сомнение’	‘тьма’ ‘ложь’ ‘истина’ ‘возвышение’ ‘Бог’ ‘идеал’ ‘благообразие’
<i>любовь</i>	‘любовь’ ‘чувство’ ‘социальный долг’ ‘надежда’	<i>к отцу</i> – ‘ненависть’ ‘любовь’, ‘зависимость’, ‘сомнение’,	‘привязанность’ ‘страсть’ ‘подавление’ ‘ненависть’ ‘уничтожение’	‘абсолютная любовь’ ‘смирение’ ‘гуманность’ ‘бессмертие’	‘раздвоение’ ‘идея’

	'преодоление границ собственного «я»' 'благо' 'величайшая жертва'	'радость', 'ревность'; к матери – 'любовь', 'ненависть', 'постоянство', 'раздражение', 'тоска'; к Лизе – 'любовь', 'прямолинейность', 'искренность', 'жалость', 'боль', 'взаимность'; к Татьяне Павловне – 'любовь', 'искренность', 'дружба'; 'страх', 'интерес'	'вдохновение' 'невиновность' ('отсутствие стыда') 'святость' 'восхищение'		
--	--	--	--	--	--

Подводя итог данному разделу, необходимо сделать вывод о том, что аксиологемы *тайна*, *правда*, *уединение*, *любовь* и псевдоаксиологема *благообразие* представляют собой вербализацию ценностно-смысловой категории потенциосферы концептуального аттрактора 'идея'. В смысловых приращениях к вектору аксиологемы *тайна* обнаружена смысловая диффузия, наблюдаемая в течение эмотивного времени исповедального дискурса, которая отражает трансформацию смысловых приращений к аттрактору. В аксиологеме *уединение* проявляется ядерная сема 'единение', которая раскрывает цель возникновения данного ценностно-смыслового ориентира.

В аксиологеме *правда* актуализируется смысл ценного человеческого качества – 'искренность'. А аксиологема *любовь* становится ценностным ориентиром только тогда, когда в ней актуализируется смысл 'абсолютная любовь'.

Необходимо отметить общие семы, актуализированные в контексте употребления аксиологем, например, 'благо' в аксиологемах *правда* и *любовь*. Также отмечается транстемпоральность некоторых аксиологем, которая заключается в сохранении аксиологической значимости ценностно-смысловых ориентиров, представленных в исповедальном дискурсе. Так, аксиологемы *уединение* и *правда* сохранили статус ценностной категории в процессе трансформации смыслового пространства концептуального аттрактора.

### 3.1.3. Когнитивно-семантический анализ символов *угол, мрак, смех, свет*

Целью данного раздела является анализ символов, представленных в языковой картине мира ДЛ романа «Подросток». Согласно теории Р. Барта, символы – это вторичная семиотическая система, которая строится на основе уже существующей последовательности знаков и создает новые смыслы за счет деформации отношения между элементами первичной системы [Орехов 2024].

Символы представлены лексемами, импликациональные семы которых раскрывают смысловые образные представления через категорию имагинативной модальности. Выявляемые смысловые приращения в символах стремятся в потенциосферу концептуального аттрактора ‘идея’.

В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля лексема *угол* определяется как: 1) *перелом, излом, колено, локоть, выступ или залом (впадина) об одной грани; 2) угол, при отдаче внаймы, часть покоя; 3) угол, уголок, притон, приют, кров, пристанище; 4) угол, в банков. игре, четверть ставки; 5) в прикладной математике, угол, как мера дуги, мера высоты или расстояний* [Толковый словарь живого великорусского языка].

В Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова лексема *угол* определяется как *часть плоскости между двумя прямыми линиями, исходящими из одной точки; место, где сходятся две внешние стороны предмета, где сходятся две внутренние стороны предмета; такая фигура как мера; угловая часть чего-либо; часть комнаты, сдаваемая в наем; место, помещение; местность, обычно отдаленная* [Толковый словарь русского языка].

В Малом академическом словаре русского языка *угол* в дополнение к предыдущим значениям появляются следующие: *степень отклонения друг от друга двух линий, исходящих из одной точки как мера для измерения чего-либо; место пересечения двух улиц; часть помещения, пространство между двумя сходящимися стенами; часть дома, квартиры, комнаты, предназначенная для кого-либо, принадлежащая кому-либо; какая-либо часть, район, место в городе, стране и т. п.; кредитный билет или сумма в 25 рублей* [МАС].

В Историко-этимологическом словаре современного русского языка П.Я. Черных в значении лексемы *угол*, помимо приведенных в предыдущих словарях определений, встречаются также семы: ‘сгибать’ и ‘колени’ [Черных 1999: 281].

В Словаре русской ментальности В.В. Колесова концепт ‘угол’ интерпретируется как *место, где сходятся внутренние или внешние стороны предметов, закрывающие перспективу (под углом) и возможность свободного движения (загнать в угол, прижать в угол); глухая, отдаленная, дикая местность (из-за угла) и вместе с тем собственное жилье (свой угол) и выделенное для важного дела место (красный угол)* [Колесов 2014: Т.2. 414].

В контексте романа «Подросток» в символе *угол* актуализируются семы ‘комната’, ‘место’, ‘отдаленность’, ‘пространство’, ‘важное дело’. Причем сема ‘комната’ образует взаимосвязь символа с прецедентным феноменом *гроб*. Комната-гроб Аркадия Долгорукого в контексте романа меняется на съемную комнату-угол, в которую он переезжает от родителей. В Словаре языка Достоевского лексема *гроб* имеет 2 определения – 1) специальный ящик, в котором хоронят умершего; 2) кончина, смерть [Словарь языка Достоевского 2001: Вып.1. 111]. В Словаре русской ментальности В.В. Колесова концепт ‘гроб’ интерпретируется как обиталище (деревянная комната) тела после смерти <...> символ разрушения и распада при отсутствии живого духа [Колесов 2014: Т.1. 180]. В исповедальном дискурсе Ф.М. Достоевского смысловые пространства символа *угол* и символа *гроб* взаимодействуют через общие смысловые приращения ‘смерть’ и ‘возрождение’.

Символ *угол* изначально возникает как образ «идеи» Аркадия Долгорукого: «Моя идея – угол» [Достоевский 2021: 47]. В контексте в символе актуализируются смысловые векторы ‘идея’ и ‘уединение’. Образ *угла* возникает в сознании субъекта в контексте собственной эмоционально-поведенческой характеристики: «ни с кем почти не был товарищем, я сделал себе угол и жил в углу; «Все это от невыдержки и оттого, что вырос в углу»; «для жителя моего мне нужен был угол, угол буквально, единственно чтобы выспаться ночью или укрыться уже в слишком

*ненастный день*»; «*Я обыкновенно входил молча и угрюмо, смотря куда-нибудь в угол, а иногда входя не здоровался*» [там же: 42, 25, 70, 84]. Приведенный контекст раскрывает в символе *угол* следующие смысловые приращения ‘одиночество’ → ‘нетерпение’ → ‘жизнь’ → ‘сон’ → ‘укрытие’ → ‘ненастье’ → ‘тьма’ (от *угрюмый* – *суровый, неприветливый, мрачный* [Толковый словарь русского языка]).

*Угол* символизирует отчужденность Аркадия от общества и от семьи – это то место, которое возникает в его мыслях спонтанно, в ассоциациях с его личной безопасностью, тем убежищем, в котором он может почувствовать «спокойствие» и «сознание силы». При анализе контекста, вербализующего концептуальный аттрактор ‘идея’, были выявлены квазисинонимы символа *угол* – *скорлупа, крепость, пустыня*: «*удаляешься тем самым от всего мира в пустыню, и все, что случается, проходит лишь вскользь, мимо главного*» [Достоевский 2021: 81]. Импликационалы этих квазисинонимов обуславливают смысловые приращения ‘угол’ → ‘уединение’ → ‘тьма’ → ‘защита’ → ‘пустота’ → ‘удаление’, которые раскрываются через имагинативную модальность в исповедальном дискурсе. Эти единицы являются образным осмыслением вектора ‘угол’. Необходимо отметить общее смысловое приращение у символов *угол* и *мрак* – ‘тьма’.

Когда герой попадает в «водоворот» событий, он «машинально» ищет свой *угол уединения*: «*я сел молча в угол, как можно более в угол, и просидел, не смигнув и не пошевелившись, до конца объяснения...*»; «*пополз в угол ворот и там присел, съезжившись и скорчившись, в углублении между воротами и выступом стены*» [там же: 271, 281]. Приведенный контекст употребления лексемы *угол* раскрывает смысловые приращения ‘невидимость’ и ‘скрытность’ (одна из ядерных сем *тайны*). Субъект сравнивает свое поведение с поведением какого-то маленького пугливого животного, что передается глагольными формами *пополз, съезжившись, скорчившись*. При этом возникает обертон смысла ‘ничтожность’: «*стоит в углу и злится, потому что “маленький”*»; «*тогда как я буду стоять в углу, стыдясь самого себя?*» [там же: 204, 441]. Лексема *стыд* определяется как *чувство смущения, раскаяния от сознания предосудительности поступка* [Толковый словарь русского языка]. В приведенном контексте эмотивная модальность

символа *угол* раскрывается смысловой цепочкой ‘злость’ → ‘наказание’ → ‘вина’ (в слове *стыдась*). Эта эмоция характеризуется обострением самосознания, направлена на восприятие собственного «Я», как нарушившего определенную норму [Изард 2009: 329]. *Стыд* Аркадия – это реакция на прошедшие конфликтные коммуникативные ситуации, которые, согласно исследованию М.Ф. Шацкой, всегда связаны «с недооценкой/переоценкой собственного речевого поведения, практических возможностей и/или лингвокультурной базы собеседника, различиями в системе ценностей людей, включая случаи намеренного частичного искажения общечеловеческой аксиологической картины мира» [Шацкая 2023: 103].

Когнитивная составляющая стыда раскрывает размышления о гипотетической возможности оказаться оцененным и разоблаченным или о возможном мщении за свою пристыженность [Изард 2009: 343]. С. Томкинс характеризует эмоцию *стыд* как наивысшую рефлекссию, стирание грани между субъектом и объектом стыда, когда личность погружается в самосознание и самопостижение [там же: 345].

Лексема *угол* также символизирует процесс осмысления собственных «Я»-позиций – метакогнитивную рефлекссию: «*Я забрел в самый темный угол, сел на диван и, положив локти на стол, подпер обеими руками голову*»; «*Вот эссенция моих вопросов или, лучше сказать, биений сердца моего, в те полтора часа, которые я просидел тогда в углу на кровати, локтями в колена, а ладонями подпирая голову*»; «*отойдя в угол и взявшись за голову руками, так простоял с минуту*» [там же: 443]. В приведенном контексте в смысловом пространстве символа *угол* возникают смысловые приращения ‘тьма’ → ‘размышление’ – именно в *темном углу* субъект берет свою *голову в руки* – начинает работу метакогнитивную, направленную на познание самого себя, работу со своими мыслями и чувствами.

Семантика символа *угол* также отражает трансформацию потенциосферы концептуального аттрактора: «*вдруг в углу увидел яркое, светлое пятно заходящего солнца, то самое пятно, которое я с таким проклятием ожидал давеча, и вот*

*помню, вся душа моя как бы выиграла и как бы новый свет проник в мое сердце»* [там же: 304]. В приведенном контексте раскрывается смысловая взаимосвязь символа *угол* и символа *свет*, можно выделить смысловые оппозиции, которые характеризуют смысловую сферу сознания (ментальное пространство субъекта) до беседы с Макаром Ивановичем Долгоруким – ‘тьма’ → ‘размышление’ → ‘ожидание света’ → ‘злость’ и после вдохновения духовно-нравственными идеями названного отца – ‘душа’ → ‘свет’. В данных приращениях выделяется оппозиция ‘тьма’ ↔ ‘свет’ отражающая динамику рефлексивной деятельности субъекта.

Символ *мрак* также является одним из вербализаторов вторичной смысловой системы концептуального аттрактора ‘идея’.

В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля лексема *мрак* определяется как *тьма, темнота, тьма, темень, потемки, отсутствие света; пасмурность, морок (морочка)*; а прилагательное *мрачный* в значении *темный, несветлый: угрюмый, задумчивый, невеселый* [Толковый словарь живого великорусского языка].

В Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова лексема *мрак* имеет следующее определение: *отсутствие света; тьма, темень; что-то тоскливое, мрачное; состояние некультурности, необразованности* [Толковый словарь русского языка].

В Большом академическом словаре русского языка *мрак* определяется как *1) полное отсутствие света, тьма, темнота; 2) безотрадность, безысходность; мрак невежества, мрак неизвестности* [БАС].

В Историко-этимологическом словаре современного русского языка П.Я. Черных к приведенным выше значениям добавляются семы: ‘туча’, ‘облако’, ‘пасмурность’, ‘хмуриться’, ‘меркнуть’, ‘мерцать’, ‘жмурить глаза’, ‘утро’ [Черных 1999: 546-547].

В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка Ю.Д. Апресяна лексема *мрак* вступает в синонимический ряд с лексемами *темнота, тьма, потемки, темень* [Новый объяснительный словарь синонимов 2003: 1150].

В Словаре русской ментальности В.В. Колесова концепт 'мрак' интерпретируется как *безнадежная потеря света (помрачение) как результат его затмения пеленой, при которой меркнет мир (мгла, обморок)* [Колесов 2014: Т.1. 462]. Также в Словаре приводится цитата Достоевского: «Русские люди долго и серьезно ненавидеть не умеют, и не только людей, но даже пороки, мрак невежества, деспотизм, обскурантизм, ну и все эти прочие ретроградные вещи» [там же].

В контексте романа «Подросток» актуализируются ядерные семы лексемы *мрак*: 'тьма', 'состояние', 'отсутствие света', 'угрюмый', 'невеселый', 'невежество', 'неизвестность'. Также импликациональные семы 'безнадежность', 'слепота', 'ненависть', 'порочность', 'деспотизм'.

*Мрак*, как и *угол* символизирует отношение субъекта к обществу в ключевых конкретных коммуникативных ситуациях: «Я знал, что мне надо держать себя в людях мрачнее»; «Да, я сумрачен, я непрерывно закрываюсь»; «Моя идея – мрак и уединение» [Достоевский 2021: 73, 274-276]. В приведенном контексте раскрываются смысловые приращения, отражающие это отношение: 'поведение' → 'общество' → 'отчуждение' → 'идея' → 'тьма'. Три качества молодого поколения можно интерпретировать как отсутствие положительной эмоциональной реакции на коммуникацию в целом, поэтому возникает смысловое приращение 'отчуждение'.

«Мрачность» героя отражает его стремление скрыть свою «идею» ото всех. Смысловое приращение 'тьма' возникает в контексте употребления аксиологемы *тайна*.

Ядерная сема лексемы *мрак* – 'тьма' также возникает при описании восприятия отца и князя Сергея Петровича: об отце – «*мрак, окружавший в моих глазах Версилова*», «*А двойник, двойник! – воскликнул я. – Да ведь он с ума сошел!*»; о князе – «*смотрел на мой револьвер и подумывал о смерти. Я смотрю на каждое дело мрачно*», «*Лицо его выражало глубочайшую, мрачную, безысходную горесть*» [там же: 23, 432, 256, 258]. Данный контекст раскрывает две группы смысловых приращений к вектору 'тьма': 1) 'раздвоение' → 'сумасшествие'; 2) → 'взгляд' →

‘горе’ → ‘душа’ → ‘смерть’. Таким образом, лексема *мрак* символизирует духовно-нравственную деградацию: 1) Версилов разбивает наследство Макара Ивановича Долгорукого, доставшееся матери Аркадия после смерти старика – икону, на которой изображены два образа святых; 2) Сергей Петрович вместо того, чтобы стать отцом ребенка сестры Аркадия Лизы, заканчивает жизнь самоубийством.

Смысловая трансформация в потенциосфере концептуального аттрактора ‘идея’ вызвана появлением оппозиции ‘тьма’ ↔ ‘свет’: «*То-то и есть, что тогда сияло совсем другое, и я так много пропускал мимо глаз легкомысленно: спешил пропускать, гнал все мрачное и обращался к сияющему...*»; «*Моя идея – это мрак и уединение, а разве теперь уж возможно уползти назад в прежний мрак?*» [там же: 195, 275]. Функционирование смыслового вектора ‘свет’ провоцирует новые эмотивные смысловые приращения *мрак* – ‘вина’ → ‘отвращение’ → ‘грусть’: «*еще больше мраку оказывалось в том, как мне теперь поступить с письмом о наследстве*»; «*никогда не казалось мне все это так омерзительно, так мрачно, так грубо и грустно, как в этот раз!*» [там же: 103, 276]. Сема ‘тьма’ не является константной в потенциосфере концептуального аттрактора ‘идея’. Символ *мрак* отражает душу «паука» – метафору «подлости» по отношению близким и к себе самому – причину ‘раздвоения’. В течение эмотивного времени в исповедальном дискурсе происходит замена смыслового вектора ‘тьма’ на ‘свет’.

Символ *свет* вступает в оппозицию с символом *мрак*.

В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля лексема свет определяется как *состояние, противное тьме, темноте, мраку, потемкам, что дает способ видеть; сотрясение малейших частиц вещества; особое, тончайшее вещество, разливаемое всюду солнцем и огнем* [Толковый словарь живого великорусского языка].

В Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова даются следующие дефиниции первого омонима *свет*: *лучистая энергия, делающая окружающий мир доступным зрению, видимым; освещение, исходящее из какого-нибудь источника и воспринимаемое зрением; место, откуда исходит освещение; направление светового луча; освещенное место, пространство, там, где светло;*

*светлое место, светлое пятно в картине, блик, в отличие от тени* [Толковый словарь русского языка].

В Большом академическом словаре русского языка свет определяется следующими дефинициями: *1. электромагнитное излучение, воспринимаемое глазами и делающее окружающий мир видимым; место, откуда исходит освещение, освещенное место, пространство, где светло; <...> сияние, блеск глаз, внутренняя озаренность глаз, лица под влиянием какого-либо чувства; употребляется как символ истины, разума, просвещения или радости, счастья; 2. Земной шар вместе со всем, существующим на нем, мир, вселенная; общественная среда, общество; ограниченный круг лиц, принадлежащих к привилегированным классам <...>* [БАС].

В Историко-этимологическом словаре современного русского языка П.Я. Черных приведенные выше значения дополняются семами: ‘противоположность тьме’, ‘рассвет’, ‘утро’, ‘свет духовный’, ‘мировой’, ‘всесветлый’, ‘луч’, ‘покой’, ‘тишина’ [Черных 1999: 145].

В Словаре языка Достоевского дается определение лексеме *луч* как *1) узкой полосе света, исходящей из какого-либо источника света или от светящегося предмета и 2) как яркое благотворное проявление позитивного начала* [Словарь языка Достоевского 2001: 214-216]. Также в Словаре приводятся смысловые единицы из контекстов произведений писателя: ‘атмосфера’, ‘весело’, ‘взгляд’, ‘душа’, ‘надежда’ и др. [там же].

В Словаре русской ментальности В.В. Колесова концепт ‘свет’ интерпретируется как дар свыше, раскрывающийся в особом состоянии духа и способности тела, который делает возможным зрение и тем открывает человеку Бога, мир и других людей [Колесов 2014: Т.2. 214-215]. Также в словаре приводится противоположный концепт – тьма [там же]. Свет осмысливается как «божественный свет», «правда», «идея», которая «существует в речи в оформленном виде»; отмечается, что «познание тьмы есть уже просветление» [там же].

В контексте романа «Подросток» в символе *свет* проявляются ядерные семы ‘свет’, ‘взгляд’, ‘луч’, ‘состояние’, ‘озаренность’, ‘радость’, ‘счастье’, ‘веселость’, ‘душа’, ‘надежда’, ‘божественный свет’, ‘правда’, ‘идея’, ‘просветление’.

Смысловый вектор ‘свет’ возникает в контексте описания положительной реакции восприятия субъектом отношения к себе коммуникативного партнера: 1) о маме – *«и глаза, довольно большие и открытые, сияли всегда тихим и спокойным светом, который меня привлек к ней с самого первого дня»*; 2) о Катерине Николаевне – *«поглядеть на нее значило облиться светом, радостью, счастьем, а я не хотел быть счастливым»*, *«и если вы захотите дать свет моей душе, то воротитесь, сядьте и выслушайте только два слова»*, *«стояла предо мной как тогда, в то свидание, с светлым лицом, с светлым взглядом»*; 3) о Версилове – *«я еще не видал его в таком возбуждении, хотя лицо его было весело и сияло светом»*; 4) о Макаре Ивановиче – *«он вдруг улыбнулся и даже тихо и неслышно засмеялся, и хоть смех прошел скоро, но светлый, веселый след его остался в его лице и, главное, в глазах, очень голубых, лучистых, больших»* [Достоевский 2021: 85, 210, 383, 297]. В контексте раскрываются смысловые приращения: 1) ‘взгляд’ → ‘свет’ → ‘тишина’ → ‘спокойствие’ → ‘притяжение’; 2) ‘взгляд’ → ‘свет’ → ‘радость’ → ‘счастье’ → ‘душа’; 3) оппозиция ‘возбуждение’ ↔ ‘веселость’ → ‘свет’; 4) ‘смех’ → ‘свет’ → ‘веселость’ → ‘душа’. Лексема *возбуждать* в 4-ом значении имеет дефиницию: *приводить в состояние нервного подъема, усиленной нервной деятельности* [Толковый словарь русского языка]. Смысловая оппозиция при описании состояния Версилова обусловлена подчинительным союзом *хотя*, выступающим в роли противительного, может интерпретироваться как эмоционально-поведенческое противоречие. *Свет* в приведенных цитатах символизирует чистоту и простоту души человека, которую воспринимает и интерпретирует субъект, это связано с тем, что в русской национальной картине мира именно лицо и глаза человека являются метафорой «зеркало души».

Отдельно стоит отметить символизацию «светлых» воспоминаний героя: *«Помню еще около дома огромные деревья, липы кажется, потом иногда сильный свет солнца в отворенных окнах, палисадник с цветами, дорожку, а вас, мама,*

*помню ясно только в одном мгновении»; «Иная пламенная ночная мечта, вместе с утренним светом и холодом, совершенно даже испаряется, и мне самому случалось иногда припоминать по утрам иные свои ночные, только что минувшие грезы, а иногда и поступки, с укоризною и стыдом»; «Я не только был оживлен ужасно, но минутами, кажется, весел. Припоминаю солнце, вдруг осветившее комнату» [там же: 94, 115, 287]. Контекст раскрывается смысловыми приращениями к вектору 'свет' → 'память' → 'мечта' → 'осмысление' → 'совесть' → 'веселость'. В приведенных цитатах свет символизирует положительные чувства Аркадия к воспоминаниям, возникающим в его сознании: воспоминания о встрече с мамой в детстве, осмысление ночной мечты и стыдливая рефлексия над собственным поведением, воспоминания о вдохновленном и веселом настроении.*

Таким образом, 'свет' является образом представления о состоянии сознания субъекта: *«сознание, что у меня, во мне, <...> сокровище силы, <...> составляло тогда единственный источник жизни моей, мой свет и мое достоинство»; «сознание вдруг на мгновение воротилось ко мне вполне и осветило меня всем своим светом; я вскочил в ужасе»; «Но слабый свет сознания скоро померк: к вечеру этого второго дня я уже был в полной горячке»; «Да, те мгновения были светом души моей» [там же: 238-239, 290-291]. В приведенных цитатах к вектору 'свет' присоединяются обертоны смысла: 'сознание' → 'идея' → 'жизнь' → 'свет' → 'душа' → 'истина'. Сокровище силы, о котором говорит субъект, это его «идея», в которой он искал положительные смыслы и успокоение.*

Смысловые приращения к вектору 'свет' являются общими для аксиологем *любовь, правда* и в псевдоаксиологемы *благообразие*, а также для символа *угол*: *«Я лежал лицом к стене и вдруг в углу увидел яркое, светлое пятно заходящего солнца, то самое пятно, которое я с таким проклятием ожидал давеча, и вот помню, вся душа моя как бы взыграла и как бы новый свет проник в мое сердце»; «в ту самую светлую надежду я верю и теперь» [там же: 304]. В приведенном контексте к смысловому вектору 'свет' прирастают смыслы 'душа', 'надежда' и 'вера'.*

Необходимо отметить, что эмоциональная модальность символа *свет* раскрывается смысловыми векторами 'любовь' и 'счастье'. Эмоциональное состояние «счастье» характеризуется учеными А. Уэссманом и Д. Риксом как ощущение «энергетического подъема», чувство «уверенности в себе», «спокойствие», «любовь», «дружелюбное отношение к людям» и «рецептивность» [Изард 2009: 185; Барканова 2009: 16]. К. Изард описывает «любовь» как сложное явление, сложенное из таких эмоций как интерес-возбуждение и удовольствие-радость [там же: 411]. Существует несколько разновидностей любви, но «восторг и радость взаимопонимания и соучастия» объединяют все разновидности любви в единое эмоциональное состояние, признанное самым сильным чувством, так как «является частью нашей истинно человеческой природы» [там же: 411]. Данное психологическое определение очень близко к определению, которым интерпретируется определение абсолютной любви Ф.М. Достоевского (при анализе аксиологемы *любовь*). Таким образом, символ *свет* является одним из вербализаторов смыслов 'абсолютная любовь', 'единение' и 'счастье'.

Одним из важных символов в языковой картине мира ДЛ романа «Подросток» является лексема *смех*.

В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля лексема *смех* определяется как *хохот, невольное, гласное проявление в человеке чувства веселости, потехи, взрыв веселого расположения духа; смех осмеяния, смех презрения, злобы* [Толковый словарь живого великорусского языка]. Также дается определение глагола смеяться – *издеваться, осмеивать, насмехаться; шутить, трунить, изгаляться, зубоскалить, выставлять насмех; не уважать, небречь, презирать, ставить ни во что, не бояться, не исполнять, ругаться над чем, кощунствовать* [там же].

В Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова лексеме *смех* дается следующее определение: *короткие и сильные выдыхательные движения, сопровождающиеся характерными прерывистыми звуками, возникающие у человека, когда он испытывает какие-нибудь чувства; расположенность к веселости, к шутке; переживание радости, веселья, при наблюдении или*

*представлении чего-нибудь забавного, нелепого, комического, а также при некоторых нервных потрясениях; поднять на смех кого-что; сделать предметом насмешки, осмеять; с целью шутки или насмешки; очень смешно, нелепо; сделано как бы с насмешкой* [Толковый словарь русского языка].

В Малом академическом словаре русского языка лексеме *смех*, помимо приведенных выше, дается определение как *проявлению веселья, радости, удовольствия* [МАС].

В Историко-этимологическом словаре современного русского языка П.Я. Черных в значении лексемы *смех* также выделяются семы: ‘посмеиваться’, ‘улыбаться’, ‘усмехаться’ [Черных 1999: 179].

В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка Ю.Д. Апресяна лексема *смех* входит в один синонимический ряд с лексемами *хохот, хихиканье, смешок* [Новый объяснительный словарь синонимов].

В Словаре языка Достоевского дано определение глаголу *смеяться* – 1) *выражать пренебрежение, неуважительное, скептическое отношение и под.; насмехаться, подтрунивать, глумиться; относиться пренебрежительно, скептически;* 2) *издавать смех, веселиться, радуясь;* 3) *говорить несерьезно, иногда с целью скрыть что-либо* [Словарь языка Достоевского 2001: 337-340].

В Словаре русской ментальности В.В. Колесова концепт *смех* интерпретируется как *различные формы невольного проявления чувства радости и удовольствия от неожиданного действия словом, образом или поступком* [Колесов 2014: Т.2. 270]. Также в Словаре приводятся слова А.А. Потебни о том, что «смех не совместим с мрачною смертью, потому что смех – свет» [там же]. Согласно исследованию В.В. Колесова, смех «выявляет приоритет “Я”» в скрытой или явной форме «в оппозиции “Я – не-Я”» [там же: 272].

Актуализированными в контексте романа ядерными семами лексемы *смех* являются ‘смех’, ‘веселость’, ‘насмешка’ ‘чувство’, ‘радость’, ‘злоба’, ‘пренебрежение’, ‘скрытность’. Также проявляются импликациональные семы ‘мрак’, ‘Я-позиция’.

В исповедальном дискурсе символ *смех* раскрывается через предикативные конструкции: *они надо мною смеялись; все они тотчас же меня наддували и с насмешкой от меня закрывались; всякий засмеялся бы мне в глаза; даже свысока усмеялся над слабостью*. В приведенном контексте возникает смысловая оппозиция ‘я’ ↔ ‘они’, дополняющаяся обертонами смысла ‘смех’ ‘обман’ ‘насмешка’, ‘одиночество’, ‘слабость’. Вспоминая о своем детстве в пансионе Тушара, Аркадий говорит о том, как пересмеивался с другими детьми, думая о том, что им просто «весело», не подозревая еще о «насмешках» над социальным положением.

В образном восприятии субъекта *смех* символизирует «пробу души»: «Смехом иной человек себя совсем выдает, и вы вдруг узнаете всю его подноготную»; «Даже бесспорно умный смех бывает иногда отвратителен. Смех требует прежде всего искренности, а где в людях искренность? Смех требует беззлобия, а люди всего чаще смеются злобно. Искренний и беззлойный смех – это веселость» [Достоевский 2021: 297-298]. Лексема *подноготная* имеет значение *сокровенная тайна, правда, скрываемая от всех* [Толковый словарь русского языка]. В контексте возникают смысловые приращения: ‘душа’, ‘тайна’ и ‘истина’, а также смысловая оппозиционная цепочка, раскрывающаяся эмотивной модальностью – ‘отвращение’ → ‘злоба’ ↔ ‘доброта’ → ‘искренность’ → ‘веселость’. Таким образом, *смех*, как символ, может отражать двойственность мировосприятия субъекта исповедального дискурса.

‘Веселость’ актуализируется как смысловая единица наивысшей оценки *смеха*. В Словаре языка Достоевского прилагательное *веселый* определяется как *полный радости, жизнерадостный, выражающий веселье, оживленный, приятный для глаза, светлый, яркий*, а также представлено контекстное смысловое сопровождение: ‘беззаботный’, ‘детский’, ‘посветлеть душой’, ‘искренно’ и др. [Словарь языка Достоевского 2001: Вып.1 67-70]. Так, «светлый веселый след» оставляет в воспоминаниях субъекта исповедального дискурса Макар Иванович Долгорукий. Лексема *смех* актуализирует смысловой вектор ‘веселость’ как маркер интертекстуальности – прецедентный феномен, отсылающий к словам Христа о

том, что нужно быть «как дети»: «Плачущий ребенок для меня отвратителен, а смеющийся и веселящийся – это луч из рая, это откровение из будущего, когда человек станет наконец так же чист и простодушен, как дитя» [Достоевский 2021: 299]. В данном контексте не только актуализируются смыслы «высшей пробы души» ‘веселость’, ‘чистота’, ‘простодушие’ и ‘искренность’, но и прослеживается оппозиция ‘горе’ → ‘отвращение’ ↔ ‘веселость’ → ‘счастье’. Соответственно, в символе смех прослеживаются смысловые оппозиции ‘обман’ ↔ ‘искренность’ и ‘горе’ ↔ ‘счастье’. В таблице № 5 представлены языковая и дискурсивная стадии смысловой реализации символов *угол*, *мрак*, *свет*, *смех*.

Таблица № 5. Языковая и дискурсивная стадии смысловой реализации символов *угол*, *мрак*, *свет*, *смех* (эмоционально-поведенческий уровень ДЛ)

Языковая стадия смысловой реализации		Дискурсивная стадия смысловой реализации	
Символы	Семы	Смысловые приращения эмотивности	Смысловые приращения имагинативности
<i>Угол</i>	‘комната’ ‘место’ ‘отдаленность’ ‘пространство’ ‘важное дело’	‘одиночество’ ‘нетерпение’ ‘злость’ ‘наказание’ ‘вина’	‘жизнь’ ‘сон’ ‘укрытие’ ‘ненастье’ ‘уединение’ ‘тьма’ ‘защита’ ‘пустота’ ‘удаление’ ‘невидимость’ ‘скрытность’ ‘ожидание света’ ‘душа’ ‘свет’
<i>Мрак</i>	‘тьма’ ‘состояние’ ‘отсутствие света’ ‘угрюмый’ ‘невеселый’ ‘невежество’ ‘неизвестность’	‘вина’ ‘отвращение’ ‘грусть’	‘раздвоение’ ‘сумасшествие’ ‘взгляд’ ‘горе’ ‘душа’ ‘смерть’ ‘идея’ ‘уединение’ ‘тьма’ ‘свет’
<i>Свет</i>	‘свет’ ‘взгляд’ ‘луч’ ‘состояние’ ‘озаренность’ ‘радость’ ‘счастье’ ‘веселость’ ‘душа’	‘спокойствие’ ‘притяжение’ ‘радость’ ‘счастье’ ‘возбуждение’ ‘веселость’ ‘смех’	‘взгляд’ ‘свет’ ‘тишина’ ‘душа’ ‘память’ ‘мечта’ ‘осмысление’ ‘сознание’ ‘идея’

	'надежда' 'божественный свет' 'правда' 'идея' 'просветление'		'жизнь' 'совесть' 'истина' 'душа' 'надежда' 'вера' 'абсолютная любовь', 'единение' 'счастье'
<i>Смех</i>	'смех' 'веселость' 'насмешка' 'чувство' 'радость' 'злоба' 'пренебрежение' 'скрытность'	'одиночество' 'отвращение' 'злоба' 'доброта' 'искренность' 'веселость' 'горе' 'счастье'	'я' 'они' 'обман' 'насмешка' 'слабость' 'душа' 'тайна' 'истина' 'чистота' 'простодушие' 'искренность'

Необходимо отметить, что на как языковой, так и на дискурсивной стадиях смысловой реализации в контексте романа в символах актуализируются ядерные семы и смысловые приращения, выявленные в смысловых пространствах концептуального аттрактора и аксиологем, что подтверждает статус данных единиц как знаков вторичной семиотической системы в романе Ф.М. Достоевского «Подросток».

Подводя итог раздела, можно сделать вывод, что анализ контекста, в котором проявляется концептуальный аттрактор 'идея', когнитивно-семантический анализ аксиологем *тайна, правда, уединение, любовь* и символов *угол, мрак, свет* и *смех* позволили выявить сеть смысловых приращений, образующих эмоционально-поведенческий уровень рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ. Языковая стадия реализации смыслов представлена приведенными контекстами, лексемой *идея*, аксиологемами и знаками-символами, а также интенционалом и импликационалом вербализаторов. Дискурсивная стадия раскрывается через интенциональные модальности смысловыми приращениями в процессе смыслообмена между горизонтальным и вертикальным контекстами. Выявленные бинарные оппозиции отражают противоположные направления смысловых векторов, которые оказывают влияние на поведение субъекта. Осмысление бинарных смысловых оппозиций отражается во внутреннем диалоге ДЛ, и, следовательно, представляет собой процесс познания воздействующих на эмоции

и поведение смыслов – самопознание, представленное на когнитивно-эмоциональном уровне рефлексивно-смысловой сферы данными оппозициями как диалогическими доминантами.

Всего проанализировано 104 контекста употребления вербализаторов, выделенных при фреймовом анализе смысловых векторов исповедального повествования; проанализировано 8 маркеров прецедентности; а также 64 словарных дефиниции.

#### *3.1.4. Идентификация диалогических доминант сознания*

В данном исследовании доминирующие в ситуациях автокоммуникации в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» единицы с бинарной смысловой организацией идентифицируются как диалогические доминанты. Смысловая организация диалогических доминант раскрывается также интертекстуальным пространством дискурса, в котором происходит расщепление идеологий полифонического текста Ф.М. Достоевского [Кристева 2004: 19-20]. По мнению Ю. Кристевой, собранные Ф.М. Достоевским идеологии превращаются в «прототипы» и в «речевые инстанции» на фоне столкновения текстов (точек зрения, сознаний и голосов) [там же: 20]. Выявленные в данном параграфе маркеры интертекстуальности, раскрывающие концептуальный аттрактор 'идея', представляют собой интертекстуальный уровень дискурсивной стадии воплощения когнитивно-эмоциональных смысловых векторов в дискурсе романа.

По мнению А. Вежбицкой, человеческие эмоции по большей части универсальны, и осознание и интерпретация их моделей воплощаются в языке эмоциональными концептами [Вежбицкая 1996: 344]. В исследовании Н.И. Колодиной эмоциональный концепт определяется как «осмысливаемая активизируемая единица знаний, закодированная в прошлом опыте и имеющая когнитивно-ассоциативные связи со стимулом, который спровоцировал данную эмоцию» [Колодина 2022: 87], при этом данное явление связано не с аффективным состоянием человека (первичной эмоционально-физиологической реакцией), а с эмоциональным (эмоцией как мотивирующим, организующим и направляющим

восприятие, мышление и действие) [Изард 2006: 27]. Исследование эмоциональных концептов подразумевает обращение к элементам структур памяти личности – концептам-сценариям (мыслительным структурам с признаками оценки и динамизма), так как при их когнитивно-ассоциативном взаимодействии из долговременной памяти переводятся в активную память единицы знаний как «отклик на стимул» [Колодина 2022: 88]. В диссертации на основе семантического анализа вербализаторов смысловых доминант ситуаций автокоммуникации были выделены языковая и дискурсивная стадии эмоционально-поведенческого уровня рефлексивно-смысловой сферы сознания личности. Для того чтобы сконструировать когнитивно-эмоциональный уровень, на котором функционируют диалогические доминанты, необходимо выделить общие для вербализаторов смысловые оппозиции, функционирующие на когнитивно-эмоциональном уровне ДЛ и стремящиеся к ядру потенциосферы концептуального аттрактора ‘идея’. Выявление смысловой доминанты может осуществляться путем создания «портрета его имени в полноте семантических признаков, задаваемых составляющими этого концепта: понятийной, образной и собственно языковой – значимостной» [Воркачев 2025: 5-6].

В таблице № 6 представлены смысловые оппозиции, вербализованные в лексеме *идея*, аксиологемах *тайна*, *уединение*, *правда*, *любовь*, псевдоаксиологеме *благообразие*, и в символах *угол*, *мрак*, *свет* и *смех*, отражающие метакогнитивную рефлексию субъекта речи, также дан перечень всех диалогических доминант когнитивно-эмоционального уровня рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ, определенных в результате когнитивно-семантического анализа.

Таблица № 6. Диалогические доминанты когнитивно-эмоционального уровня рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ

Вербализаторы метакогнитивной рефлексии	Смысловые оппозиции
<i>идея</i>	‘богатство’ ↔ ‘нищета’ ‘бездарность’ ↔ ‘одаренность’ ‘одиночество’ ↔ ‘компания’ ‘наживать’ ↔ ‘трудиться’ ‘накопить’ ↔ ‘утратить’ ‘удача’ ↔ ‘крах’ ‘я’ ↔ ‘они’

	‘смерть’ ↔ ‘воскрешение’ ‘обида’ ↔ ‘умиротворение’ ‘страх’ ↔ ‘спокойствие’ ‘стыд’ ↔ ‘счастье’
<i>тайна</i>	‘отвержение’ ↔ ‘признание’ ‘ненависть’ ↔ ‘любовь’ ‘общество’ ↔ ‘идея’ ‘позор’ ↔ ‘утешение’ ‘подлость’ ↔ ‘идеал’ ‘тьма’ ↔ ‘свет’
<i>уединение</i>	‘вина’ ↔ ‘невиновность’ ‘раздвоение’ ↔ ‘единение’
<i>правда</i>	‘ложь’ ↔ ‘истина’
<i>любовь</i>	‘ненависть’ ↔ ‘любовь’
<i>благообразие</i>	‘хаос’ ↔ ‘порядок’
<i>угол</i>	‘тьма’ ↔ ‘свет’
<i>мрак</i>	‘тьма’ ↔ ‘свет’
<i>свет</i>	‘тьма’ ↔ ‘свет’ ‘возбуждение’ ↔ ‘веселость’
<i>смех</i>	‘я’ ↔ ‘они’ ‘обман’ ↔ ‘искренность’ ‘доброта’ ↔ ‘злоба’ ‘горе’ ↔ ‘счастье’ ‘отвращение’ ↔ ‘веселость’
<b>Диалогические доминанты сознания когнитивно-эмоционального уровня ДЛ</b>	
‘богатство’ ↔ ‘нищета’ ‘бездарность’ ↔ ‘одаренность’ ‘одинокчество’ ↔ ‘компания’ ‘наживать’ ↔ ‘трудиться’ ‘накопить’ ↔ ‘утратить’ ‘удача’ ↔ ‘крах’ ‘я’ ↔ ‘они’ ‘смерть’ ↔ ‘воскрешение’ ‘обида’ ↔ ‘умиротворение’ ‘страх’ ↔ ‘спокойствие’ ‘отвержение’ ↔ ‘признание’ ‘ненависть’ ↔ ‘любовь’ ‘общество’ ↔ ‘идея’ ‘позор’ ↔ ‘утешение’ ‘подлость’ ↔ ‘идеал’ ‘тьма’ ↔ ‘свет’ ‘стыд’ ↔ ‘счастье’ ‘вина’ ↔ ‘невиновность’ ‘раздвоение’ ↔ ‘единение’ ‘ложь’ ↔ ‘истина’ ‘хаос’ ↔ ‘порядок’ ‘обман’ ↔ ‘искренность’ ‘доброта’ ↔ ‘злоба’ ‘горе’ ↔ ‘счастье’ ‘отвращение’ ↔ ‘веселость’	

Приведенные смысловые доминанты демонстрируют двойственность человеческого мировосприятия через смысловую оппозицию и отражают взаимодействие процессов познания явлений действительности и эмоционально-

оценочную реакцию на них, соответственно, проявляются на концептуальном уровне смысловой реализации.

Бинарность восприятия действительности отражается смысловой противопоставленностью, которая раскрывается в процессе анализа контекста романа «Подросток» категориями эмотивной, перцептивной (восприятие), имагинативной (воображение) и мотивационной модальности. Каждый из компонентов бинарной оппозиции является следствием противоречащих смысловых приращений, функционирующих на эмоционально-поведенческом уровне. Приведенные диалогические доминанты можно назвать вариантами смыслового представления процесса метакогнитивной рефлексии, так как они отражают познавательную деятельность субъекта дискурса, направленную на осмысление собственных мотивов поведения, представлений о произошедших событиях, своего восприятия взаимоотношения с действительностью, эмоциональных реакций. Так, например, диалогическая доминанта 'богатство' ↔ 'нищета' отражает двойственность осмысления мотива возникновения «идеи» Аркадия. Субъект сначала стремится накопить деньги, создать капитал, а затем выбирает позицию полного отказа от него в пользу духовно-нравственного возвышения. Эти две крайности отражают взаимодействие смысловых «Я»-позиций ДЛ, так как демонстрируют стремление к самоопределению в процессе рефлексии.

Диалогическая доминанта сознания 'общество' ↔ 'идея' отражает метакогнитивный процесс восприятия коммуникативного поведения. Для Аркадия общество ассоциируется с негативными последствиями коммуникативных ситуаций, сопровождаемыми негативными эмоциональными состояниями. А «идея» для субъекта исповедального дискурса стала заменой собеседника, способного создать положительную коммуникативную ситуацию. Данная диалогическая доминанта вступает в ассоциативную связь с бинарной оппозицией 'одиночество' ↔ 'компания'. В обществе субъект ощущает себя одиноким, а «идея» заменяет коммуникативного партнера.

Диалогическая доминанта сознания ‘раздвоение’ ↔ ‘единение’ представляет собой оппозицию, возникшую при осмыслении субъектом исповеди двойственности смыслового развертывания в процессе мышления, что субъект речи называет «двойственностью целей». Смысловой вектор ‘единение’ в данной оппозиции возникает именно тогда, когда он начинает осознавать свое раздвоение и раздвоение отца (Версилова) – процессе метакогнитивной рефлексии над собственным коммуникативным поведением и поведением родного отца. Таким образом, функция данной диалогической доминанты – осмысление самой ситуации автокоммуникации и ее результата – рефлексия и последующее действие – активизация воли субъекта.

Для того чтобы проследить конечный выбор той или иной смысловой позиции, представленный одним из векторов диалогической доминанты, необходимо определить инвариант, к которому данная доминанта стремится. В следующем разделе выявляется волитивная смысловая доминанта, как сверхдоминантный смысловой вектор, управляющий бинарными смысловыми оппозициями.

### **3.2. Концептуальный анализ волитивной доминанты рефлексивно-смысловой сферы сознания личности: идентификация волитивных доминант сознания**

Целью параграфа является определение волитивной доминанты сознания как ментальной единицы, управляющей диалогическими доминантами на волитивном уровне рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ и нейтрализующей их смысловую бинарность. Для этого необходимо решить следующие задачи: рассмотреть особенности когнитивного и концептуального подходов к анализу смысловых единиц; произвести концептуальный анализ лексемы *идея*, аксиологем *тайна*, *уединение*, *правда* и *любовь*; а также символов *угол*, *мрак*, *свет* и *смех* с целью определить сверхдоминантный смысловой вектор ментального уровня – волитивную доминанту сознания личности.

В рамках современной лингвокогнитивной науки концептуальный анализ представляет собой ключевое направление, способствующее углубленному пониманию механизмов семиозиса. В зарубежной науке лингвокогнитивное направление представлено трудами таких исследователей, как Р.У. Лэнэкер, Дж. Лакофф, Л. Талми, Ж. Фоконье и другие [Скребцова 2011: 25]. Общий методологический принцип когнитивной лингвистики – исследовать структуру сознания человека с помощью языковых фактов, так, например, важным инструментом изучения понятийной системы человека считаются метафорические переносы, так как они отражают способы мышления, структурирования знаний и восприятия мира [там же: 34]. Согласно когнитивному подходу, язык не может быть самодостаточным и не поддается описанию без исследования когнитивных процессов; а его грамматические структуры являются по своей сути символическими, структурирующими понятийное содержание [Langacker 2008]. Согласно исследованию Р.У. Лэнэкера, грамматика является совокупностью абстрактных схем концептуальной интеграции, которые четко отражают познаваемый человеком мир [там же: 540]. Когнитивная лингвистика рассматривает грамматику как средство трансценденции – средство создания и символизации понятий об окружающей действительности [там же]. Ключевым аспектом когнитивного подхода является учет контекстуальных факторов, ситуативных переменных и индивидуальных особенностей когнитивной деятельности субъекта – в этом сущность антропоцентрического подхода. В рамках данной парадигмы язык интерпретируется как особенность организации, структурирования и репрезентации когнитивного опыта индивида, а также как транслятор когнитивно-эмоциональных и ментальных процессов сознания.

В исследовании американских когнитивистов Дж. Лакоффа и М. Джонсона существование образных языковых выражений объясняется динамичностью системы концептуальной картины мира человека [Lakoff, Johnson 2003]. Лингвистический аспект концептуальной метафоры связан с тем, что языковые выражения являются вместилищами для смыслов, что слова и предложения имеют такие значения, которые не зависят от контекста или от говорящего [Lakoff, Johnson

2003]. В связи с тем, что языковые выражения и слова являются «контейнерами» для смыслов, концептуальные метафоры употребляются во многих речевых ситуациях, в таких, где различия в контексте не имеют существенного значения. Согласно данной теории, некоторые концепты определяются не изолированно, а в именах их роли при получении того или иного опыта [Lakoff, Johnson 2003].

Исследование взаимообусловленности языка, когнитивных систем восприятия, распределения внимания, памяти и категоризации, концептуализации обусловлено тем, что каждая из этих систем не является отдельной, модульной и самоуправляемой сущностью, а знание языка интегрировано с общим знанием мира [Robinson 2008].

В отечественной науке значительный вклад в развитие когнитивной лингвистики внесли Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.В. Колесов и другие авторитетные исследователи. Их работы способствовали формированию целостного представления о когнитивных механизмах языка и их интегративной роли в коммуникативных процессах. К лингвокогнитивной методике З.Д. Попова и И.А. Стернин относят собственно лингвистические методы анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования – о работе когнитивных процессов, о типах ментальных репрезентаций в сознании человека [Попова 2007: 9]. Такой подход назван исследователями семантико-когнитивным, так как опирается он на соотношение языковой семантики с национальной концептуальной картиной мира, которая является отражением развития когнитивных процессов сознания народа и его отдельных представителей [там же: 13].

Несмотря на тесную взаимосвязь, когнитивный подход и концептуальный анализ обладают рядом существенных различий. Когнитивный подход представляет собой более широкую методическую парадигму, охватывающую такие когнитивные процессы, как восприятие, память, внимание, продуцирование и другие функции обработки информации. Концептуальный анализ фокусируется на исследовании ментальных единиц и их роли в формировании языковых значений.

В большинстве работ, исследующих концепты (В.А. Масловой, М.В. Никитина, И.А. Стернина и З.Д. Поповой) структура концепта представляется в форме ядра и периферии. В.А. Маслова считает продуктивными исследования концептов путем построения различных типов структур представления знаний (схем, фреймов, сценариев, мыслительных образов, скриптов) на базе анализа лексического значения, энциклопедического знания предмета и экстралингвистического знания [Маслова 2005: 46-47]. Согласно определению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, концепт является глобальной единицей мыслительной деятельности сознания, обладающей такими характеристиками, как: системность; отсутствие обязательной вербализации; коммуникативная релевантность; полевой принцип организации; перцептивный образ, относительно определенную информацию и «интерпретационное поле»; степень («яркость») проявления в сознании; национальную, социальную, групповую, индивидуальную специфику [там же: 15]. Семантико-когнитивное исследование концептов включает выстраивание номинативного поля концепта с определением его номинативной плотности (в диссертации – определение вербализаторов ситуаций автокоммуникации); анализ и описание семантики языковых средств, вербализующих концепт (семантический анализ лексемы, аксиологем и символов); когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств (определение диалогических доминант сознания); верификация полученного когнитивного описания у носителей языка (сравнение результатов семантического анализа с языковым значением); описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков [Попова 2007]. Таким образом, когнитивный подход подразумевает изучение соотношения семантики с динамической системой концептов (как продуктом когнитивного процесса) в сознании носителей определенного языка.

В отличие от когнитивного подхода, концептуальный анализ включает в себя следующие основные характеристики (выделены В.В. Колесовым):

- 1) ономазиологичность – исследуется речь говорящего, а не слушающего;
- 2) лингвальность – обусловленность речевой деятельностью, а не логикой;

3) историчность – исследование концептов в развитии и «семантическом преобразовании» [Колесов 2016: 5].

Когнитивный подход и концептуальный анализ представляют собой неотъемлемые компоненты данного исследования, и обеспечивают глубокое понимание механизмов языкового мышления. Эти парадигмы дополняют друг друга, способствуя всестороннему анализу рефлексивно-смысловой сферы сознания и ее когнитивных оснований. По мнению В.В. Колесова, в глазах когнитивиста концепт – это неопределенный смысл (его «квант»), представленный в качестве познавательной структуры; а, с точки зрения концептуалиста, концепт – это «словесное выражение момента готового знания» [Колесов 2019: 640]. Исследование познания собственных внутренних процессов не может обойтись без анализа ментального содержания «в единстве лингвистического и логического на психологической основе», в явном виде представленного такими содержательными формами, как образ, понятие и символ совместно – концепта как сложного целого (определение В.В. Колесова) [Колесов 2021: 6]. Когнитивный подход подразумевает изучение психологии познания через обращение к смыслам, а концептуальный – исследование языковых проявлений семиозиса как когнитивного процесса.

Как в зарубежной, так и в отечественной когнитивной лингвистике, существуют термины, описывающие единицы знания, которые могут состоять из других единиц, образовывать многоуровневую динамическую систему – само сознание человека. В зарубежной концептологии концепт состоит из семантических молекул и примитивов, исследование которых направлено на формирование ясных, недвусмысленных и переводимых способов говорить об актуальных в современном мире жизненных аспектах человечества [Goddard 2018]. Российская концептология, как новое направление в языкознании, «призвана воссоздавать концептуальные структуры, исследуя пути развития когнитивных признаков в истории развития слова» [Пименова 2017: 14].

Лингвокогнитивное моделирование рефлексивно-смысловой сферы сознания личности осуществляется через призму когнитивного подхода

концептологическим методом. Согласно исследованию В.В. Колесова, опорой индивидуального мышления является «ментальная парадигма», представленная в форме концептуального квадрата, включающего четыре содержательных формы концепта [Колесов 2021: 6]. Реконструкция и анализ ментальных парадигм ДЛ позволит не только смоделировать рефлексивно-смысловую сферу сознания наиболее детально, но и раскрыть психосемантические основания ее динамичности в исповедальном дискурсе романа «Подросток».

Цель данного параграфа – выявление ментальной единицы, представленной сверхдоминантным смысловым вектором, воздействующим на смысловую организацию когнитивно-эмоционального и эмоционально-поведенческого уровней ДЛ. Предполагается, что благодаря конструированию системы взаимодействий ментальных парадигм вербализаторов рефлексивно-смысловой сферы сознания возможна идентификация волитивной доминанты сознания, такого сверхдоминантного смыслового вектора, благодаря которому ДЛ удастся управлять смысловым полем собственного сознания и бессознательного.

Конструирование ментальной парадигмы – концептуального квадрата В.В. Колесова – представляет собой определение четырех содержательных форм концепта – «формы проявления членов семантического треугольника, обогащенного наличием четвертого состава», выявляемого при сопоставлении референтов вещи (объектов внеязыковой действительности) с денотатами предметных значений слова (обозначаемым) [Колесов 2021: 7]. Так, выделяются основания – концептума (что? – ментального прообраза), условия образа (как? – способа реализации концептума), причины – понятия (почему? – осмысления образа) и цели – символа (зачем? – точке, к которой ведет причина) [Колесов 2022: 102]. Согласно исследованию В.В. Колесова, только символ как знаковая содержательная форма концепта не может быть представлена предикатом, а только субъектом, так как замкнут на себе самом [Колесов 2019: 393]. Понятие же может быть представлено в предикативной форме. В диссертации концептуальные квадраты конструируются как ментальные парадигмы исповедального дискурса Ф.М. Достоевского, раскрывающие волитивный уровень рефлексивно-смысловой

сферы сознания ДЛ, так как в них обнаруживается некий смысловой инвариант, функционирующий в процессе развертывания контекста романа «Подросток».

В философии древнегреческого мыслителя Платона возникла теория об эйдосе как первообразной идее, смысле, сущности вещи, которая является неким абсолютным смысловым проявлением [Лосев 1993: 226]. Позднее эта идеалистическая теория была трансформирована Аристотелем: идея (эйдос) стала рассматриваться как форма вещи, составляющая с ней целостное единство, являющаяся некой общностью ее внутренних свойств [там же: 228-230]. Согласно исследованию Н.В. Зудиной, подлинные платоновские первообразы-эйдосы – это совершенные прототипы, которые человек только пытается постичь, которые могут отражаться только в подлинных подобиях-эйконах и копиях копий – эйдолонах [Зудина 2020: 37].

В работах В.В. Колесова прослеживается дальнейшее преобразование древнегреческой философской концепции о первообразе: от «туманного» концептума С.А. Аскольдова, внутренней формы слова как отношения содержания мысли к сознанию А.А. Потебни [Потебня 1964: 138-139], до концептосферы Д.С. Лихачева. Аристотелевская идея о постоянной связи «четырех причин» – формальной, материальной, действующей и целевой (глагольной основы как основания, концептума как условия, концепта как действующей причины и концепции как конечной цели) – воплощается в концептологической теории В.В. Колесова о содержательных сторонах концепта – сущности-концептуме, как основании-единстве «логического первосмысла в его языковом образе – первообразе», образе-причине, понятии-действии и символе-цели [Колесов 2018: 439-445].

Концепция о взаимодействии образа, понятия и символа внутри слова излагалась в работе А.А. Потебни «Мысль и язык»: «Слово, будучи средством развития мысли, изменения образа в понятие, само не составляет ее содержания <...> центральный признак образа, выражаемый словом <...> имеет значение не сам по себе, а как знак, символ известного содержания; если вместе с образованием понятия теряется внутренняя форма, как в большей части наших слов,

принимаемых за коренные, то слово становится чистым указанием на мысль» [Потебня 1964: 140]. Идея В.В. Колесова заключается в причинно-следственной взаимосвязи развития понятийного мышления вслед за образным (теории И.М. Сеченова, А. Эйнштейна), и развития понятия вслед за образом, как условием своего существования [Колесов 2019: 383]. После попадания сложного чувственного ощущения в поле ментального восприятия, отдельные свойства предметов и явлений становятся целостным явлением – образом [Виноградова 2009: 254]. Образ первичен по отношению к пониманию – к понятию – и является видимым проявлением первообраза-концептума [Колесов 2019: 389]. А понятие – это абстрактная сущность, преобразованный в действующей причине образ, определенное «логическое представление о вещи», «логический образ идеи» [Колесов 2021: 63]. «В отличие от образа и понятия, символ – культурный конструкт на основе совмещения образа и понятия», он является отношением знака к предмету, уподоблением вещи в целях постижения элемента человеческого мира [Колесов 2019: 391; Колесов 2021: 65]. Символ, как одна из содержательных форм концепта, является ключевым термином культуры, и в нем нет «множества значений», но он многосмыслен [Колесов 2019: 393].

Моделирование концептуального квадрата представляет собой описание основных «ментальных составляющих когнитивного концепта в его четырех измерениях» – концептуме, образе, понятии и символе [Колесов 2021: 57]. Термин «концептум» определяется В.В. Колесовым как «зародыш в самой актуальности в (своей) бесформенной потенциальности и чистой безосновности как творческий элемент активности в познании живой глубины» [там же: 67]. Динамика реализации концепта в квадрате представляется корреляцией: концептум (сущность смысла) отражается в «достаточности первичного созерцания образа и формирует абстрактную сущность понятия»; а символ представляет собой упорядоченные в составах знания материально обобщенные в образе факты – означаемое (символизируемое), а не весь символ как знак [там же: 68]. В сведении к инвариантным составам семантического треугольника (как осуществляющим связь мысли с природой) и составляющих концептуального квадрата (как

соединяющих сознание с мыслью) вещь коррелирует с образом, идея с понятием, а знак с символом [там же: 69]. При этом символ является воплощением знания, образ – сознания, понятие – познания, а концептум – бессознательного [там же: 68]. Такая ментальная парадигма в форме квадрата представляет собой «блок памяти в системном порядке, располагающем полный состав содержательных форм концепта, который представляется в тексте либо понятием, либо концептумом; или указывает на исходное начало, или на результат отражения сущности смысла [там же: 602]. В том, что некоторые концепты в ментальной парадигме могут содержательно совмещаться, а словесные значения их составов могут быть разные, заключается проблема пересечения значений слова и смыслов концепта [там же]. Смысловые скопления образуют «концептуальную оплотненность смыслов», представить которую можно в качестве смысловой модели двойственной природы мышления [Переволочанская, 2009: 1589-1590].

В романе «Подросток» представлена эволюция внутреннего мироощущения Аркадия Долгорукого, проследить которую возможно благодаря исследованию динамики его рефлексивно-смысловой сферы сознания. Динамичность данной смысловой парадигмы исповедального дискурса раскрывается не только функционированием диалогических доминант, но и функционированием сверхдоминантного вектора, нейтрализующего смысловую бинарность при восприятии действительности. Такой вектор признается в диссертации волитивной доминантой сознания – смысловой единицей волитивного уровня, реализующейся на протOVERбальной стадии.

Далее в данном параграфе предпринимается попытка построения ментальных парадигм в форме концептуального квадрата В.В. Колесова как средства определения волитивной доминанты рефлексивно-смысловой сферы сознания, функционирующей на ментальном уровне. Материал располагается по составам причинности Аристотеля, согласно концепции В.В. Колесова.

## 1. Идея

С опорой на когнитивно-семантический анализ концептуального аттрактора ‘идея’ в таблице № 7 выделяются содержательные формы концепта, указанные в виде актуализированных смыслов, раскрывающихся в исповедальном дискурсе романа «Подросток» Ф.М. Достоевского.

Таблица № 7. Ментальная парадигма идея

Составы причинности	Содержательные формы концепта	Актуализированные смыслы
Основание	концептум	‘счастье’
Условие	образ	<i>уединение, могущество</i>
Причина	понятие	<i>угол, мрак</i>
Цель	символ	‘свобода’

Интерпретация концепта ‘идея’ в дискурсе романа «Подросток» – это знание и ощущение ‘счастья’, помысленного как *уединение и могущество в углу во мраке* с целью обретения – ‘свободы’.

С целью отследить функции концепта в русской языковой картине мира, сравним результат анализа русского концепта ‘идея’ у В.В. Колесова: *«первичная огненная энергия, которая не только знает, но и чувствует, это рождение неизвестного природе ради того, чтобы становиться по-настоящему сильным»* [Колесов 2021: 222]. ‘Идея’ у В.В. Колесова так же, как в дискурсе романа «Подросток», наделяется свойствами живого существа – это невидимая энергия, дающая силу, спасающая от одиночества субъекта исповедального дискурса.

В контексте романа смысловое приращение ‘свобода’ = ‘сила’: если первоначально *свобода* для Аркадия – это материальная величина, зависящая от материальных обстоятельств (*деньги, могущество, одиночество*), то в результате смысловой трансформации ‘свобода’ становится смысловым вектором, относящимся к состоянию сознания субъекта, обертоны смысла меняются под воздействием смыслового вектора ‘счастье’. Сравним интерпретацию концепта у В.В. Колесова: ‘счастье’ – это *«пустая рефлексия в тебе самом при достижении*

*цели – решающий объект воли»* [там же: 489]. Пустая рефлексия подразумевает отсутствие двойственности при осмыслении действительности – нейтрализацию смысловой бинарности, которая на когнитивно-эмоциональном уровне ДЛ представлена диалогической доминантой ‘стыд’ ↔ ‘счастье’. Таким образом, волитивной доминантой сознания, функционирующей в ментальной парадигме, признается смысловой вектор ‘счастье’, который воздействует на когнитивные, эмоциональные и поведенческие процессы субъекта, переводя процесс рефлексии к определенному действию.

## 2. Уединение

С опорой на когнитивно-семантический анализ аксиологемы *уединение* в таблице № 8 выделяются содержательные формы концепта, указанные в виде актуализированных смыслов, раскрывающихся в исповедальном дискурсе.

Таблица № 8. Ментальная парадигма *уединение*

Составы причинности	Содержательные формы концепта	Актуализированные смыслы
Основание	концептум	‘единение’
Условие	образ	<i>сознание, идея</i>
Причина	понятие	<i>место</i>
Цель	символ	‘спокойствие’

Концепт ‘уединение’ можно интерпретировать как ‘единение’ *сознания и идеи* в некоем *месте* с целью обретения ‘спокойствия’.

В предыдущем параграфе в качестве диалогической доминанты сознания ДЛ была выделена смысловая оппозиция ‘раздвоение’ ↔ ‘единение’, раскрывающаяся через категорию мотивационной модальности в аксиологеме *уединение*. При построении ментальной парадигмы концепта ‘уединение’ в качестве доминирующего смыслового вектора основания актуализирован смысловой признак ‘единение’. В контексте романа данный обертон смысла интерпретируется как *стремление к единству внутренних «Я» позиций*, вступающих в смысловые оппозиции на когнитивно-эмоциональном уровне (в процессе метакогнитивной

рефлексии). Так как результатом рефлексии субъекта становится выбор смысловой позиции ‘единение’, субъект исповеди идентифицирует свою двойственность, пытается с ней справиться, тогда в этом случае можно говорить о работе волитивной доминанты сознания ДЛ. Следствием функционирования данного сверхдоминантного вектора становится написание истины и признание «двойственности» как отрицательного качества души.

### 3. Тайна

С опорой на анализ аксиологемы *тайна* в таблице № 9 выделяются содержательные формы концепта, указанные в виде актуализированных смыслов, раскрывающихся в исповедальном дискурсе.

Таблица № 9. Ментальная парадигма *тайна*

Составы причинности	Содержательные формы концепта	Актуализированные смыслы
Основание	концептум	‘идеал’
Условие	образ	<i>правда, Божия</i>
Причина	понятие	<i>душа, сознание</i>
Цель	символ	‘непознанное’

Интерпретация концепта ‘тайна’ в исповедальном дискурсе Ф.М. Достоевского может быть представлена следующим образом – это некий ‘идеал’, помысленный как *Божия правда в душе и сознании*, представляющий собой нечто еще ‘непознанное’. Сравним с прочтением В.В. Колесовым концепта ‘идеал’ – это «абсолютная ценность по закону должного как всеобщая форма целеполагания ради совершенства справедливости» [Колесов 2021: 226]. Абсолютной ценностью, представленной аксиологемой *тайна* после смысловой трансформации в текстовом семантическом поле единицы является «тайна Божия», являющая собой ‘идеал’ ‘непознанного’. На когнитивно-эмоциональном уровне через категорию имагинативной модальности была раскрыта диалогическая доминанта, вербализованная в лексеме *тайна*, ‘идеал’ ↔ ‘подлость’. Соответственно, доминантным смысловым вектором, функционирующем на

ментальном уровне как волитивный, в данной парадигме признается ‘идеал’. Функцией данного сверхдоминантного вектора является формирование жизненных принципов и ценностей, оказывающих влияние как на образование новых диалогических доминант когнитивно-эмоционального уровня ДЛ, так и на выбор коммуникативного поведения в дальнейших коммуникативных ситуациях.

#### 4. Правда

С опорой на когнитивно-семантический анализ аксиологемы *правда* в таблице № 10 выделяются содержательные формы концепта, указанные в виде актуализированных смыслов, раскрывающихся в исповедальном дискурсе.

Таблица № 10. Ментальная парадигма *правда*

Составы причинности	Содержательные формы концепта	Актуализированные смыслы
Основание	концептум	‘истина’
Условие	образ	<i>благообразие</i>
Причина	понятие	<i>искренность</i>
Цель	символ	‘Бог’

Концепт ‘правда’ можно интерпретировать следующим образом: это ‘истина’, помысленная как *благообразие*, представляющее собой *искренность* с целью постижения ‘Бога’.

Концепт ‘правда’ в русской языковой картине мира представляет собой «цельное и целостное проявление идеала справедливости, дается благодатью и совершается с любовью» [Колесов 2021: 428]. В контексте романа «Подросток» смысловые векторы ‘правда’ и ‘любовь’ также имеют общие смысловые приращения в исповедальном дискурсе. Идеалом справедливости для Ф.М. Достоевского является образ Христа: «Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» [Достоевский 1985: 176]. Таким образом, в исповедальном дискурсе Ф.М. Достоевского

содержательными формами концепта ‘правда’ являются два взаимообусловленных смысла ‘истина’ и ‘Бог’.

Результатом когнитивно-семантического анализа аксиологемы *правда* было определение диалогической доминанты сознания ‘ложь’ ↔ ‘истина’, инвариантом которой является вектор ‘истина’ – волитивная доминанта сознания, «пронизывающая» когнитивно-эмоциональный и эмоционально-поведенческий уровни дискурсивной личности. Это проявляется не только в метакогнитивной рефлексии над *истиной* и *искренностью* как коммуникативными качествами характера, но и в интерпретации их эмоционального сопровождения, в объяснении мотивов коммуникативного поведения – в стремлении субъекта речи исповедаться перед собой и перед потенциальным читателем.

### 5. Любовь

С опорой на когнитивно-семантический анализ аксиологемы *любовь* в таблице № 11 выделяются содержательные формы концепта, указанные в виде актуализированных смыслов, раскрывающихся в исповедальном дискурсе Ф.М. Достоевского.

Таблица № 11. Ментальная парадигма *любовь*

Составы причинности	Содержательные формы концепта	Актуализированные смыслы
Основание	концептум	‘смирение’
Условие	образ	<i>идея</i>
Причина	понятие	<i>жизнь</i>
Цель	символ	‘бессмертие’

Можно интерпретировать концепт ‘любовь’ в рефлексивно-смысловой сфере сознания следующим образом: ‘любовь’ – это ‘смирение’ как *идея* для *жизни* с целью обретения ‘бессмертия’. Сравним с результатом анализа русского концепта ‘любовь’ у В.В. Колесова: *любовь* – это «глубочайший центр личности в любви-жалости, величайшая познавательная сила, дающая благо» [Колесов 2021: 312]. В исповедальном дискурсе романа «Подросток» в качестве величайшей

познавательной силы представлен смысл ‘смирение’, а блага – ‘бессмертие’, раскрывающееся в контексте «всё равно и по смерти любовь!..» [Достоевский 2021: 303]. Смысловой компонент ‘абсолютная любовь’ представлен в контексте романа как главный смысл аксиологемы *любовь* – проявление блага ко всему живому даже после смерти. Это состояние описано Аркадием как чистосердечие, благообразие и «почти безгрешная душа» – ‘идеал’ отношения ко всем явлениям действительности. Концепт ‘**любовь**’ можно признать волитивной доминантой сознания, так как он становится инвариантом диалогической доминанты сознания ‘ненависть’ ↔ ‘любовь’, которая интерпретируется субъектом исповедального дискурса как чувства к близким людям, бинарность которых обусловлена «двойственностью» целей и негативными эмоциями, возникшими в процессе взаимодействия с обществом. Необходимо отметить, что именно ‘любовь’ является результатом переосмысления отношений с отцом, с матерью и со всей жизнью, приводит Аркадия к новой жизни и к трансформации «идеи».

## 6. Угол

С опорой на когнитивно-семантический анализ символа *угол* в таблице № 12 выделяются содержательные формы концепта, указанные в виде актуализированных смыслов, раскрывающихся в исповедальном дискурсе.

Таблица № 12. Ментальная парадигма *угол*

Составы причинности	Содержательные формы концепта	Актуализированные смыслы
Основание	концептум	‘место’
Условие	образ	<i>уединение</i>
Причина	понятие	<i>душа</i>
Цель	символ	‘свет’

Интерпретация концепта ‘угол’ может быть представлена следующим образом: ‘угол’ – это некое ‘место’, помысленное как *уединение души* с целью обретения ‘света’.

Интересно отметить, что В.В. Колесов определяет русский концепт ‘душа’ как «идеальную силу сознания, как органа жизни, которая стремится из самой себя» [Колесов 2021: 294]. Как было отмечено в предыдущем параграфе, ‘угол’ представлен как некое место в душе – именно в угол стремится субъект дискурса каждый раз, когда ему необходимо осмыслить ситуацию, возродиться – преодолеть смерть души.

В символе *угол* была выделена оппозиция ‘тьма’ ↔ ‘свет’, а концептуальный анализ показал, что это стремление души направлено смысловым вектором ‘свет’, который в процессе периодических метакогнитивных рефлексий ДЛ становится символизируемым лексемой *угол*.

## 7. Мрак

С опорой на когнитивно-семантический анализ символа *мрак* в таблице № 13 выделяются содержательные формы концепта, указанные в виде актуализированных смыслов, раскрывающихся в исповедальном дискурсе Ф.М. Достоевского.

Таблица № 13. Ментальная парадигма *мрак*

Составы причинности	Содержательные формы концепта	Актуализированные смыслы
Основание	концептум	‘состояние’
Условие	образ	<i>раздвоение, смерть</i>
Причина	понятие	<i>тьма, душа</i>
Цель	символ	‘свет’

Концепт ‘мрак’ можно интерпретировать как ‘состояние’ *раздвоения и смерти* во тьме в душе с целью обретения ‘света’. У В.В. Колесова ‘тьма’ – это «темнота как символ преодоления света», которая «окутывает весь мир ради участия в свете» [Колесов 2021: 258]. Таким образом, бинарная оппозиция прослеживается не только в исповедальном дискурсе Ф.М. Достоевского, но представляет диалогическую доминанту сознания русской ментальности – семантическую константу русской языковой картины мира. Смысловой вектор

‘свет’ является инвариантом, функционирующем на волитивном уровне, проявляющимся как сверхдоминантный вектор в символах *угол* и *мрак*.

## 8. Свет

С опорой на когнитивно-семантический анализ символа *свет* в таблице № 14 выделяются содержательные формы концепта, указанные в виде актуализированных смыслов, раскрывающихся в исповедальном дискурсе.

Таблица № 14. Ментальная парадигма *свет*

Составы причинности	Содержательные формы концепта	Актуализированные смыслы
Основание	концептум	‘взгляд’
Условие	образ	<i>надежда, вера, любовь</i>
Причина	понятие	<i>сознание, душа, совесть</i>
Цель	символ	‘единение’, ‘счастье’

Концепт ‘свет’ в исповедальном дискурсе романа «Подросток» можно интерпретировать как ‘взгляд’ с *надеждой, верой* и *любовью* в *сознание, душу* и *совесть* с целью обретения ‘единения’ и ‘счастья’.

Согласно интерпретации русского концепта В.В. Колесовым, ‘свет’ – это «*все являемое в явленности, что озаряет само себя, разделяя свет и тьму*» [Колесов 2021: 257]. В сравнении интерпретаций содержательных форм концепта интересно то, в русской языковой картине мира функционирует бинарная смысловая оппозиция ‘тьма’ – ‘свет’. А в исповедальном дискурсе романа «Подросток» только смысловой вектор ‘тьма’ стремится к концепту ‘свет’, ментальная парадигма которой раскрывается представлением о человеческих духовно-нравственных качествах. Это связано с тем, что смысловой вектор ‘свет’ становится инвариантом диалогической доминанты в рефлексивно-смысловой сфере сознания ДЛ – волитивной доминантой сознания.

## 9. Смех

С опорой на когнитивно-семантический анализ символа *смех* в таблице № 15 выделяются содержательные формы концепта, указанные в виде актуализированных смыслов, раскрывающихся в исповедальном дискурсе романа «Подросток».

Таблица № 15. Ментальная парадигма *смех*

Составы причинности	Содержательные формы концепта	Актуализированные смыслы
Основание	концептум	‘истина’
Условие	образ	<i>искренность</i>
Причина	понятие	<i>душа</i>
Цель	символ	‘веселость’, ‘злоба’, ‘доброта’

Интерпретация концепта ‘смех’ формулируется следующим образом: это ‘истина’ проявляющаяся как *искренность души* с целью отражения в ней ‘веселости’, ‘злости’ и ‘доброты’.

Сравним с интерпретацией В.В. Колесова: ‘смех’ – это «*воплощенная субъективность, выражающая атавистический признак природы человека и в качестве «завесы души» приводящая к судорожной веселости*» [Колесов 2021: 511]. Ментальная парадигма концепта ‘смех’ в русской языковой картине мира схожа по смысловому содержанию с интерпретацией концептуального квадрата концепта ‘смех’ в исповедальном дискурсе романа «Подросток». Целью-символом в определении В.В. Колесова является содержательная форма ‘судорожная веселость’. Можно предположить, что этот смысл – символизируемое смеха как проявления реакции, связанной с нервной системой. В результате анализа контекста романа «Подросток» была выявлена диалогическая доминанта ‘возбуждение’ ↔ ‘веселость’, отражающая восприятие смеха в картине мира ДЛ не как нервной реакции, а как психоэмоционального состояния, противопоставленного нервному возбуждению. В символе *смех* одной из диалогических доминант также является оппозиция ‘отвращение’ – ‘веселость’.

Причем качество души «веселость» Аркадий признает за высокое духовно-нравственное проявление смеха.

Инвариантом обеих диалогических доминант является актуализированный в символе смысл **‘веселость’**, который, соответственно, является сверхдоминантным вектором, «пронизывающим» когнитивно-эмоциональный и эмоционально-поведенческие уровни ДЛ, и признается волитивной доминантой сознания, функционирующей как стремление к чистоте и искренности *смеха* – проявлению требуемых психоэмоциональных качеств в процессе коммуникации.

На основании когнитивно-семантического анализа вербализаторов метакогнитивной рефлексии и их концептуального анализа выявлено стремление ДЛ к нейтрализации дуализма восприятия – к нейтрализации функционирования диалогической доминанты с целью обретения **‘единства’** восприятия окружающей действительности. Необходимо отметить, что выявленные волитивные доминанты сознания как сверхдоминантные векторы воздействуют на все уровни рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ, и, таким образом, провоцируют результат дальнейшей рефлексии и коммуникативного поведения субъекта исповедального дискурса.

Согласно анализу динамики развития рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ, главной функцией волитивных доминант является устранение внутренних противоречий, следствием которых становится ситуация автокоммуникации. Волитивная доминанта сознания представлена на глубинном протOVERBальном уровне как некая абстрактная смысловая сущность, обеспечивающая баланс внутри организации рефлексивно-смысловой сферы сознания личности, представленной в исповедальном дискурсе романа «Подросток».

На концептуальной стадии воплощения смыслов прослеживается функционирование волитивных доминантных векторов **‘счастье’**, **‘единение’**, **‘идеал’**, **‘истина’**, **‘любовь’**, **‘свет’**, **‘веселость’**, представляющих волитивный уровень рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ романа «Подросток».

Цель следующего параграфа – представить лингвокогнитивную модель рефлексивно-смысловой сферы сознания языковой личности как реализацию совокупности примененных в предыдущих параграфах методов.

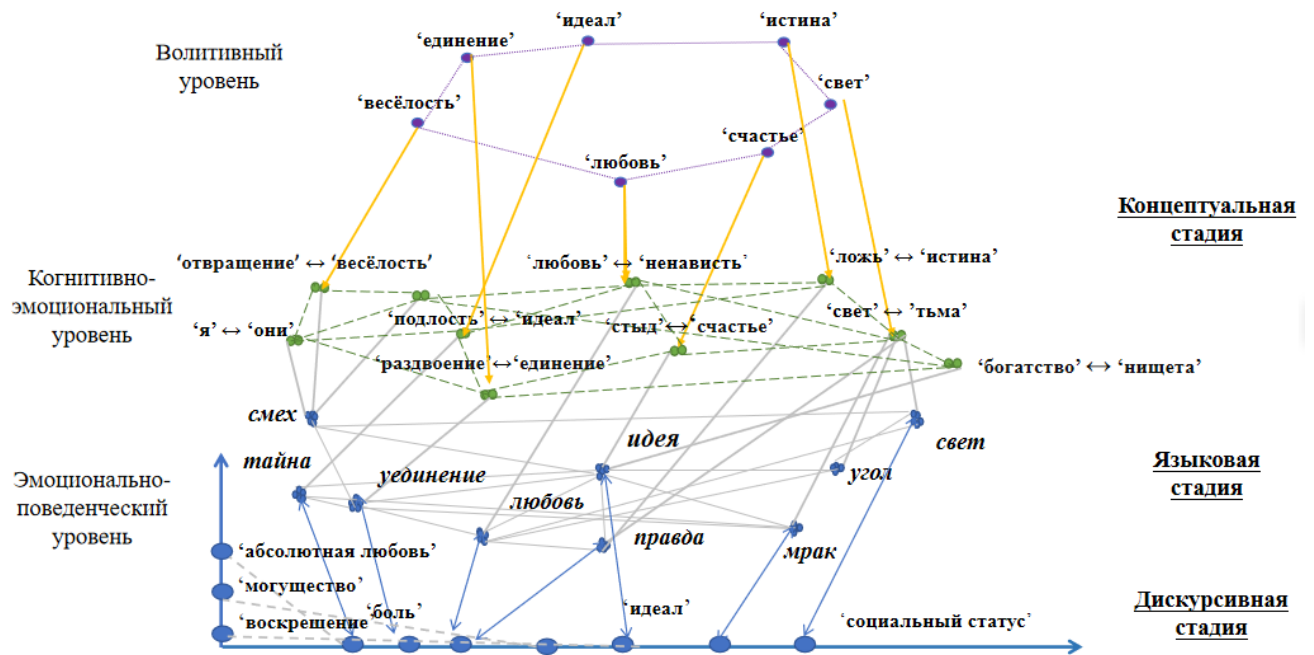
### **3.3. Полигональная модель рефлексивно-смысловой сферы сознания дискурсивной личности как реализация совокупности методов**

Моделирование рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ романа «Подросток» является реконструкцией результатов примененной лингвокогнитивной методики в форме системно организованных взаимосвязанных лексических, семантических и концептуальных сетей. Такая полигональная трехмерная модель является представлением триипостасной модели смысловой реализации (концептуальной, языковой и дискурсивной), совмещенной с функционально-семантической уровневой характеристикой представленных в модели единиц.

Необходимо отметить, что в связи с большим объемом данных на схеме № 8 в представленной Полигональной модели рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ исповедального повествования романа Ф. М. Достоевского «Подросток» демонстрируются не все выявленные компоненты полипарадигмальной системы.

На волитивном уровне представлены все выявленные волитивные доминанты, проявляющиеся на концептуальной стадии. На когнитивно-эмоциональном уровне ДЛ демонстрируются только 9 диалогических доминант из 25, которые позволяют проследить межуровневое взаимодействие. На эмоционально-поведенческом уровне представлены все вербализаторы (языковая стадия смысловой реализации) и смысловые приращения (6 из 213) вертикального и горизонтального контекстов романа «Подросток» (дискурсивная стадия смысловой реализации).

Схема № 8. Полигональная модель рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ исповедального дискурса романа Ф.М. Достоевского «Подросток»



Языковая картина мира личности образует определенную сеть взаимодействующих компонентов, которая в свою очередь взаимодействует с системой эмоциональных состояний с помощью перцептивно-ассоциативных связей, что, влияет как на поведение, так и на познание окружающей действительности и на самопознание. Поступки, совершаемые субъектом, являются причинами для рефлексивной динамичности – постоянного переосмысления результатов собственных действий. Фреймовый анализ и определение семантических ролей позволили выявить в контексте ситуаций автокоммуникации вербализаторы смысловых векторов, «пронизывающих» все проанализированные ситуации автокоммуникации. Лексические единицы в контексте (включающие аксиологемы и символы) представлены на языковой стадии смысловой реализации. Их когнитивно-семантический анализ позволил проследить, как через категории интенциональных модальностей (эмотивной, имажинативной, перцептивной и мотивационной) раскрываются имплицитные смысловые приращения на эмоционально-поведенческом уровне ДЛ. Картина мира субъекта исповедального дискурса раскрывается через категорию смысла. В результате выявления смысловых приращений было обнаружено, что на развертывание смыслов в горизонтальном контексте романа непосредственно

влияет вертикальный контекст – прецедентные феномены, образующие такие смысловые приращения, как ‘могущество’, ‘абсолютная любовь’ и другие.

В результате смыслообмена между вертикальным и горизонтальным контекстами, концептуальный аттрактор ‘идея’, вербализатором которого является лексема *идея*, обогащается смысловыми единицами разного характера, вступающими в оппозиционные отношения в восприятии, в воображении, в эмоциональном отклике и в мотивационном плане. Возникающие между смысловыми приращениями бинарные оппозиции становятся функциональными доминантными единицами на когнитивно-эмоциональном уровне ДЛ, которые отражают метакогнитивную рефлексию субъекта речи. В результате анализа такие оппозиции идентифицированы в качестве диалогических доминант сознания, проявленных на протOVERбальной стадии смысловой реализации.

Так как процессы когниции, проявления эмоций и поведения взаимосвязаны и взаимозависимы, то эмоционально-поведенческий и когнитивно-эмоциональный уровни ЯЛ представляют собой единую систему, структурные элементы которой выполняют разные функции. Когнитивно-эмоциональный уровень ДЛ исповедального дискурса романа «Подросток» представляет собой структуру, состоящую из диалогических доминант ‘любовь’ ↔ ‘ненависть’, ‘идеал’ ↔ ‘подлость’, ‘раздвоение’ ↔ ‘единение’ и других, отражающих двойственность мироосмысления в динамической картине мира субъекта исповедального дискурса. Функциональность диалогических доминант приводит к чередованию рефлексии и реального действия, направленного на организацию жизнедеятельности личности. А результат этой организации напрямую зависит от смысловых компонентов, входящих в смысловую оппозицию доминанты когнитивно-эмоционального уровня. Диалогические доминанты представляют собой результат коммуникации с действительностью, их оппозиции являются опытом речевого взаимодействия со множеством информационных носителей.

ПротOVERбальная (концептуальная) стадия смысловой парадигмы раскрывается также с помощью реконструкции ментальных парадигм концептов, стремящихся к вербализации в единицах языковой и дискурсивной стадий. На

волитивном уровне, представляющем в диссертации отображение феномена свободы воли человека, функционируют сверхдоминантные смысловые векторы – волитивные доминанты сознания, определяющие смысловой выбор ДЛ, влияющий на управление желаниями, на определение жизненной позиции, на регуляцию эмоций и коммуникативного поведения – на нейтрализацию бинарности оппозиции, ее трансформацию, а следовательно, на динамику развития картины мира. Такие сверхдоминантные смыслы и признаются в диссертации смысловыми единицами, определяющими волевою способность ЯЛ.

На основании результатов, полученных в диссертации, – модели рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ, предлагаются принципы создания идеографического авторского словаря интегративного типа.

На современном этапе развития отличительной чертой авторской лексикографии является «синтез филологии и культуры» [цит. по Шестакова 2010: 210]. Авторская лексикография – это инструмент для анализа идиостиля писателя. Основное направление современной авторской лексикографии связано с «составлением типологически и параметрически разных словарей языка русских писателей» [там же: 2011].

По мнению Л.Л. Шестаковой, одной из характерных черт современной авторской лексикографии является «серийность», например, выпуск серий одноаспектных и многоаспектных словарей образующих «сеть» содержательных характеристик, поэтапно раскрывающих свойства и особенности языка писателя, таким является Словарь языка Ф.М. Достоевского, включающий несколько типов словарей [там же: 219]. С экстралингвистической информацией в индивидуально-авторской картине мира связана глобальная структура авторского идеографического словаря [Глазырин 2024]. Структура идеографического словаря должна опираться «на саму природу языковых множеств, их строение», представленное с определяемой исследуемым материалом полнотой [Короглу 2018: 144]. При составлении словаря учитывается принцип когнитивности, раскрывающий процессы осмысления и формирования знаний, полученного и получаемого ДЛ опыта [Колоколова 2013].

Составление словаря учитывает следующие критерии организации представляемого материала [Зыкова 2020]:

1) по типу сведений – лингвистический и экстралингвистический характер описания;

2) по цели описания – регистрация и описание проявляющихся в исповедальном дискурсе Ф.М. Достоевского смысловых векторов, смысловых приращений к ним, диалогических доминант и волитивных доминант рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ;

3) по количеству писателей и произведений – монографический;

4) по числу языков – одноязычный;

5) по целевой аудитории – адресованность специалистам в сфере когнитивной лингвистики, так как в словаре представлено смысловое развертывание рефлексивных многоуровневых процессов в дискурсе; и исследователям творчества Ф.М. Достоевского, так как дискурсивный план романа «Подросток» раскрывается в словаре в аспекте психосемантики субъекта исповедального повествования.

Предлагаемый лексикографический проект представлен в **Приложениях А, Б и В**. В словаре такого типа представляются лексемы-вербализаторы метакогнитивной рефлексии ДЛ, в которых актуализированы смысловые векторы ситуаций автокоммуникации смысловые приращения к ним, диалогические доминанты и волитивные доминанты сознания ДЛ. Цель создания данного лексикографического проекта – представление систематизированных групп смысловых цепочек и доминант, объединенных парадигмой «Рефлексивно-смысловая сфера сознания ДЛ», которая является формой выражения категории смысла исповедального дискурса. В словаре дается описание совокупности концептуальных, языковых и дискурсивных единиц и их функций в рефлексивно-смысловой сфере сознания ДЛ романа Ф.М. Достоевского «Подросток».

В отличие от традиционных алфавитных толковых словарей, в предлагаемом идеографическом авторском словаре описание строится не в алфавитном порядке, а от первичности возникновения смыслового вектора в рефлексивно-смысловой

сфере сознания ДЛ, а внутри словарной статьи информация разбивается на сегменты (в зависимости от эмоционально-поведенческого, когнитивно-эмоционального и волитивного уровней).

Объективным регулятором выборки материала для словаря является смысловая категория, представленная смысловыми векторами, выявленными в результате фреймового анализа ситуаций автокоммуникаций ДЛ в романе. Вокруг данных смысловых векторов строится рефлексивно-смысловая сфера сознания ДЛ, составляющая парадигму смыслов, организованную по векторным функциям. Реконструкция данной парадигмы раскрывает смысловую динамику в процессе рефлексии, ее осмысление, способы смысловой организации дискурса романа, в котором представлено духовно-нравственное становление представителя молодого поколения второй половины XIX, осмысляющего взаимоотношения с собой, с родителями, с обществом и с окружающей действительностью.

Концепция словаря позволит отобразить фрагмент картины мира Ф.М. Достоевского, репрезентированный в рамках исповедального дискурса романа. Представленный языковой материал рассматривается как инструмент, который участвует в формировании концептуальной картины мира ДЛ, а принцип когнитивности направлен на систематизацию представляемых в ней единиц концептуализации и категоризации внеязыковой действительности. Вербализаторы смысловых векторов – заголовочные слова – являются основными единицами обработки, хранения и передачи знаний в процессе автокоммуникации как способа представления рефлексивно-смысловой сферы сознания ЯЛ.

### Выводы по ГЛАВЕ 3

Примененная лингвокогнитивная методика исследования позволила смоделировать систему организации рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ исповедального дискурса романа Ф.М. Достоевского «Подросток».

1. На первом этапе анализа материала был применен фреймовый анализ пяти контекстов романа, в которых представлены ситуации автокоммуникации субъекта дискурса, а также были выявлены доминантные смыслы, проявляющиеся в процессе внутреннего диалога; определены их вербализаторы.

В результате фреймового анализа условно названных ситуаций автокоммуникаций определен концептуальный аттрактор 'идея' как ментальная инвариантная единица, вокруг которой образуется потенциосфера на языковой стадии смысловой реализации, к которой стремятся смысловые векторы аксиологем *уединение, тайна, правда* и *любовь* и символов *угол, мрак, свет* и *смех*.

2. Методом сплошной выборки словоупотреблений лексем, аксиологем и символов в тексте романа был отобран контекст для выполнения когнитивно-семантического анализа вербализаторов рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ.

3. Когнитивно-семантический анализ позволил определить имплицитные смысловые приращения, функционирующие на эмоционально-поведенческом уровне ДЛ, а также определить смысловые оппозиции, проявляющиеся на когнитивно-эмоциональном уровне ДЛ в качестве диалогических доминант сознания – смысловых оппозиций внутреннего диалога.

На эмоционально-поведенческом уровне всего было выявлено 213 смысловых приращений к смысловым векторам 'идея', 'тайна', 'уединение', 'правда', 'любовь', 'угол', 'мрак', 'свет', 'смех'.

На когнитивно-эмоциональном уровне было выявлено всего 25 диалогических доминант рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ.

4. Анализ интертекстуальных компонентов позволил установить, что аксиологическая составляющая исповедального дискурса связана с восприятием

Ф.М. Достоевским творчества А.С. Пушкина, с существующим в конце XIX века идеологическим противостоянием позитивистских установок и духовно-нравственных русских религиозных идей, а также с восприятием учений Христа, изложенных в Евангелии от Матфея.

5. Концептуальный анализ с опорой на концептологию В.В. Колесова позволил выявить сверхдоминантные смысловые векторы, определяющие динамику развития концептуальной и языковой картин мира личности – волитивные доминанты сознания рефлексивно-смысловой сферы исповедального дискурса Ф.М. Достоевского. Всего выявлено 6 волитивных доминант рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ.

6. Результатом примененных лингвокогнитивных методов стала модель рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ исповедального дискурса романа Ф.М. Достоевского, представленная в форме полигональной сети взаимодействия единиц языковой стадии смысловой реализации, анализ которых раскрывает эмоционально-поведенческий уровень личности; единиц дискурсивной стадии – и единиц концептуальной стадии – диалогических доминант, функционирующих на когнитивно-эмоциональном уровне, и волитивных доминант, представляющих волитивный уровень. Таким образом, результатом применения лингвокогнитивной методики стала трехуровневая модель, раскрывающая функционирование триипостасной категории смысла на трех психоэмоциональных уровнях рефлексивно-смысловой сферы ДЛ в романе Ф.М. Достоевского «Подросток». Сконструированная модель применяется при разработке макета идеографического авторского словаря интегративного типа.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное диссертационное исследование представляет собой опыт моделирования полигональной модели рефлексивно-смысловой сферы сознания дискурсивной личности в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» как смысловой парадигмы исповедального дискурса, отражающей его психосемантические особенности – диалогическое сознание субъекта исповеди и смысловое представление феномена воли.

Специфика исповедального дискурса романа определена отражением рефлексивности сознания дискурсивной личности, обусловленной смысловой полифонией контекстов в романе. Анализ с представлением в форме схем фреймовой семантики контекстных ситуаций автокоммуникации позволил выявить стержень рефлексивно-смысловой сферы сознания – категорию смысла, представляющую процесс метакогнитивной рефлексии субъекта речи и способы его репрезентации.

Данный подход осуществлялся в комбинации с когнитивно-семантическим и концептуальными методами анализа контекста романа «Подросток», что позволило поэтапно проследить, как происходит процесс смысловой реализации рефлексии субъекта исповедального дискурса на концептуальной, языковой и дискурсивной стадиях. Так, выделены смысловые векторы ситуаций автокоммуникаций ‘идея’, ‘тайна’, ‘уединение’, ‘правда’, ‘любовь’, ‘угол’, ‘мрак’, ‘свет’, ‘смех’, «пронизывающие» ситуации автокоммуникации в романе, и их вербализаторы с соответствующей номинацией.

Когнитивно-семантический анализ вербализаторов метакогнитивной рефлексии ДЛ позволил выявить бинарные смысловые оппозиции – диалогические доминанты сознания. Установлено, что данные бинарные единицы отражают психоэмоциональные процессы, связанные со столкновением «Я»-позиций ДЛ, что, в свою очередь, влияет на описание коммуникативного поведения, его эмоционального сопровождения и процессов познания и памяти. В частности,

диалогическая доминанта 'ненависть' ↔ 'любовь' отражает осмысление противостояния чувств и связанных с ними мыслей субъекта.

Концептуальный анализ волитивных доминант сознания позволил установить, что сверхдоминантными единицами рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ являются такие смысловые векторы, которые отражают метакогнитивный выбор субъекта речи, являются концептуальными основаниями второго этапа категоризации, раскрывающего психо-гносеологический аспект этого процесса. Так, например, волитивная доминанта 'единение' представляет собой протOVERбальный инвариант, который формируется на базе смысловых приращений в контексте романа «Подросток».

Примененная лингвокогнитивная методика позволила представить на практике разработанную терминологическую систему и расширить определения таких терминов, как «исповедальный дискурс», «рефлексивно-смысловая сфера сознания» ДЛ, «диалогическая доминанта сознания» и «волитивная доминанта сознания».

Подтверждение гипотезы исследования обосновано результатами, полученными в ходе анализа эмпирического материала. Рефлексивно-смысловая сфера сознания дискурсивной личности в исповедальном повествовании романа Ф.М. Достоевского «Подросток» представлена как когнитивно-семантическая парадигма, ядром которой является категория смысла, определяющая себя через смысловые векторы, пронизывающие все уровни субъективизации поступающей и порождаемой информации, объективным регулятором которой является процесс автокоммуникации в рамках исповедального дискурса.

В качестве результата эмпирической части диссертационного исследования впервые представлена *полигональная (трехмерная) модель рефлексивно-смысловой сферы сознания* ДЛ романа Ф.М. Достоевского «Подросток». Процесс моделирования объемной «композиции» включал работу с трехмерной категорией смысла, состоящей из протOVERбального, вербального и дискурсивного компонентов в рамках трехуровневой организации ДЛ, репрезентированной эмоционально-поведенческим, когнитивно-эмоциональным и волитивным

уровнями. Такая модель является вкладом в разработку исследования ДЛ как динамичного и развивающегося феномена, который в данном диссертационном исследовании рассматривается как вариант более широкого понятия, гиперонима (инварианта) – ЯЛ. Созданная полигональная (трехмерная) модель позволила описать в рамках волитивного уровня феномен свободы воли человека, во многом зависящего от инвариантных смысловых векторов, которыми ЯЛ наполняет свои мысли, эмоции и поступки, воздействуя тем самым на процессы рефлексии и следующего за ней коммуникативного поведения.

На основе представленной модели в рамках диссертации подготовлен лексикографический проект – авторский идеографический словарь интегративного типа «Рефлексивно-смысловая сфера дискурсивной личности исповедального повествования романа Ф.М. Достоевского “Подросток”». Материалы словаря позволяют проследить, как функционирует волитивная доминанта сознания ДЛ, как в рефлексивно-смысловой сфере сознания смысловые векторы порождают процесс формирования бинарных оппозиций – диалогических доминант когнитивно-эмоционального уровня ДЛ.

В макете словаря приводится объемный иллюстративный материал, включающий контексты романа, прецедентные тексты и экстралингвистическую информацию, что позволяет проследить источник и характер смыслового развертывания в исповедальном дискурсе Ф.М. Достоевского, а также наблюдать процесс, связанный со смысловой диффузией на трех уровнях ДЛ. Так, например, волитивная доминанта сознания ‘счастье’ признается сверхдоминантным смысловым вектором, воздействующим на оппозицию диалогической доминанты ‘стыд’ ↔ ‘счастье’, которая выявляется из имплицитных смысловых приращений ‘страх’ → ‘обида’ → ‘развратность’ → ‘месть’ → ‘стыд’ ↔ ‘счастье’ ← ‘спокойствие’ ← ‘умиротворение’, и представляет собой протовербальный определяющий фактор дальнейшей организации рефлексии и действия субъекта исповедального дискурса.

Авторский идеографический словарь интегративного типа, сочетающий лексикографическую работу с анализом исповедального дискурса романа

«Подросток», – это инструмент для комплексного изучения языка, дискурса и психосемантических аспектов мировоззрения Ф.М. Достоевского. Развитие данного лексикографического проекта способствует углубленному пониманию ДЛ, ее мировидения, а в более широком контексте – может расширить поиск способов категоризации мира в ее психо-гносеологическом аспекте.

Разработанная в диссертации методика может быть применена как к дальнейшему изучению исповедальных текстов писателя, так и к другим текстам с целью исследования картины мира ЯЛ и ее вариантной версии – ДЛ. Методика полигонального анализа может быть использована не только для исследования исповедального повествования, но и других видов дискурсов. Макет авторского идеографического словаря интегративного типа «Рефлексивно-смысловая сфера дискурсивной личности исповедального повествования романа Ф.М. Достоевского “Подросток”» является образцом для применения принципов данного лексикографического проекта к другим подобным разработкам.

Перспективой разработки словаря является его расширение (на основе дальнейшего исследования исповедального повествования писателя) и представление в электронном виде идеографического словаря интегративного типа «Рефлексивно-смысловая сфера дискурсивной личности исповедального повествования романа Ф.М. Достоевского “Подросток”».

К перспективам разработки дальнейшего исследования относятся применение предложенной методики для комплексного анализа исповедального дискурса Ф.М. Достоевского, результаты которого позволят расширить объем представленной рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ; а также применение предложенной методики для комплексного анализа исповедального дискурса XIX–XX веков с целью моделирования рефлексивно-смысловой сферы сознания русской ЯЛ данного периода.

**СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**

1. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-семасиологическое содержание языкового знака / Н.Ф. Алефиренко // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 3(48). С. 5-10.
2. Алтабаева Е.В. Многоаспектный подход в исследовании категорий естественного языка (на материале категории оптативности) / Е.В. Алтабаева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 26-35. DOI 10.18384/2310-7278-2023-3-26-35.
3. Алтабаева Е. В. Аксиология желаний в системе ценностей русского человека (по роману М. А. Шолохова «Они сражались за Родину») / Е.В. Алтабаева // Отечественная филология. 2025. № 3. С. 8-17. DOI 10.18384/2949-5008-2025-3-8-17.
4. Андриюшкова Н.П. Рефлексивно-смысловые параметры личностной зрелости / Н.П. Андриюшкова // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2023. № 3. С. 51-64. DOI 10.18384/2949-5105-2023-3-51-64.
5. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е и зд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. VIII с. 472 с.
6. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1973. № 1. Т. 32. С. 84-89.
7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. 2. изд., испр. М.: «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
8. Ахиджакова М.П., Донскова Л.А. Эмотивность и коммуникативная толерантность в структуре эмоциональности художественного текста / М.П. Ахиджакова, Л.А. Донскова // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 3. С. 67-78. DOI 10.18522/2070-1403-2021-86-3-67-78.

9. Ахраменко Л.С. Роль модальности в реализации прагматической установки автора в публицистическом дискурсе / Л.С. Ахраменко // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2021. № 1. С. 77-86.
10. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Из-во Урал. Ун-та. 1989. 184 с.
11. Бабушкин А.П., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика и семасиология. Монография. Воронеж : ООО «Ритм», 2018. 229 с.
12. Барканова О.В. Методики диагностики эмоциональной сферы: психологический практикум /сост. О.В. Барканова. Красноярск: Литера-принт, 2009. 237 с.
13. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Идиоматика Достоевского vs. идиоматика современного русского языка / Корпусная модель идиостиля Достоевского / Е.А. Балашов, А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселева, А.Д. Козеренко, М.М. Коробова, М.Н. Михайлов, Е.А. Осокина, Н.А. Фатеева, Л.Л. Федорова, Е.В. Шарапова / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М.: ЛЕКSRУС, 2021. С. 39-55.
14. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
15. Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Фатеева Н.А. Идиостиль Достоевского: направления изучения / Корпусная модель идиостиля Достоевского / Е.А. Балашов, А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселева, А.Д. Козеренко, М.М. Коробова, М.Н. Михайлов, Е.А. Осокина, Н.А. Фатеева, Л.Л. Федорова, Е.В. Шарапова / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М.: ЛЕКSRУС, 2021. С. 9-20.
16. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
17. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. М.: Худож. лит, 1986. 541 с.
18. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. М.: «Эксмо», 1929, 1963. 308 с.

19. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
20. Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского. М.: Т8 RUGRAM, 2018. 102 с.
21. Богданова О.А. Рецепция романа Ф.М. Достоевского «Подросток» в исследованиях русских авторов 1900-1940-х гг.: религиозно-философское осмысление, биографика, психоанализ // ДМКФ. 2021. №3 (15). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retseptsiya-romana-f-m-dostoevskogo-podrostok-v-issledovaniyah-russkih-avtorov-1900-1940-h-gg-religiozno-filosofskoe-osmyslenie> (Дата обращения 04.06.2025).
22. Богомолова А.В. Языковая личность vs дискурсивная личность: от общего к частному / А.В. Богомолова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 3. С. 5-19. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-3-5-19.
23. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н.Н. Болдырев. М-во обр. и науки РФ. Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоциация лингвистов-когнитологов. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 236 с.
24. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2(7). С. 5-22.
25. Болдырев Н.Н., Григорьева В.С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15-24. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-4-15-24
26. Бройтман С.Н. Теория литературы: Учеб. Пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тмарченко. Т 2: С.Н. Бройтман Историческая поэтика. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 368 с.

27. Бронник Л.В. Типы аттракторов концептов в дискурсе / Л.В. Бронник // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. № 4. С. 91-96.
28. Брумфилд У.К. Россия и Запад в «педагогическом» романе Ф. Достоевского «Подросток» / У.К. Брумфилд // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 214-222.
29. Бушуева Л.А. Фреймовая модель нечестных поступков (на материале русского языка) / Л.А. Бушуева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 62. С. 33-53. DOI 10.17223/19986645/62/3.
30. Вахонина О.В. Фреймовая модель когнитивного процесса / О. В. Вахонина // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 6. С. 6.
31. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ А.Д. Шмелева. М. Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
32. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: [пер. с англ.] / А. Вежбицкая; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Рус. слов., 1996. 411 с.
33. Виноградова Н.В., Бондаренко А.В. Чувственный образ: сущность и его роль в процессе интуитивного познания / Н.В. Виноградова, А.В. Бондаренко // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. Т. 15, № 3. С. 254-257.
34. Винокур Г.О. О языке художественной литературы / Г.О. Винокур. М., 1991.
35. Волкова В.О. Имагинация как феномен познания / В.О. Волкова, Н.В. Малахова, И.Е. Волков // Философская мысль. 2021. № 6. С. 54-66. DOI 10.25136/2409-8728.2021.6.35761.
36. Воркачев С.Г. Принципы семантического портретирования лексики / Лингвокультурная концептология: учебное пособие / С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.И. Маслова, М.В. Пименова; под ред. М.В. Пименовой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2025. 288 с.

37. Выготский Л.С. Мышление и речь: психологические исследования / Л.С. Выготский // под ред. и со вступ. статьей В. Колбановского. М., Л.: Соцэкгиз, 1934. 324 с.
38. Выготский Л.С. Проблемы общей психологии / Под ред. В. В. Давыдова. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. С. 457.
39. Гавлин М.Л. Из истории российского предпринимательства: династия Фон Мекк: Науч.-аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. М., 2000. 76 с.
40. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е стереотипное. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
41. Глазырин В.А. Индивидуально-авторская картина мира О.Э. Мандельштама в лексикографическом представлении: принципы создания авторского идеографического словаря: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 5.9.8 / В.А. Глазырин; [Место защиты: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина]. Екатеринбург, 2024. 23 с.
42. Глушкова С.А., Сафронова Е.Ю. Мотив лакейства в романах Ф.М. Достоевского «Игрок» и «Подросток» / С.А. Глушкова, Е.Ю. Сафронова // Университетский научный журнал. 2022. № 68. С. 215-222. DOI 10.25807/22225064\_2022\_68\_215.
43. Гольдман А.А., Тихонова Е.Э. Опыт интерпретации постмодернистского текста (на материале рассказа Бобби Энн Мейсон «Шайло») / А.А. Гольдман, Е.Э. Тихонова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2021. № 6(86). С. 51-58. DOI 10.25587/x5731-3088-2289-m.
44. Горячева Е.Д. Коммуникативно-прагматический потенциал диалогической модальности в автобиографическом дискурсе / Е.Д. Горячева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, № 4. С. 1660-1666. DOI 10.30853/phil20250235.

45. Грунина Е.О. Языковая личность ребенка в русской современной художественной литературе: на материале произведений Н. Абгарян: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Грунина Евгения Олеговна; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»]. М., 2022. 180 с.
46. Даренский В.Ю. Символика имени «Ротшильд» в романе «Подросток» Ф.М. Достоевского / В.Ю. Даренский // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2022. № 3. С. 22-29.
47. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: Сборник к 70-летию Т.М. Николаевой / Под ред. В.Н. Топорова. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34-55.
48. Дзюба Е.В. Когнитивная лингвистика [Текст] : учебное пособие для высших учебных заведений / Е. В. Дзюба ; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург : [б. и.], 2018. 280 с.
49. Дзюбенко А.И. Фреймовая структура художественного вымысла: лингвопрагматический аспект (на материале романа В.В. Орлова «Аптекарь») / А.И. Дзюбенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 8. С. 2565-2571. DOI 10.30853/phil20240365.
50. Донскова Л.А. Коммуникативная толерантность и эмотивность в художественном тексте: функционально-прагматический аспект: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Донскова Людмила Александровна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»]. Майкоп, 2021. 207 с.
51. Достоевский Ф.М. Записная книжка 1872-1875 гг. / Литературное наследие. Т. 83 / под ред. А.Т. Лившиц. М.: Издательство «Наука», 1971. 726 с.
52. Достоевский Ф.М. Подросток: роман / Ф. Достоевский. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 480 с.
53. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Публицистика. Письма. Т. 18. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. 1978. 371 с.
54. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Публицистика и письма. Т. 28/1. Л. : «Наука». 1985. 552 с.

55. Живолупова Н.В. Христология Достоевского и Чехова: между антигероем и идеальной человечностью // Достоевский и мировая культура. СПб., 2003. №19. С. 159-174.

56. Живолупова Н.В. Проблема авторской позиции в исповедальном повествовании Достоевского 60-70-х гг. «Записки из подполья», «Подросток» [Текст]: монография / Н.В. Живолупова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, ФГБОУ ВО «НГЛУ им. Н.А. Добролюбова». Нижний Новгород: Дятловы горы, 2018. 229 с.

57. Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество. (Избранные труды). // Н.И. Жинкин, С.И. Гиндин, М.В. Прокопович. М. : Издательство «Лабиринт». 1998. 368 с.

58. Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семиозиса / А.А. Залевская // Вопросы психолингвистики. 2016. № 29. С. 93-102.

59. Зудилина Н.В. Учение Платона о трех типах образов (эйдос, эйкон, эйдолон) как источник смысла «мнимый» у понятия «виртуальный» / Н.В. Зудилина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2020. Т. 6 (72), № 1. С. 35-45.

60. Зыкова И.В. Общая концепция, методология и актуальные проблемы словаря нового типа «Идиоматика русского авангарда» в контексте современных тенденций авторской лексикографии / И.В. Зыкова // Вопросы лексикографии. 2020. № 17. С. 131-160. DOI 10.17223/22274200/17/7.

61. Иванова Ю.В. Количественный подход как способ верификации результатов качественного анализа художественного текста (на примере произведений Ч. Диккенса) / Ю.В. Иванова // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6(91). С. 475-478. DOI 10.24412/1991-5497-2021-691-475-478.

62. Иванцова Е.В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии / Е.В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3(4). С. 27-43.

63. Изард К.Э. Психология эмоций / [Перевод на русский язык ЗАО Издательский дом «Питер»]. СПб.: Питер, 2006. 464 с.
64. Измагурова В.Л. Феномен аутокоммуникации как фактор развития сознания / В.Л. Измагурова // Коммуникология. 2015. Т. 3. № 4. С. 31-42.
65. Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Волгоградский гос. пед. ун-т. Волгоград, 1998. 19 с.
66. Кабрин В.И. Холистическая модель когнитивно-ноэтического развития личности / В.И. Кабрин // Сибирский психологический журнал. 2021. № 81. С. 6-27. DOI 10.17223/17267081/81/1.
67. Кабрин В.И. Коммуникативная психосемантика индивидуального образовательного мира личности / В.И. Кабрин, Э.В. Галажинский // Сибирский психологический журнал. 2023. № 89. С. 28-43. DOI 10.17223/17267080/89/2.
68. Казаков А.В. Импликативные механизмы развития образа / А.В. Казаков // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2006. № 15. С. 67-70.
69. Казарин Ю.В. Поэтический текст как система: Монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 1999. 260 с.
70. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
71. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
72. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Институт психологии РАН, 2004. 424 с.
73. Касаткина К.В. Тип «подпольного человека» в русской литературе XIX – первой трети XX в.: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Касаткина Ксения Вадимовна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. М., 2016. 201 с.
74. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

75. Ковырзенкова Т.В. Парадоксалист в «Записках из подполья» Ф.М. Достоевского: между «героем» и «антигероем» / Т.В. Ковырзенкова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 1-1. С.116-120.
76. Колесов В.В. Концептуальное поле русского сознания. СПб.: Изд-во РПГУ им. Герцена, 2021. 612 с.
77. Колесов В.В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.
78. Колесов В.В. Пименова М.В. Введение в концептологию: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2016. 248 с.
79. Колесов В.В. «Первосмысл» концепта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 438-452. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.309>
80. Колесов В.В. Концептуальное поле русского сознания / В.В. Колесов // Вопросы психолингвистики. 2022. № 4(54). С. 100-115. DOI 10.30982/2077-5911-2022-54-4-100-115.
81. Колодина Н.И. Уровни концептуального соответствия при кодировании в условиях нарушения и сохранности слуха / Н.И. Колодина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 85-112. DOI 10.17223/19986645/80/5.
82. Колоколова Л.П. Функционально-когнитивный словарь – новый тип идеографического словаря / Л.П. Колоколова // Филология и человек. 2013. № 1. С. 53-64.
83. Колядко С.В. Эмотивный анализ поэтического произведения / С.В. Колядко // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1(24). С. 45-51. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-45-51.
84. Корниенко Е.Р. Полидискурсивный портрет языковой личности: когнитивно-стилистический аспект (на материале корпуса текстов Н.И. Новикова): диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Корниенко Елена Реевна; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»]. Архангельск, 2021. 452 с.

85. Короглу Л.А. Принципы составления «Идеографического словаря языка И. Гаспринского» / Л.А. Короглу // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7-1(85). С. 142-146. DOI 10.30853/filnauki.2018-7-1.32.

86. Костомарова Н.А. Семантический фрейм в структуре ментального лексикона человека (на примере семантического фрейма «Человек») / Н.А. Костомарова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 3(31). С. 23-33.

87. Котельникова А.Н. «Контртекст» как средство вербализации доминанты в процессе понимания иноязычного текста: диссертация ... кандидата филологических наук: 5.9.8. / Котельникова Анастасия Николаевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»; Диссовет 24.2.479.08 (24.2.479.08)]. Пермь, 2023. 200 с.

88. Кочетков А.Н. Проблема авторской позиции в исповедальном повествовании Достоевского 60-70-х гг. / А.Н. Кочетков // Язык. Культура. Коммуникация. 2019. № 22. С. 317-323.

89. Кравцов Г.Г. Онтогенез воли / Г.Г. Кравцов // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2012. № 15(95). С. 29-41.

90. Кравченко А.В. Язык и природа человечности (приглашение к дискуссии) / А.В. Кравченко // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, № 3. С. 7-24. DOI 10.5922/2225-5346-2022-3-1.

91. Красикова Е.А. Когнитивные доминанты смыслового пространства «часть-целое» в современном английском языке : диссертация ... кандидата филологических наук: 5.9.6. / Красикова Елизавета Александровна; [Место защиты: Московский государственный лингвистический университет; Диссовет Д 212.135.XX (24.2.330.03)]. Москва, 2022. 184 с.

92. Криницын А.Б. Сюжет и идейные мотивы драмы А.С. Пушкина «Скупой рыцарь» в творчестве Ф.М. Достоевского / А.Б. Криницын // 225. Сборник статей к юбилею Александра Сергеевича Пушкина. М.: Р. Валент, 2024. С. 200-209.

93. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Пер. с франц. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 656 с.

94. Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семанализу / Пер. с франц. Э. А. Орловой. М.: Академический Проект, 2013. 285 с.
95. Кубрякова Е.С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Язык. Личность. Текст: Сборник к 70-летию Т.М. Николаевой / Под ред. В.Н. Топорова. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 26-27.
96. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
97. Кудлай О.С. Исповедь как литературная форма: истоки возникновения / О.С. Кудлай // Новый филологический вестник. 2023. № 3(66). С. 28-37. DOI 10.54770/20729316-2023-3-28.
98. Кудряшева Ф.С. Прецедентное имя как проявление интертекстуальности в художественном тексте (на материале романа А. Макина «Французское завещание») / Ф.С. Кудряшева // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21, № 3. С. 693-697.
99. Кузнецов А.В. Химера натурализма и свобода воли / А.В. Кузнецов // *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. 60, no. 1, 2023, pp. 221-240.
100. Кузьмина М.А. Мезоанализ концепта общение и оценочных ассоциативных доминант / М.А. Кузьмина // Вопросы психолингвистики. 2021. № 4(50). С. 136-161. DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-136-161.
101. Кустовская М.А. Концепция «живой жизни» в творчестве Ф.М. Достоевского / М.А. Кустовская // Проблемы исторической поэтики. 2011. № 9. С. 169-179.
102. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова., М.: Едиториал УРСС. 2004. 256 с.
103. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание: Избр. работы: [Учеб. пособие для фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов] / Б.А. Ларин. М.: Просвещение, 1977. 224 с.
104. Левицкий А.Э. Дискурсивная ситуация и проблема понимания в аспекте референтности и коммуникативности / А.Э. Левицкий // Актуальные

проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 1. С. 12-22.  
DOI 10.29025/2079-6021-2019-1-12-22

105. Ленько Г.Н. Анализ категории эмотивности и смежных с нею понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т. 1. № 1. 2015. С. 84-91.

106. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. 3-е изд. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. 287 с.

107. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учебное пособие / А.Н. Леонтьев. 2-е издание, стереотипное. М.: Смысл: Академия, 2005. 352 с.

108. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. М.: Смысл, 2003а. 487 с.

109. Лосев А.Ф. Платон; Аристотель / А. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи. М.: Мол. гвардия, 1993. 383 с.

110. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., «Искусство», 1976. 367 с.

111. Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство СПб, 2000. С.159-165.

112. Луцевич Л.Ф. Автобиографические исповеди в литературе: Претексты, Тексты. Контексты / Л.Ф. Луцевич; Институт мировой литературы им А.М. Горького РАН. М.: Наука, 2020 г. 502 с.

113. Маркосян Г.Э., Савелло Е.В. Взаимодействие когнитивных и эмотивных обертонов смысла в релятивных конструкциях / Г.Э. Маркосян, Е.В. Савелло // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 205-208.

114. Маслова В.А., Пименова М.В. Индивидуально-авторская картина мира: концептуальный подход: учебное пособие / В.А. Маслова, М.В. Пименова. СПбГЭУ.: Изд-во СПбГЭУ, 2023. 255 с.

115. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В.А. Маслова. 2-е изд. Мн.: ТетраСистемс, 2005. 256 с.

116. Маслова В.А. Поэт и культура. Концептосфера Марины Цветаевой. М.: Флинта, 2004. 255 с.
117. Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. М.: Энергия, 1979. 151 с.
118. Михайлова О.А. Дискурсивная личность: опыт лингвоаксиологического анализа / О.А. Михайлова, Ю.Н. Михайлова // Политическая лингвистика. 2021. № 6(90). С. 23-31. DOI 10.26170/1999-2629\_2021\_06\_02.
119. Мочульский К.В. Достоевский жизнь и творчество / К. Мочульский. 1. réimpr. Paris : YMCA-press, 1980. 561 с.
120. Нестерова О.А. К инструментализации исследования языковой личности: методика психолингвистического анализа / О.А. Нестерова // Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С. 739-741.
121. Нестерова Т.П. Миробраз античной мифологии в русской исторической поэзии первой трети XIX века / Т.П. Нестерова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2008. № 5. С. 96-101.
122. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие. 2-е изд. доп. и испр. СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. 819 с.
123. Новиков Л.А. Семантика русского языка: Учеб. пособие. М.: Высш. школа. 1982. 272 с.
124. Новиков Л.А. Эскиз семантического поля / Л.А. Новиков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 2. 2011. С. 7-17.
125. Орехов А.М., Полубояринов А.М. Общая характеристика идеологической семиологии на основе семиологической теории Ролана Барта / А.М. Орехов, А.Р. Полубояринов // Социально-политические науки. 2024. Т. 14, № 4. С. 213-219. DOI 10.33693/2223-0092-2024-14-4-213-219.
126. Переволочанская С.Н. Концептуальная «оплотненность» смысла // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Том 11. Номер 4 (6). С. 1587-1595.

127. Переволочанская С.Н. Нелинейная архитектура смысла в семиотическом пространстве стихотворения в прозе «Христос» И.С. Тургенева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Том 18. Выпуск 9. С. 3943-3953. <https://doi.org/10.30853/phil20250540>
128. Переволочанская С.Н. Стереометрия смысла / С.Н. Переволочанская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2006. № 1. С. 32-34.
129. Переволочанская С.Н. Фрактальное пространство смысла как динамический феномен / С.Н. Переволочанская // Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования: Материалы V Международной научной конференции. 21-22 марта 2025 г. Выпуск 5. Часть 1. М.: РГУ им. А. Н. Косыгина, 2025. С. 130-139.
130. Петренко В.Ф. Многополярная культура Единого Человечества / В.Ф. Петренко // Век глобализации. 2016. № 1-2(17-18). С. 126-132.
131. Петренко В.Ф., Супрун А.П. Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики. 2-е изд., доп. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 380 с.
132. Пименова М.В. Концептология на современном этапе (способы исследования концептуальных структур) / М.В. Пименова // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 5. С. 13-22. DOI 10.21209/1996-7853-2017-12-5-13-22.
133. Подорога В.А. Рождение двойника. План и время в литературе Ф. Достоевского / Валерий Подорога. М. : Группа компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. 418 с.
134. Поляруш А.А. Отношение русских социологов XIX века к Европейскому позитивизму / А.А. Поляруш // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 1-2(64). С. 39-41. DOI 10.24412/2500-1000-2022-1-2-39-41
135. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика: учебное издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. 314 с.

136. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира // Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988. 216 с.
137. Потебня А.А. Мысль и язык (Извлечения) / История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях // В.А. Звегинцев. В II частях. Ч. I. Изд. 3. доп. М.: Издательство «Просвещение». 1964. 466 с.
138. Правдивцев В.А., Евсеев А.В., Брук Т.М. Свойства нервных центров. Принципы координационной (интегративной) деятельности. Рефлекс как операционный механизм функциональной системы (лекция для студентов) // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2012. № 12 (2), С. 53-67.
139. Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. Том IV. М.: Правда. 1981. 429 с.
140. Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. Том X. М.: Правда. 1981. 446 с.
141. Разеев Д.Н. Свобода воли и когнитивный механизм выбора / Д.Н. Разеев // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 110-114. DOI 10.17223/15617793/439/13.
142. Ракова И.В. Тематические линии в исповедальной прозе XX века (на примере рассказов Н. Толстой и Т. Толстой) / И.В. Ракова // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 89-4. С. 142-147. DOI 10.18411/trnio-09-2022-177.
143. Резанова З.И. Когнитивная лингвистика в парадигмах лингвистического функционализма и интегральных концепций сознания / З.И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334. С. 195-199.
144. Рогожникова Т.М. Доминантные модальности восприятия и их динамика / Т.М. Рогожникова, А.И. Навалихина // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16, № 2. С. 469-473.
145. Романов Д.А. Состав и особенности репрезентации модификаций эмоциональных модальностей (на материале русского языка) / Д.А. Романов //

Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 3-2(23). С. 072-080.

146. Романова Т.В. Диалогическая модальность исповедального текста. / XLIII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург: Избранные труды. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. С. 375-386.

147. Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: монография / Т.В. Романова; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н.А. Добролюбова. Нижний Новгород: НГЛУ, 2008. 310 с.

148. Рябцева Н.К. Метакогнитивная рефлексия и коммуникация / Н.К. Рябцева // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков : Периодический сборник научных статей. Электронное научное издание. Том 10. Москва : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук, 2018. С. 179-201.

149. Савельев С.В. Морфология сознания: В 2 т. Т. 2. / С.В. Савельев. М.: ВЕДИ, 2021. 208 с.

150. Сагалова Е.С. Волитивная модальность в древнеанглийских речевых произведениях / Е.С. Сагалова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 1. С. 202-207.

151. Салимова Л.М. Вопросы лингвоперсонологии в современных исследованиях / Л. М. Салимова // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. № 7-2(7). С. 29-31.

152. Свитенко Н.В. Типология модусов сознаний и система ценностей в романе «Дом, в котором...» М. Петросян / Н.В. Свитенко // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 4-4(118). С. 48-51. DOI 10.23670/IRJ.2022.118.4.119.

153. Семенова А.А. Аксиологема в языковой картине мира подростка в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» / А.А. Семенова // Достоевский и славянский мир: Коллективная монография / Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2022б. С. 115-122.

154. Семенова А.А. Методы когнитивного исследования картины мира языковой личности в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» / А.А. Семенова // *Russian Linguistic Bulletin*. 2023. №4 (40). [Электронный ресурс] URL: DOI: 10.18454/RULB.2023.40.18 2.

155. Семенова А.А. Роль речеповеденческих фреймов и категориальных эмоциональных ситуаций в построении языковой картины мира персонажа (на материале романа Ф. М. Достоевского «Подросток») / А.А. Семенова // *Русское языкознание и литературоведение 2022: сборник статей VI Международной научно-практической конференции*. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2023а. С. 188-196.

156. Семенова А.А. Русский психологический тип языковой личности в исповедальном дискурсе романа Ф.М. Достоевского «Подросток» / А.А. Семенова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2026. Том 19. Выпуск 3. DOI 10.30853/phil20260116

157. Семенова А.А. Эмотивы, экспрессивы и аксиологемы в языковой картине мира персонажа на материале романа Ф.М. Достоевского «Подросток» / А.А. Семенова // *Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2022): Сборник материалов Всероссийской научной конференции молодых исследователей с международным участием, Москва, 12-16 декабря 2022 года. Том Часть 8*. Москва: ФГБОУ ВО «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2022. С. 306-310.

158. Семенова А.А. Эмоциональность и эмотивность при описании структуры языковой личности персонажа (на материале художественного произведения Ф.М. Достоевского «Подросток») / А.А. Семенова // *Язык как материал словесности: XXV научные чтения*, Москва, 22 октября 2022 года /

Литературный институт имени А.М. Горького. Казань: Общество с ограниченной ответственностью «Бук», 2022а. С. 168-178.

159. Серебренникова Е.Ф. Аксиологизация дискурса: к проблеме отграничения понятия и проекции на анализ медийного дискурса / Е.Ф. Серебренникова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2024. № 3(55). С. 110-121.

160. Серкин В.П. Методы психологии, субъективной семантики и психосемантики: Учебное пособие для вузов / В.П. Серкин. М.: Издательство ПЧЕЛА, 2008. 382 с.

161. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. 1986. № 17. С. 170-194.

162. Сидорова Л.Н. Особенности психолингвистического моделирования интерпретации текста / Л.Н. Сидорова // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2009. № 142. С. 113-118.

163. Синельникова Л.Н. Языковая личность vs. дискурсивная личность: отношения дополнительности или новая категоризация / Л.Н. Синельникова // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. А.Г. Пастухов. Том Выпуск 9. Орел: Орловский государственный институт культуры, 2011. С. 37-44.

164. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.

165. Скубиева Е.Н., Шпильная Н.Н. Модель языковой личности как носителя диалогической языковой способности / Е.Н. Скубиева, Н.Н. Шпильная // Филология и человек. 2022. № 1. С. 37-52. DOI 10.14258/filichel(2022)1-03.

166. Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте / И.А. Стернин, М.С. Саломатина. Воронеж : «Истоки», 2011. 150 с.

167. Суворова Е.В. Изучение концептосферы русского языка через поиск универсальной основы ее формирования / Е.В. Суворова, Ю.Г. Романова,

В.В. Михайлов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 3. С. 918-924. DOI 10.30853/phil20230134.

168. Супрун В.И. Донская казачья лингвокультура в произведениях Б.П. Екимова: к юбилею писателя / В.И. Супрун, Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 6(81). С. 79-85.

169. Сухих О.С. Горький и Достоевский: продолжение «Легенды...» (мотивы «Легенды о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского в творчестве М. Горького). Нижний Новгород: изд-во «КИТиздат», 1999, 143 с.

170. Сытько А.В. Понятийное содержание воли в деонтической семантике / А.В. Сытько // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2019. № 2. С. 15-22.

171. Тарасова Н.А. «Воскресение» и «воскрешение» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / Н. А. Тарасова // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 2. С. 190-216. DOI 10.15393/j9.art.2020.7962.

172. Трубкина А.И. Эмотивный код художественного текста: лингвопрагматический аспект / А.И. Трубкина // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 94, № 5. С. 104-110. DOI 10.18522/2070-1403-2022-94-5-104-110.

173. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка / Ю. Тынянов; вступ. ст. Н.Л. Степанова. М.: Советский писатель, 1965. 300 с.

174. Ухтомский А.А. Доминанта / Алексей Ухтомский. СПб: Питер, 2002. 448 с.

175. Фанталова Е.Б. Русский катарсис в психотерапии и творчестве: сборник статей / Е.Б. Фанталова. М.; Берлин : Direct Media ; 2017. 57 с.

176. Фефилов А.И. Текстема (энциклопедическая) // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2011. Т.1. № 23. С. 13-23. [Электронный ресурс] URL: [http://tverlingua.ru/archive/023/2\\_23.pdf](http://tverlingua.ru/archive/023/2_23.pdf)

177. Фещенко В.В. Лингвоэстетический поворот в теории языка и художественном языковом эксперименте: автореферат дис. ... доктора

филологических наук: 10.02.19 / Фещенко Владимир Валентинович; [Место защиты: Институт языкознания Российской академии наук]. Москва, 2020. 47 с.

178. Холодионова С.И. Категория эмоциональности в структуре слова: дифференциация понятий «эмоциональность», «оценочность», «экспрессивность», «эмотивность» в русском языке / С.И. Холодионова // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 1. С. 170-177. DOI 10.18522/2070-1403-2020-78-1-170-177.

179. Честнова Н.Ю. Исповедальность как принцип становления поэтики художественной прозы Ф.М. Достоевского: на материале повести «Записки из подполья» и романа «Подросток»: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Честнова Наталья Юрьевна; [Место защиты: Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского]. Нижний Новгород, 2012. 26 с.

180. Чиковани Т.В. Моделирование когнитивных доминант православного дискурса проповедника: на материале духовного наследия свт. Луки Симферопольского и Крымского и свт. Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского: диссертация ... кандидата филологических наук: 5.9.8. / Чиковани Татьяна Владимировна; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; Диссовет БелГУ. 22.05]. Белгород, 2024. 228 с.

181. Шамсутдинова Л.Р. Языковая личность как объект лингвоперсонологии / Л.Р. Шамсутдинова // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23, № 3. С. 859-864.

182. Шаповал И.А. Сущность и характеристики детерминант дискурса аутокоммуникации как внутреннего диалога / И.А. Шаповал // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. № 1(44). 2021. С. 73-81. DOI 10.18323/2221-5662-2021-1-73-81.

183. Шарандин А.Л. Лексическая категоризация времени и ментальность / А.Л. Шарандин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2011. № 2(14). С. 11-16.

184. Шарапова Е.В. Аномальная сочетаемость интенсификаторов в идиостиле Достоевского / Корпусная модель идиостиля Достоевского /

Е.А. Балашов, А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселева, А.Д. Козеренко, М.М. Коробова, М.Н. Михайлов, Е.А. Осокина, Н.А. Фатеева, Л. Л. Федорова, Е.В. Шарاپова / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М.: ЛЕКСРУС, 2021. С. 256-284.

185. Шаховский В.И. Триада экологий-человек, язык, эмоции в современной коммуникативной практике: монография / В.И. Шаховский. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2017. 358 с.

186. Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 128 с.

187. Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии: учеб. Пособие по дисциплинам по выбору «Язык и эмоции» и «Лингвокультурология эмоций» для студ., магистрантов и асп. Ин-та иностр. яз. Волгогр. гос. пед. ун-та / В.И. Шаховский. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 170 с.

188. Шацкая М.Ф. Аксиологическая природа коммуникативного самоубийства в контексте комического / М.Ф. Шацкая // Вестник Вологодского государственного университета. Сер. Исторические и филологические науки. № 4 (31). 2023. С. 99-104.

189. Шацкая М.Ф. Маркеры трансформаций социальных категорий модуса в комическом контексте (на материале русской и украинской прозы) / М.Ф. Шацкая // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 7(130). С. 109-116.

190. Шевцов А.А. О воле и ее психологии / А.А. Шевцов // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 4(59). С. 173-175.

191. Шевякина С.В. Языковые средства репрезентации мотивационного уровня языковой личности (на материале интернет-дискурса психологии ЗОЖ) / С.В. Шевякина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 7. С. 2231-2235. DOI 10.30853/phil210337.

192. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.

193. Широкова Е.Н. Эмотивное время как эксплицитная составляющая субъективного времени / Е.Н. Широкова // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2007. № 1. С. 85-90.

194. Юдахин А.А. «Мертвый Христос» Гольбейна в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: христологический и антикатолический дискурсы / А.А. Юдахин // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2023. № 6. С. 102-111. DOI 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-9.

195. Fillmore Ch.J. Frames and the semantics of understanding // Quaderni di semantica. 1985. Vol. 6, no. 2. С. 222-254.

196. Fillmore Ch.J. The Case for Case // Universals in Linguistic Theory / под ред. Е. Bach, R.T. Harms. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1968. С. 1-88.

197. Goddard C.A. Semantic Menagerie: The Conceptual Semantics of Ethnozoological Categories // Russian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 22. N. 3. P. 539-559. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-539-559

198. Lakoff G, Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 256 p.

199. Langacker R.W. Cognitive grammar: a basic introduction / Ronald Langacker. New York: Oxford University Press, 2008. 584 p.

200. Robinson P. Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition. Routledge, 2008. 576 p.

201. Sapolsky R.M. Determined: a science of life without free will / Robert M. Sapolsky. New York: Penguin Press, 2023. 528 p.

202. Schank R.C., Abelson R. P., (1977). Scripts, plans, goals, and understanding: an inquiry into human knowledge structures. New York: Psychology Press, 2013. 266 p.

203. Schank R.C., Tell me a story: narrative and intelligence. Evanston: Northwestern University Press, 1995. 253 p.

### Словари

204. Большой академический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/344>

205. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности В 2 т. С.-Петербург: Златоуст, 2014. Т1. 592 с. Т. 2. 592 с.
206. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.
207. Малый академический словарь современного русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/mas/>
208. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова, М.Я. Гловинская, С.А. Григорьева, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Птенцова, А.В. Санников, Е.В. Урысон. Под общ. ред. Ю.Д. Апресяна. М. : Школа «Языки славянской культуры». 2003. 1488 с.
209. Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Гл. ред. чл. корр. РАН Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2001. 508 с.
210. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. В.И Даля [Электронный ресурс]. URL: [https://www.slovardalja.net/view\\_search.php](https://www.slovardalja.net/view_search.php)
211. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/748002>
212. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 3 изд., стереотип. М. : Русс. яз. 1999. Т. 1. 624 с. Т. 2. 560 с.
213. Этимологический словарь русского языка М. Фасмера [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/vasmer/>

## СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

<i>Схема № 1.</i> Стадии воплощения рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ.....	72
<i>Схема № 2.</i> Фрейм ситуации автокоммуникации «Объяснение поездки в Петербург» ....	87
<i>Схема № 3.</i> Фрейм ситуации автокоммуникации «Описание рассуждений у Дергачева»	94
<i>Схема № 4.</i> Фрейм ситуации автокоммуникации «Размышления у князя Сергея Петровича» .....	100
<i>Схема № 5.</i> Фрейм ситуации автокоммуникации «Беседа с Макаром Ивановичем Долгоруким» .....	107
<i>Схема № 6.</i> Фрейм ситуации автокоммуникации «Аркадий Долгорукий под арестом» ...	113
<i>Схема № 7.</i> Смысловые пересечения последовательности автокоммуникативных ситуаций.....	117
<i>Схема № 8.</i> Полигональная модель рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ исповедального дискурса романа Ф.М. Достоевского «Подросток» .....	201
<i>Таблица № 1.</i> Смысловые векторы ситуаций автокоммуникации .....	116
<i>Таблица № 2.</i> ИмPLICITные смысловые приращения концептуального аттрактора 'идея' (эмоционально-поведенческий уровень ДЛ).....	138
<i>Таблица № 3.</i> Категория эмотивной модальности эмоционально-поведенческого уровня концептуального аттрактора 'идея' .....	139
<i>Таблица № 4.</i> Языковая и дискурсивная стадии смысловой реализации аксиологем <i>тайна, правда, уединение, любовь</i> (эмоционально-поведенческий уровень ДЛ).....	160
<i>Таблица № 5.</i> Языковая и дискурсивная стадии смысловой реализации <i>символов угол, мрак, свет, смех</i> (эмоционально-поведенческий уровень ДЛ).....	175
<i>Таблица № 6.</i> Диалогические доминанты когнитивно-эмоционального уровня рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ .....	178
<i>Таблица № 7.</i> Ментальная парадигма <i>идея</i> .....	190
<i>Таблица № 8.</i> Ментальная парадигма <i>уединение</i> .....	191

<i>Таблица № 9. Ментальная парадигма тайна</i> .....	192
<i>Таблица № 10. Ментальная парадигма правда</i> .....	193
<i>Таблица № 11. Ментальная парадигма любовь</i> .....	194
<i>Таблица № 12. Ментальная парадигма угол</i> .....	195
<i>Таблица № 13. Ментальная парадигма мрак</i> .....	196
<i>Таблица № 14. Ментальная парадигма свет</i> .....	197
<i>Таблица № 15. Ментальная парадигма смех</i> .....	198

### **СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ**

ЯЛ – языковая личность.

ДЛ – дискурсивная личность.

## ПРИЛОЖЕНИЕ А

### ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ СЛОВАРЯ ИНТЕГРАТИВНОГО ТИПА «РЕФЛЕКСИВНО-СМЫСЛОВАЯ СФЕРА ДИСКУРСИВНОЙ ЛИЧНОСТИ ИСПОВЕДАЛЬНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО “ПОДРОСТОК”»

#### ПРИНЦИПЫ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА И ОПИСАНИЯ СЛОВАРЯ

Главным принципом составления словаря в диссертационной работе является антропоцентризм, так как представляемый материал является результатом реконструкции рефлексивно-смысловой сферы сознания языковой личности исповедального дискурса Ф.М. Достоевского. Интегативность такого словаря направлена на выражение полипарадигмальности при распределении материала.

К принципам интегативного подхода словаря «Рефлексивно-смысловая сфера дискурсивной личности исповедального повествования романа Ф.М. Достоевского “Подросток”» относятся следующие:

1) Представление фрагмента языковой картины мира субъекта исповедального дискурса, с опорой на модель рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ, которая раскрывает специфику вербального и невербального мышления.

2) Учет результатов примененной лингвокогнитивной методики, состоящей следующих методов: фреймового анализа пяти контекстов романа «Подросток», когнитивно-семантического анализа вербализаторов смысловых векторов метакогнитивной рефлексии, выявленных в результате реконструкции фреймов (лексем, аксиологем и символов); определения диалогических доминант сознания ДЛ (смысловых оппозиций, представляющих когнитивно-эмоциональный уровень); определения волитивных доминант сознания ДЛ методом реконструкции ментальных парадигм (сверхдоминантных векторов, представляющих волитивный уровень). Источником материала послужил как горизонтальный контекст романа

«Подросток», так и вертикальный контекст, представленный маркерами интертекстуальности – прецедентными феноменами, раскрывающими смысловые приращения к ментальной единице внутреннего диалога – концептуальному аттрактору ‘идея’. Также было проанализировано 64 словарных статьи из лексикографических трудов, представленных в списке литературы.

3) Систематизация по принципу антропоцентризма заключается в распределении смысловых единиц по трем уровням человеческой психоэмоциональной составляющей – эмоционально-поведенческому уровню (на котором представлены единицы описания поведенческих и эмоциональных характеристик); когнитивно-эмоциональному (единицы которого представляют взаимосвязь самопознания и эмоциональной реакции); и волевому уровню (единицы которого представляют собой инварианты, воздействующие на двойственность восприятия действительности). Единицы протOVERбального уровня, составляющие потенциосферу представляемого вербализатора, группируются в соответствии с их функциональностью на эмоционально-поведенческом, когнитивно-эмоциональном или волевом уровне внутри рефлексивно-смысловой сферы сознания ЯЛ.

4) В словарную статью включается иллюстративный материал – контексты из романа «Подросток», демонстрирующие функцию единицы, осуществляемую на одном из трех уровней, ее взаимосвязь с другими смысловыми единицами, а также контексты из других источников, отражающие смысловую связь с другими текстами.

5) Включение в словарную статью энциклопедической информации, поясняющей смысловую связь с прецедентными феноменами.

В словаре описываются значимые для идиостиля писателя единицы (определенные в результате примененных в диссертации методов) – идиоглоссы, единица когнитивного уровня в структуре ЯЛ, входящая в индивидуальный авторский лексикон, «заряженная потенцией раскрыть читателю не только то, какой мир воссоздает автор, но и то, как он это делает» [Словарь языка Достоевского 2001: 35]. Главные лексикографические параметры –

лингвистическая и экстралингвистическая информация о трехуровневой организации рефлексивно-смысловой сферы сознания ЯЛ в исповедальном дискурсе Ф.М. Достоевского «Подросток».

## ПРИЛОЖЕНИЕ Б

### СОСТАВ СЛОВНИКА И СТРУКТУРА СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

В данном словаре представлено комплексное описание лексических единиц, структурированных согласно последовательности их функционирования в ситуациях автокоммуникаций как способах реализации в исповедальном тексте рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ. Всего приводится девять лексем, каждая из которых является заголовочным словом словарной статьи.

Выбор единиц для включения в словарь зависел от результатов фреймового анализа и выделения статусно-ролевых функций (с опорой на семантические роли Ч. Филлмора) во внутреннем диалоге субъекта исповедального дискурса романа «Подросток». Так, в качестве основных семантических векторов, были отобраны 'идея', 'тайна', 'уединение', 'правда', 'любовь', 'угол', 'мрак', 'свет', 'смех'. Подспорьем в определении и выборе состава словника послужили такие словари, как Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля, Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова, Большой академический словарь русского языка, Малый академический словарь русского языка, Историко-этимологический словарь современного русского языка П.Я. Черных, Новый объяснительный словарь синонимов русского языка Ю.Д. Апресяна, Словарь языка Достоевского Ю.Н. Караулова, Этимологический словарь русского языка М. Фасмера, Словарь русской ментальности В.В. Колесова и др.

В качестве актуализированных в контексте ядерных сем приведенные векторы вербализуются в лексемах с соответствующей номинацией и представляются в словаре в том порядке, в котором они были проанализированы в практической части диссертации.

Необходимо отметить, что смысловой вектор 'идея' был идентифицирован в качестве концептуального аттрактора, так как притягивает в свою потенциосферу смысловые обертоны, возникающие в контексте употребления лексем. Его вербализатором является языковая единица с соответствующей номинацией – *идея*,

являющаяся первым словом в словнике. Языковыми единицами, вербализующими ценностно-смысловую составляющую признаны, аксиологемы *тайна*, *уединение*, *правда* и *любовь*. Вербализаторами второй семиологической системы, отраженной в контексте функционирования концептуального аттрактора ‘идея’, признаны символы *угол*, *мрак*, *свет* и *смех*.

При составлении словника учитывались только описанные единицы в представленной последовательности, материал описания которых в словарных статьях был разработан в рамках диссертационного исследования. Перспективами словаря «Рефлексивно-смысловая сфера дискурсивной личности исповедального повествования романа Ф.М. Достоевского “Подросток”» является расширение словника, соответственно, расширение представляемого материала; перенос словаря на электронный носитель. По аналогу предлагаемого лексикографического проекта возможна разработка серии словарей, целью которых будет представление рефлексивно-смысловой сферы сознания языковой личности исповедального дискурса Ф.М. Достоевского в полном объеме, включающем как творчество писателя, так и его дневник, письма и статьи.

В Приложении В представлен фрагмент словаря лексем, в которых вербализуется смысловая парадигма «рефлексивно-смысловая сфера сознания ДЛ», приводятся контексты их употребления в романе «Подросток», основой отбора которых является представленный в рамках диссертации анализ.

Материал словаря делится на девять словарных статей с заголовочными словами, выделенными жирным шрифтом прописными буквами, которыми являются лексемы, представленные в словнике, к каждой из которых дана дефиниция и три тематических сегмента, соответствующих уровневой организации ДЛ.

Макет словарной статьи авторского идеографического словаря интегративного типа «Рефлексивно-смысловая сфера дискурсивной личности исповедального повествования романа Ф.М. Достоевского “Подросток”» включает информацию:

1. *Заголовочное слово* – лексема – выносится в название словарной статьи. Далее через точку дается указание на ее функцию (вербализатор концептуального аттрактора, аксиологема или символ) в языковой картине мира субъекта исповедального дискурса.

2. *Толкование значения* опирается на концептуальный анализ, выполненный в рамках диссертационного исследования, – ментальную парадигму – содержательных форм концепта, стремящегося к воплощению в данной лексеме в дискурсе романа «Подросток». Например: **ИДЕЯ**. *В.к.а.* Знание и ощущение счастья, помысленного как уединение и могущество в углу во мраке с целью обретения свободы.

3. При описании смыслового поля лексемы в контексте дается указание на уровни рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ, которые выделяются как отдельные сегменты статьи жирным шрифтом и выносятся в название под арабской нумерацией.

4. Материалом статьи в сегменте **1. Эмоционально-поведенческий уровень** являются ядерные семы лексемы и имплицитные смысловые приращения. В случае, если ядерная сема является смысловым вектором, то справа от нее дается указание, например: *Я.С.* ‘умопостижение’, ‘идея’ *см.в.* Ядерные семы, актуализированные в лексемах, были определены в ходе когнитивно-семантического анализа в практической части диссертации, с на анализ определений лексем в словарях.

Имплицитные смысловые приращения подразделяются на тематические группы, отражающие функцию их присоединения к смысловому вектору, вербализованному в лексеме (заголовочном слове). Перед рубрикацией дается указание на смысловые приращения – *С.П.* Далее приводятся темы и сами приращения со сквозной нумерацией, к каждой цепочке приращений дается иллюстративный материал, а также в некоторых случаях энциклопедическая информация. В случае, если в смысловых приращениях встречается смысловый вектор, составляющий смысловую категорию рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ, справа от него дается указание – *см. в.*

Тематическая рубрикация представляет собой принцип организации приводимых цепочек смысловых приращений к смысловому вектору лексемы, при котором материал группируется по смысловым тематическим блокам, соответствующим определенным функциям в контексте романа «Подросток». Так, например, в словарной статье лексемы *идея* на эмоционально-поведенческом уровне выделяется четыре смысловых блока, которые приводятся как заголовки (по центру), выделяются курсивом и подчеркиванием: *Поведение в обществе как следствие развития «идеи»*, *Взаимоотношения с отцом как причина зарождения «идеи»*, *Развитие «идеи»* и *Эмоциональное сопровождение развития «идеи»*.

Имплицитные смысловые приращения представлены в порядке их выявления из контекста в том или ином смысловом блоке. Каждой цепочке приращений присваивается порядковый номер (арабская нумерация сквозная в каждом сегменте). Смысловые приращения даны в одинарных кавычках, представляют собой единицы смыслов, проявленные в контексте употребления лексемы (заголовочного слова). Стрелками указывается последовательная связь между смысловыми компонентами цепочки или возникновение в ней смысловой оппозиции – столкновения противопоставленных двух или более смысловых элементов, к которым дополнительно дается помета *К.У.*, отсылающая к соответствующей диалогической доминанте сознания ДЛ когнитивно-эмоционального уровня (следующего сегмента). Например: ‘я’ ↔ ‘они’ *К.У.* → ‘бездарность’ ↔ ‘одаренность’ *К.У.* → ‘богатство’ ↔ ‘нищета’ *К.У.* → ‘свобода’.

Иллюстративный материал отделяется абзацем и графическим символом  $\diamond$ , представляет собой цитаты из романа «Подросток», демонстрирующие возникновение имплицитных смысловых приращений в исповедальном дискурсе. Объем приводимого контекста устанавливается в прямой зависимости от смысловой ясности реализованных смысловых приращений к смысловым векторам исповедальном дискурсе. В круглых скобках даются фамилия автора, название произведения, номера части и главы буквами и параграфа римской цифрой, например: (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава первая, I). С целью конкретизации смысловых нюансов в словарной статье может приводиться

краткий поясняющий комментарий через тире после цитаты и указания на источник, например: – о Катерине Николаевне Ахмаковой.

Также в качестве иллюстративного материала приводятся цитаты из других источников, раскрывающих вертикальный контекст в романе «Подросток» – возникновение смысловых приращений в результате появления в тексте прецедентного феномена – маркера интертекстуальности. Данный иллюстративный материал отделяется от цитат из романа абзацем, и также дается графический указатель ◊. Перед приводимой цитатой из другого источника (слева) ставится помета, характеризующая тип прецедентного феномена, например, *П.Т.* – прецедентный текст, *П.И.* – прецедентное имя. В круглых скобках дается ссылка на источник, которая включает фамилию автора, название произведения или текста и указание на конкретную часть текста.

Энциклопедическая информация приводится в случае необходимости пояснения маркера интертекстуальности, отделяется новым абзацем и графическим символом ◊. В круглых скобках дается указание на источник, из которого взята информация экстралингвистического характера, которая включает название источника и URL адрес, если источник электронный. Например: ◊ *П.И.* Джемс Ротшильд (1792-1868) – «парижский банкир, основатель банкирского дома Ротшильдов; при Луи-Филиппе – обладатель второго по величине (после короля) состояния во Франции» (Словарь литературных типов. URL: [https://literary\\_types.academic.ru/5144/Ротшильд\\_Джемс](https://literary_types.academic.ru/5144/Ротшильд_Джемс)).

5. В сегменте **2. Когнитивно-эмоциональный уровень** представлены бинарные смысловые оппозиции, которые были выявлены в ходе когнитивно-семантического анализа вербализаторов смысловых векторов ситуаций автокоммуникации в романе «Подросток». Данные смысловые оппозиции приводятся в одинарных кавычках с двойной стрелкой с указанием на их статус в форме пометы, например, ‘смерть’ ↔ ‘воскрешение’ *диал. дом.* Они являются единицами метакогнитивной рефлексии – диалогическими доминантами, раскрывающимися в процессе интерпретации функции смысловых векторов эмоционально-поведенческого уровня в рефлексивно-смысловой сфере сознания

ДЛ. К каждой диалогической доминанте дается интерпретация-комментарий, раскрывающий ее функцию в контексте ситуаций автокоммуникаций романа «Подросток». В случае, если в списке диалогических доминант определенной лексемы приводится смысловой вектор, соответствующий следующему волитивному уровню, то на него дается ссылка в форме пометы *В.У.* Например: ‘стыд’ ↔ ‘счастье’ *В.У. диал. дом.* Осмысление эмоционального состояния.

6. В сегменте **3. Волитивный уровень** представлены сверхдоминантные смысловые векторы, которые указываются в одинарных кавычках. Волитивные доминанты сознания приводятся в сегменте со сквозной арабской нумерацией. Это единицы, воздействующие на динамику рефлексии и следующего за ней коммуникативного поведения, которые раскрываются в процессе концептуального анализа – реконструкции ментальных парадигм вербализаторов рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ романа «Подросток». К каждой волитивной доминанте дается помета, указывающая на ее статус, и приводится интерпретация-комментарий, описывающий функцию управления данной смысловой единицы. Например: ‘любовь’ *вол. дом.* Управление отношением к людям.

7. Словарные статьи отделяются сплошной черной линией с целью разграничения и удобства восприятия информации.

Особенностью проекта словаря является включение в словарную статью объемных контекстов, позволяющих детально, насколько это возможно, проиллюстрировать и объективировать возникновение имплицитных смысловых приращений и функциональность диалогических и волитивных доминант в картине мира исследуемой личности. Самостоятельно сформулированные дефиниции лексем (заголовочных слов) являются интерпретацией результатов концептуального анализа, даются на основании выведения в ментальной парадигме содержательных форм (концептума, образа, понятия и символа по В.В. Колесову) стремящегося к воплощению в конкретной лексеме концепта.

Данный макет может быть представлен в электронном формате с целью использования гиперссылок для установки системы связи между представленными лексикографическими единицами.

Проведенная работа по созданию проекта авторского идеографического словаря интегративного типа «Рефлексивно-смысловая сфера дискурсивной личности исповедального повествования романа Ф.М. Достоевского «Подросток»» позволяет сделать следующие выводы:

1. Дана характеристика авторского словаря как идеографического: материал представлен в словаре в соответствии с последовательностью полученных результатов фреймового анализа контекста ситуаций автокоммуникаций романа «Подросток» и когнитивно-семантического анализа лексемы *идея* как вербализатора концептуального аттрактора, аксиологем *тайна, уединение, правда, любовь* и символов *угол, мрак, свет* и *смех*.

2. Представлены принципы интегративности составления словарной статьи, а именно выявленные в ходе когнитивно-семантического и концептуального анализа смысловые приращения, смысловые оппозиции (диалогические доминанты сознания) и сверхдоминантные векторы (волитивные доминанты сознания), вербализованные в конкретной лексеме (обозначенной как заголовочное слово) распределяются в соответствии с уровневой организацией рефлексивно-смысловой сферы сознания ДЛ: эмоционально-поведенческим, когнитивно-эмоциональным и волитивным. Благодаря системной трехуровневой организации словарной статьи словарь позволяет увидеть сквозные смысловые векторы, проявляющиеся в дискурсивной, динамической ткани романа «Подросток» Ф.М. Достоевского.

3. Структура словарной статьи разработана с расчетом на демонстрацию функциональной связи смысловых единиц на каждом из уровней. На эмоционально-поведенческом уровне представлены смысловые приращения, распределенные по тематическим блокам, к которым приводится иллюстративный материал, включающий как цитаты из романа «Подросток», так и цитаты из текстов, маркерами которых являются прецедентные феномены в романе. С целью пояснения прецедентных феноменов в ряде случаев дается энциклопедическая информация.

На когнитивно-эмоциональном уровне представлены диалогические доминанты сознания ДЛ – смысловые оппозиции, отражающие осмысление внутреннего диалога в ситуациях автокоммуникации романа «Подросток».

На волитивном уровне представлены волитивные доминанты сознания ДЛ, являющиеся смысловыми векторами, которые управляют выбором одной из оппозиций – являются осмыслением феномена воли.

4. Таким образом, авторский идеографический словарь интегративного типа «Рефлексивно-смысловая сфера дискурсивной личности исповедального повествования романа Ф.М. Достоевского “Подросток”» – это лексикографический проект, направленный на изучение ключевых смыслов, отражающих уровни рефлексивности ДЛ и их влияние на формирование исповедального повествования – динамичность картины мира ЯЛ.

Интерпретация исповедального дискурса романа «Подросток» Ф.М. Достоевского позволяет выявить особенности функционирования смысловых векторов в контексте произведения, отражающих процесс метакогнитивной рефлексии субъекта речи.

Словарь можно рассматривать как расширенный лингвокогнитивный комментарий к роману Ф.М. Достоевского «Подросток», выраженный в форме интерпретации смыслового содержания рефлексивно-смысловой сферы личности исповедального дискурса. Он помогает понять контекст употребления слов, их психосемантическую роль в исповедальной прозе и связь с идеями самого писателя.

## ПРИЛОЖЕНИЕ В

### СЛОВАРНЫЕ ПОМЕТЫ

\*список приводится в алфавитном порядке

- Акс.* – обозначение аксиологемы – вербализатора смысловых векторов, отражающих ценностные ориентиры субъекта исповедального дискурса.
- В.к.а.* – вербализатор концептуального аттрактора – лексема, в которой реализуется смысловая инвариант потенциосферы исповедального дискурса Ф.М. Достоевского.
- В.У.* – отсылка к волитивному уровню, позволяющая отследить влияние сверхдоминантного вектора на диалогические доминанты сознания когнитивно-эмоционального уровня.
- Вол. дом.* – обозначение волитивной доминанты сознания – сверхдоминантного смыслового вектора, управляющего выбором одного из смыслов диалогической доминанты.
- Диал. дом.* – обозначение диалогической доминанты сознания – бинарной оппозиции, представляющей единицу смысловой реализации внутреннего диалога субъекта исповедального дискурса.
- К.У.* – отсылка к когнитивно-эмоциональному уровню, помогающая проследить динамику, смысловую «текучесть» в рефлексивно-смысловой сфере сознания ДЛ.
- П.И.* – прецедентное имя или совокупность прецедентных имен, раскрывающих смысловые приращения к семантическому вектору лексем (заголовочного слова).
- П.Т.* – прецедентный текст, который влияет на формирование цепочки смысловых приращений.

- Симв.* – обозначение символа – лексемы, в которой реализуется вторичная семиологическая система – смысловые векторы концептуального аттрактора, актуализированные в контексте романа «Подросток».
- См. в.* – обозначение смыслового вектора, функционирующего на эмоционально-поведенческом уровне рефлексивно-смысловой сферы сознания ЯЛ исповедального дискурса романа «Подросток».
- С.П.* – смысловые приращения к смысловому вектору, вербализованному в лексеме (заголовочном слове).
- Я.С.* – ядерные семы, выявленные в лексеме (заголовочном слове) в процессе когнитивно-семантического анализа.

***Графические обозначения, представленные в словарной статье:***

- ‘’ – одинарные кавычки, указывающие на невербальные единицы – смысловые векторы или смысловые приращения к ним.
- ← – указатели на последовательность возникновения смысловой связи внутри имплицитных смысловых приращений.
- ↔ – указатель на возникновение оппозиции между смысловыми приращениями и смысловыми векторами диалогических доминант сознания ДЛ.
- ◇ – указатель на иллюстративный материал.
- ( ) – ссылки на источник приводимого иллюстративного материала, на источник приводимого энциклопедического материала.

## ОБРАЗЦЫ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ

**ИДЕЯ.** *В.к.а.* Знание и ощущение счастья, помысленного как уединение и могущество в углу во мраке с целью обретения свободы.

### 1. Эмоционально-поведенческий уровень

*Я.С.* ‘идея’ см. в., ‘представление’, ‘мысль’, ‘идеал’, ‘совершенство’, ‘умопостижение’, ‘убеждение’, ‘ценность’, ‘сила’, ‘взгляд’, ‘прообраз бытия’, ‘двойной смысл’.

*С.П.*

#### Поведение в обществе как следствие развития «идеи»

1. ‘социальный статус’ → ‘сумасшествие’ → ‘глупость’ → ‘раздражение’ → ‘злость’ → ‘фамилия’

◇ «Это просто стало сводить меня наконец с ума». «И он прав: ничего нет глупее, как называться Долгоруким, не будучи князем». «Потом, когда уж я в последней степени озлился, то на вопрос: вы князь? твердо раз ответил: / – Нет, просто Долгорукий, незаконный сын моего бывшего барина, господина Версилова». «Повторю, очень трудно писать по-русски: я вот исписал целых три страницы о том, как я злился всю жизнь за фамилию, а между тем читатель наверно уж вывел, что злюсь-то я именно за то, что я не князь, а просто Долгорукий» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава первая, III).

2. ‘уход’ → ‘конец’ → ‘жизнь’ → ‘мир’

◇ «Месяц назад, то есть за месяц до девятнадцатого сентября, я, в Москве, порешил отказаться от них всех и уйти в свою идею уже окончательно. Я так и прописываю это слово: “уйти в свою идею”, потому что это выражение может обозначить почти всю мою главную мысль – то самое, для чего я живу на свете» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава первая, VII).

3. ‘вывод’ → ‘ложь’ → ‘помеха’ → ‘расчет’ → ‘одиночество’ ↔ ‘компания’  
*К.У.* → ‘верность’ → ‘двойственность’ → ‘плохие поступки’

◇ «Прибавлю, однако, что я кончил гимназический курс в последнем году плохо, тогда как до седьмого класса всегда был из первых, а случилось это вследствие той же идеи, вследствие вывода, может быть ложного, который я из нее вывел. Таким образом, не гимназия помешала идее, а идея помешала гимназии, помешала и университету». «Дилемма стояла передо мной неотразимая: или университет и дальнейшее образование, или отдалить немедленное приложение «идеи» к делу еще на четыре года; я бестрепетно стал за идею, ибо был математически убежден». «Я буду не один, – продолжал я раскидывать, ходя как угорелый все эти последние дни в Москве, – никогда теперь уже не буду один, как в столько ужасных лет до сих пор: со мной будет моя идея, которой я никогда не изменю, даже и в том случае, если б они мне все там понравились, и дали мне счастье, и я прожил бы с ними хоть десять лет!». «Вот это-то впечатление, замечу вперед, вот именно эта-то двойственность планов и целей моих, определившаяся еще в Москве и которая не оставляла меня ни на один миг в Петербурге (ибо не знаю, был ли такой день в Петербурге, который бы я не ставил впереди моим окончательным сроком, чтобы порвать с ними и удалиться), – эта двойственность, говорю я, и была, кажется, одною из главнейших причин многих моих неосторожностей, наделанных в году, многих мерзостей, многих даже низостей и, уж разумеется, глупостей» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава первая, VII).

4. 'угол' см. в. → 'одинокчество'

◇ «В гимназии я с товарищами был на ты, но ни с кем почти не был товарищем, я сделал себе угол и жил в углу» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава третья, III).

Взаимоотношения с отцом как причина зарождения «идеи»

5. 'отец' → 'привязанность' → 'невинность' → 'мечта' → 'смех' → 'презрение' → 'агрессия' → 'социальный статус' → 'боль'

◇ «Когда я ложился в постель и закрывался одеялом, я тотчас начинал мечтать об вас, Андрей Петрович, только об вас одном; <...> я все страстно мечтал, что вы

вдруг войдете, я к вам брошусь и вы меня выведете из этого места и увезете к себе, вдруг начинались насмешки и презрение мальчишек; один из них прямо начал бить меня и заставлял подавать сапоги; он бранил меня самыми скверными именами, особенно стараясь объяснить мне мое происхождение, к утехе всех слушателей. Когда же являлся наконец сам Тушар, в душе моей начиналось что-то невыносимое» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава шестая, IV).

### Развитие «идеи»

#### 6. 'мечта'

◇ «В уединении мечтательной и многолетней моей московской жизни она создалась у меня еще с шестого класса гимназии и с тех пор, может быть, ни на миг не оставляла меня» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава первая, VII).

7. 'страсть' → 'тайна' *см.в.* → 'деньги' → 'счастье' → 'власть' → 'зло' → 'управление' → 'воля' → 'могущество' → 'сознание' → 'свобода'

◇ «Я еще в детстве выучил наизусть монолог Скупого рыцаря у Пушкина; выше этого, по идее, Пушкин ничего не производил! Тех же мыслей я и теперь» (Достоевский, «Подросток», часть, глава, II).

◇ *П.Т.* «Как молодой повеса ждет свиданья / С какой-нибудь развратницей лукавой / Иль дурой, им обманутой, так я / Весь день минуты ждал, когда сойду / В подвал мой тайный, к верным сундукам. / Счастливый день! / <...> Мне все послушно, я же — ничему; / Я выше всех желаний; я спокоен; / Я знаю мощь мою: с меня довольно / Сего сознанья..» (Пушкин, «Скупой рыцарь», сцена II).

◇ «Я повторяю: моя идея – это стать Ротшильдом, стать так же богатым, как Ротшильд; не просто богатым, а именно как Ротшильд» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава пятая, I).

◇ *П.И.* Джемс Ротшильд (1792-1868) – «парижский банкир, основатель банковского дома Ротшильдов; при Луи-Филиппе – обладатель второго по величине (после короля) состояния во Франции» (Словарь литературных типов. URL:

[https://literary\\_types.academic.ru/5144/Ротшильд\\_Джемс](https://literary_types.academic.ru/5144/Ротшильд_Джемс)).

◇ «Я воображал тысячу раз, как я приступлю: я вдруг очутываюсь, как с неба спущенный, в одной из двух столиц наших (я выбрал для начала наши столицы, и именно Петербург, которому, по некоторому расчету, отдал преимущество); итак, я спущен с неба, но совершенно свободный, ни от кого не завишу, здоров и имею затаенных в кармане сто рублей для первоначального оборотного капитала» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава пятая, II).

8. 'наживать' ↔ 'трудиться', 'накопить' ↔ 'утратить', 'удача' ↔ 'крах' К.У.

◇ «Скажут, что этак много не наживешь; извините, тут-то и ваша ошибка, ошибка всех этих наших Кокоревых, Поляковых, Губониных. Узнайте истину: непрерывность и упорство в наживании и, главное, в накоплении сильнее моментальных выгод даже хотя бы и в сто на сто процентов!» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава пятая, II).

◇ П.И. Кокоревы, Поляковы и Губонины – фамилии русских капиталистов Российской империи в XIX в – собирательный образ.

9. 'я' ↔ 'они' К.У. → 'бездарность' ↔ 'одаренность' К.У. → 'богатство' ↔ 'нищета' К.У. → 'свобода'

◇ «Мне нравилось ужасно представлять себе существо, именно бесталанное и серединное, стоящее перед миром и говорящее ему с улыбкой: вы Галилеи и Коперники, Карлы Великие и Наполеоны, вы Пушкины и Шекспиры, вы фельдмаршалы и гофмаршалы, а вот я – бездарность и незаконность, и все-таки выше вас, потому что вы сами этому подчинились» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава пятая, III).

◇ П.И. Галилеи, Коперники, Карлы Великие, Наполеоны, Пушкины, Шекспиры – известные исторические личности, прославившиеся своим талантом в определенной области – собирательный образ.

10. 'уединение' см. в. → 'свобода' → 'смирение' → 'смерть'

◇ «Вот самое полное определение свободы, над которым так бьется мир! Свобода! Я начертал наконец это великое слово... Да, уединенное сознание силы – обаятельно и прекрасно. У меня сила, и я спокоен». «Тогда – не от скуки и не от бесцельной тоски, а оттого, что безбрежно пожелаю большего, – я отдам все мои

миллионы людям; пусть общество распределит там все мое богатство, а я – я вновь смешаюсь с ничтожеством! Может быть, даже обращусь в того нищего, который умер на пароходе, с тою разницею, что в рубище моем не найдут ничего зашитого» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава пятая, III).

11. 'скрытность' → 'тьма' → 'защита' → 'пустота' → 'удаление'

◇ «Но чуть увижу, что этот шаг, хотя бы и условный и малый, все-таки отдалит меня от главного, то тотчас же с ними порву, брошу все и уйду в свою скорлупу». Именно в скорлупу! “Спрячусь в нее, как черепаха”; сравнение это очень мне нравилось». «Одно сознание о том, что в руках моих были миллионы и я бросил их в грязь, как вран, кормило бы меня в моей пустыне» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава первая, VII). «Моя идея – это мрак и уединение, а разве теперь уж возможно уползти назад в прежний мрак?» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава восьмая, III).

12. 'смирение' → 'смерть' ↔ 'воскрешение' *К.У.* → 'любовь' *см. в.*

◇ «Когда требуют совесть и честь, и родной сын уходит из дому. Это еще в Библии. <...> Когда надо, великодушный жертвует даже жизнью; Крафт застрелился, Крафт, из-за идеи, представьте, молодой человек, подавал надежды <...> А это еще в Библии дети от отцов уходят и свое гнездо основывают... Коли идея влечет... коли есть идея! Идея главное, в идее все...» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава девятая, I).

◇ *П.Т.* «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Евангелие от Матфея, 19, 29).

13. 'новая жизнь'

◇ «Но эта новая жизнь, этот новый, открывшийся передо мною путь и есть моя же «идея», та самая, что и прежде, но уже совершенно в ином виде, так что ее уже и узнать нельзя» (Достоевский, «Подросток», Заключение, II).

Эмоциональное сопровождение развития «идеи»

14. 'страх' → 'обида' → 'развратность' → 'мечь' → 'стыд' ↔ 'счастье'  
*К.У.* ← 'спокойствие' ← 'умиротворение' *К.У.*

◇ «В самом деле, чего же я боялся и что могли они мне сделать какой бы там ни было диалектикой?» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава третья, IV). «В выигрыше – независимость, спокойствие духа, ясность цели» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава пятая, II). «Повторяю, это время было страшным позором, но и огромным счастьем...» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава первая, I). «Да, да, это-то «счастье» и было тогда главною причиною, что я, как слепой крот, ничего, кроме себя, не понимал и не видел!» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава третья, IV). «Наконец, сделаю и еще признание: я уже тогда развратился; <...> Я сознавал это и тогда, но только отмахивался рукой; теперь же, записывая, краснею» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава шестая, II). «Мстить я не хотел никому, и даю в том честное слово, – хотя был всеми обижен» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава первая, I). «С таким капиталом я брошусь в “идею”, и вся Россия затрещит через десять лет, и я всем отомщу» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава шестая, II).

## 2. Когнитивно-эмоциональный уровень

1. 'богатство' ↔ 'нищета' *диал.дом.* Отношение к материальным ценностям.
2. 'бездарность' ↔ 'одаренность' *диал.дом.* Отношение к умственным и творческим способностям.
3. 'одиночество' ↔ 'компания' *диал.дом.* Отношение к коммуникативным потребностям.
4. 'наживать' ↔ 'трудиться' *диал.дом.* Отношение к процессу зарабатывания денег.
5. 'накопить' ↔ 'утратить' *диал.дом.* Восприятие капитала.
6. 'удача' ↔ 'крах' *диал.дом.* Восприятие процесса накопления денег.
7. 'я' ↔ 'они' *диал. дом.* Отношение к положению в обществе.
8. 'смерть' ↔ 'воскрешение' *диал. дом.* Восприятие духовно-нравственного.

9. 'обида' ↔ 'умиротворение' *диал. дом.* Осмысление эмоционального состояния.

10. 'страх' ↔ 'спокойствие' *диал. дом.* Осмысление эмоционального состояния.

11. 'стыд' ↔ 'счастье' *В.У. диал. дом.* Осмысление эмоционального состояния.

### 3. Волитивный уровень

1. 'счастье' *вол. дом.* Управление эмоциональным состоянием.

**ТАЙНА.** *Акс.* Некий идеал, помысленный как Божия правда в душе и сознании, представляющий собой нечто еще непознанное.

#### 1. Эмоционально-поведенческий уровень

*Я.С.* 'тайна' *см. в.,* 'скрытность', 'хранение', 'молчание', 'загадочность'.

*С.П.*

##### Ценностно-смысловой ориентир отношений с отцом

1. 'деньги' → 'отец' → 'правда' *см.в.* → 'осуждение' → 'силы' → 'признание' ↔ 'отвержение' *К.У.* → 'признание'

◇ «Все вещи уже были заложены, так что я даже отдал матери, таинственно от Версилова, мои таинственные шестьдесят рублей» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава первая, VIII). «Я непременно должен узнать всю правду в самый ближайший срок, ибо приехал судить этого человека. Свои силы я еще таил от него, но мне надо было или признать его, или оттолкнуть от себя вовсе. А последнее мне было бы слишком тяжело, и я мучился. Сделаю наконец полное признание: этот человек был мне дорог!» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава первая, VIII). «Конечно, я полагал помочь этому человеку не иначе как втайне, не выставляясь и не горячась, не ожидая ни похвал, ни объятий его» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава четвертая, III). «Кроме того, я видел ясно, что в

нем всегда как бы оставалась какая-то тайна; это-то и привлекало меня к нему все больше и больше» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава первая, IV).

Ценностно-смысловой ориентир «идеи»

2. 'власть' → 'ненависть' ↔ 'любовь' *К.У.* → 'осуждение'

◇ «Меня тянуло в этот неизвестный океан еще и потому, что я прямо мог войти в него властелином и господином даже чужих судеб, да еще чьих! Но великодушные, а не деспотические чувства кипели во мне – предуведомляю заранее, чтоб не вышло ошибки из слов моих» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава первая, VII). «Оскорбление было, но я его не почувствовал! Куда! я даже был рад; приехав ненавидеть, я даже чувствовал, что начинаю любить ее. «Я не знаю, может ли паук ненавидеть ту муху, которую наметил и ловит? Миленькая мушка! Мне кажется, жертву любят; по крайней мере можно любить. Я же вот люблю моего врага: мне, например, ужасно нравится, что она так прекрасна. Мне ужасно нравится, сударыня, что вы так надменны и величественны: были бы вы посмирнее, не было бы такого удовольствия» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава третья, I).

3. 'идея' *см. в.* → 'тайна' *см. в.* → 'сознание' → 'могущество'

◇ «Нет, тайное сознание могущества нестерпимо приятнее явного господства» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава третья, I).

4. 'общество' → 'позор' → 'идея' *см. в.* → 'утешение' – 'общество' ↔ 'идея' *К.У.* и 'позор' ↔ 'утешение' *К.У.*

◇ «Это желание прыгнуть на шею, чтоб признали меня за хорошего и начали меня обнимать или вроде того (словом, свинство), я считаю в себе самым мерзким из всех моих стыдов и подозревал его в себе еще очень давно, и именно от угла, в котором продержал себя столько лет, хотя не раскаиваюсь. Меня утешало, после всякого такого позора, лишь то, что все-таки «идея» при мне, в прежней тайне, и что я ее им не выдал» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава третья, IV).

5. 'упорство' → 'непрерывность' → 'восхищение' → 'могущество' ← 'уединение' *см. в.* ← 'тайна' *см. в.*

◇ «Дело очень простое, вся тайна в двух словах: упорство и непрерывность» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава пятая, I). «Я этот месяц выдержал, может быть только несколько расстроил желудок; но с следующего месяца я прибавил к хлебу суп, а утром и вечером по стакану чаю – и, уверяю вас, так провел год в совершенном здоровье и довольстве, а нравственно – в упоении и в непрерывном тайном восхищении» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава пятая, I). «Да, я жаждал могущества всю мою жизнь, могущества и уединения. Я мечтал о том даже в таких еще летах, когда уж решительно всякий засмеялся бы мне в глаза, если б разобрал, что у меня под черепом. Вот почему я так полюбил тайну» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава пятая, III).

Трансформация ценностно-смыслового ориентира

6. 'тайна' см. в → 'скрытое' → 'непознанное' → 'прекрасное' → 'Божия'

◇ «Все есть тайна, друг, во всем тайна Божия. В каждом дереве, в каждой былинке эта самая тайна заключена. Птичка ли малая поет, али звезды всем сонмом на небе блещут в ночи – все одна эта тайна, одинаковая. А всех большая тайна – в том, что душу человека на том свете ожидает». «–“Тем даже прекрасней оно, что тайна...” Это я запомню, эти слова» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава первая, III).

7. 'тайна Божия' → 'благообразие' → 'душа' → 'идеал' → 'свет' ↔ 'тьма' К.У. ← 'подлость' ← 'раздвоение'

◇ «Жажда благообразия была в высшей мере, и уж конечно так, но каким образом она могла сочетаться с другими, уж бог знает какими, жаждями – это для меня тайна. Да и всегда было тайною, и я тысячу раз дивился на эту способность человека (и, кажется, русского человека по преимуществу) лелеять в душе своей высочайший идеал рядом с величайшею подлостью, и все совершенно искренно. Широкость ли это особенная в русском человеке, которая его далеко поведет, или просто подлость – вот вопрос!» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава третья, I).

Эмоциональное сопровождение аксиологии 'тайна'

8. 'обида' → 'мечь' → 'страх'

◇ «Во-вторых, составил довольно приблизительное понятие о значении этих лиц (старого князя, ее, Бьоринга, Анны Андреевны и даже Версилова); третье: узнал, что я оскорблен и грожусь отмстить, и, наконец, четвертое, главнейшее: узнал, что существует такой документ, таинственный и спрятанный, такое письмо, которое если показать полусумасшедшему старику князю, то он, прочтя его и узнав, что собственная дочь считает его сумасшедшим и уже «советовалась с юристами» о том, как бы его засадить, – или сойдет с ума окончательно, или прогонит ее из дому и лишит наследства, или женится на одной mademoiselle Версиловой, на которой уже хочет жениться и чего ему не позволяют» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава четвертая, I). «Я – трус, я боюсь, что ваши тайны вырвут вас из моего сердца уже совсем, а я не хочу этого» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава четвертая, II). «– Слушайте, Татьяна Павловна: я вам сообщу одну страшную тайну, но только не сейчас, теперь нет времени, а завтра наедине, но зато скажите мне теперь всю правду, и что это за мертвая петля... потому что я весь дрожу...» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава девятая, II).

## 2. Когнитивно-эмоциональный уровень

1. 'отвержение' ↔ 'признание' *диал. дом.* Оценка взаимоотношений с отцом.
2. 'ненависть' ↔ 'любовь' *В.У. диал. дом.* Оценка отношений к Катерине Николаевне Ахмаковой.
3. 'общество' ↔ 'идея' *диал. дом.* Оценка преимущества идеи.
4. 'позор' ↔ 'утешение' *диал. дом.* Оценка положения в обществе.
5. 'подлость' ↔ 'идеал' *В.У. диал. дом.* Оценка «Я»-позиций.
6. 'тьма' ↔ 'свет' *В.У. диал. дом.* Оценка двойственности души.

## 3. Волеитивный уровень

1. 'любовь' *вол. дом.* Управление чувствами.

2. 'идеал' *вол. дом.* Управление «Я»-позицией.

3. 'свет' *вол. дом.* Управление «двойственностью» – «освещение» темной стороны «души».

**УЕДИНЕНИЕ.** *Акс.* Единение сознания и идеи в некоем месте с целью обретения спокойствия.

### 1. Эмоционально-поведенческий уровень

*Я.С.* 'уединение' *см. в.*, 'удаление', 'состояние', 'место', 'одиночество', 'пустыня'.

*С.П.*

#### Ценностно-смысловой ориентир «идеи»

1. 'общество' ↔ 'идея' *К.У.* → 'уединение' *см. в.* → 'утешение'

◇ «Уединение – главное: я ужасно не любил до самой последней минуты никаких сношений и ассоциаций с людьми; говоря вообще, начать «идею» я непременно положил один, это *sine qua*. Люди мне тяжелы, и я был бы неспокоен духом, а беспокойство вредило бы цели» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава пятая, II). «Вся цель моей “идеи” – уединение» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава пятая, III).

2. 'уединение' *см. в.* → 'могущество' → 'спокойствие' → 'сознание' → 'сила' → 'свобода'

◇ «– Но уединения можно достигнуть вовсе не топорщась стать Ротшильдом. К чему тут Ротшильд? / – А к тому, что кроме уединения мне нужно и могущество» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава пятая, III). «Да, я жаждал могущества всю мою жизнь, могущества и уединения» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава пятая, III). «Мне не нужно денег, или, лучше, мне не деньги нужны; даже и не могущество; мне нужно лишь то, что приобретается могуществом и чего никак нельзя приобрести без могущества: это уединенное и спокойное сознание силы! Вот самое полное определение свободы, над которым так бьется мир! Свобода! Я начертал наконец это великое слово... Да, уединенное

сознание силы – обаятельно и прекрасно. У меня сила, и я спокоен. Громы в руках Юпитера, и что ж: он спокоен; часто ли слышно, что он загремит?» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава пятая, III).

◇ П.И. Бог Юпитер – верховный бог, владыка богов и людей (в древнеримской мифологии (Энциклопедический словарь, URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/67111/Юпитер>).

Аксиологическое осмысление психоэмоционального состояния

3 ‘раздвоение’ ↔ ‘единение’ К.У. ← ‘свобода’ ← ‘сознание’ ← ‘спокойствие’

◇ «Вот это-то впечатление, замечу вперед, вот именно эта-то двойственность планов и целей моих, определившаяся еще в Москве и которая не оставляла меня ни на один миг в Петербурге (ибо не знаю, был ли такой день в Петербурге, который бы я не ставил впереди моим окончательным сроком, чтобы порвать с ними и удалиться), – эта двойственность, говорю я, и была, кажется, одною из главнейших причин многих моих неосторожностей, наделанных в году, многих мерзостей, многих даже низостей и, уж разумеется, глупостей» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава первая, VII).

4. ‘общество’ → ‘обида’ → ‘вина’ ↔ ‘невиновность’ К.У. ← ‘гордость’ ← ‘уединение’ см. в

◇ «Опять-таки, я давно уже заметил в себе черту, чуть не с детства, что слишком часто обвиняю, слишком склонен к обвинению других; но за этой склонностью весьма часто немедленно следовала другая мысль, слишком уже для меня тяжелая: “Не я ли сам виноват вместо них?” И как часто я обвинял себя напрасно! Чтоб не разрешать подобных вопросов, я, естественно, искал уединения. К тому же и не находил ничего в обществе людей, как ни старался, а я старался; по крайней мере все мои однолетки, все мои товарищи, все до одного, оказывались ниже меня мыслями; я не помню ни единого исключения» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава пятая, III).

5. ‘счастье’ → ‘спокойствие’ → ‘жизнь’

◇ «Особенно счастлив я был, когда, ложась спать и закрываясь одеялом, начинал уже один, в самом полном уединении, без ходящих кругом людей и без единого от них звука, пересоздавать жизнь на иной лад» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава пятая, III).

## 2. Когнитивно-эмоциональный уровень

1. 'общество' ↔ 'идея' *диал. дом.* Сравнительно-оценочное восприятие «идеи».
2. 'раздвоение' ↔ 'единение' *В.У. диал. дом.* Оценка сознательности.
3. 'вина' ↔ 'невиновность' *диал. дом.* Оценка эмоционального состояния.

## 3. Волевитивный уровень

1. 'единение' *вол. дом.* Познание бессознательного.

**ПРАВДА.** *Акс.* Истина, помысленная как благообразие, представляющее собой искренность с целью постижения Бога.

## 1. Эмоционально-поведенческий уровень

*Я.С.* 'правда' *см. в.*, 'действительность', 'истина', 'справедливость', 'идеал', 'любовь' *см. в.*, 'качество'.

*С.П.*

### Ценностно-смысловой ориентир взаимоотношений

1. 'правда' *см. в.* → 'знание' → 'истина' ← 'искренность'

◇ «Но имел ли он право смотреть таким образом – вот что меня волновало! Я непременно должен узнать всю правду в самый ближайший срок, ибо приехал судить этого человека» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава первая, VIII). «Умоляю вас сказать мне всю правду. Я именно хочу знать, какой он человек, а теперь – теперь больше, чем когда-нибудь это надо!» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава четвертая, I). «– Не отвечайте еще, Катерина Николавна, а

выслушайте все и потом скажите всю правду. Я разом сломал все заборы и полетел в пространство» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава четвертая, I). «Искренно говорю. Но все-таки надо, чтобы вы теперь мне что-нибудь сказали... признались (простите это слово). Мне надо правду. Почему-то так надо!» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава четвертая, II).

2. 'социальное неравенство' → 'глупость' → 'грубость' → 'наивность'

◇ «— Катерина Николаевна! Кто, кто, скажите, заставляет вас делать такие признания мне вслух? – вскрикнул я, как опьянелый, – ну что бы вам стоило встать и в отборнейших выражениях, самым тонким образом доказать мне, как дважды два, что хоть оно и было, но все-таки ничего не было, – понимаете, как обыкновенно умеют у вас в высшем свете обращаться с правдой? Ведь я глуп и груб, я бы вам тотчас поверил, я бы всему поверил от вас, что бы вы ни сказали! Ведь вам бы ничего не стоило так поступить?» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава четвертая, II).

### Ценностно-смысловой ориентир самопознания

3. 'сомнение' → 'раздвоение'

◇ «Когда я дошел до «документа», то подумал про себя: «Сказать ему настоящую правду или не сказать?» – и не сказал, несмотря на весь мой восторг. Это я отмечаю здесь для памяти на всю мою жизнь» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава пятая, III). «Послушайте, как вы думаете: поехать мне к ней сейчас, чтобы всю правду узнать, или нет? Я говорил «хохочу», а у меня были слезы на глазах» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава пятая, III).

4. 'искренность' → 'невиновность'

◇ «Наконец-то я застал Татьяну Павловну! Я разом изложил ей все – все о документе и все, до последней нитки, о том, что у нас теперь на квартире. Хотя она и сама слишком понимала эти события и могла бы с двух слов схватить дело, однако изложение заняло у нас, я думаю, минут десять. Говорил я один, говорил всю правду и не стыдился» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава двенадцатая, I).

5. 'тьма' → 'ложь' ↔ 'истина' *К.У.* → 'возвышение' → 'Бог' → 'идеал' → 'благообразие'.

◇ «Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман? / – Но ведь это же верно, – вскричал я, – в этих двух стихах святая аксиома!» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава десятая, I).

◇ *П.Т.* «Да будет проклят правды свет, / Когда посредственности хладной, / Завистливой, к соблазну жадной, / Он угождает праздно! — Нет! / Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман... / Оставь герою сердце! Что же / Он будет без него? Тиран...» (Пушкин, «Герой»).

◇ «Я все-таки верю в то, что бесконечно меня выше, и не теряю моего идеала!..» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава пятая, III).

◇ «И еще скажу: благообразия не имеют, даже не хотят сего; все погибли, и только каждый хвалит свою погибель, а обратиться к единой истине не помыслит; а жить без Бога – одна лишь мука. И выходит, что чем освещаемся, то самое и проклинаяем, а и сами того не ведаем» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава вторая, III).

◇ *П.Т.* «Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (Достоевский, письмо Н.Д. Фонвизиной).

## 2. Когнитивно-эмоциональный уровень

1. 'ложь' ↔ 'истина' *В.У. диал. дом.* Оценка духовно-нравственного идеала.

## 3. Волевый уровень

1. 'идеал' *вол. дом.* Управление мировоззрением.

2. 'истина' *вол. дом.* Выбор духовно-нравственного идеала.

**ЛЮБОВЬ.** *Акс.* Смирение как идея для жизни с целью обретения бессмертия.

## 1. Эмоционально-поведенческий уровень

*Я.С.* ‘любовь’ см. в, ‘любовь’, ‘чувство’, ‘социальный долг’, ‘надежда’, ‘преодоление границ собственного «я»’, ‘благо’, ‘величайшая жертва’.

*С.П.*

### Чувства к отцу

1. ‘любовь’ ↔ ‘ненависть’ *К.У.*, ‘зависимость’, ‘сомнение’, ‘радость’, ‘ревность’

◇ «Что отец – это бы еще ничего, и нежностей я не любил, но человек этот меня знать не хотел и унизил, тогда как я мечтал о нем все эти годы взасос (если можно так о мечте выразиться). Каждая мечта моя, с самого детства, отзывалась им: витала около него, сводилась на него в окончательном результате. Я не знаю, ненавидел или любил я его, но он наполнял собою все мое будущее, все расчеты мои на жизнь, – и это случилось само собою, это шло вместе с ростом» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава первая, VII). «Да и вина ли его в том, что я влюбился в него и создал из него фантастический идеал? Да я даже, может быть, вовсе и не любил его!» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава четвертая, III). «О, если б я не любил его, я бы не обрадовался так его ненависти!» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава девятая, III). «Я знал, серьезно знал, все эти три дня, что Версилов придет сам, первый, – точь-в-точь как я хотел того, потому что ни за что на свете не пошел бы к нему первый, и не по строптивости, а именно по любви к нему, по какой-то ревности любви, – не умею я этого выразить» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава вторая, II). «Я прямо скажу, что никогда столько не любил его, как теперь, и мне жаль, что не имею ни времени, ни места, чтобы поболее поговорить о нем» (Достоевский, «Подросток», Заключение, I).

### Чувства к матери

2. ‘любовь’ ↔ ‘ненависть’ *К.У.*, ‘постоянство’, ‘раздражение’, ‘тоска’

◇ «Скажи маме, что я люблю ее» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава девятая, I). «Покажись ты мне хоть разочек теперь, приснись ты мне хоть во сне только, чтоб только я сказал тебе, как люблю тебя, только чтоб обнять мне тебя и поцеловать твои синенькие глазки, сказать тебе, что я совсем тебя уж теперь не стыжусь, и что я тебя и тогда любил, и что сердце мое ныло тогда, а я только сидел как лакей» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава девятая, II). «Всего больше я мучил маму и на нее раздражался. И вдруг мне стало досадно, что я ворчу: “Ее-то одну, может быть, я и люблю, а ее же и мучаю”. Но злость не унималась, и я от злости вдруг расплакался, а она, бедненькая, подумала, что я от умиления заплакал, нагнулась ко мне и стала целовать. Я скрепился и кое-как вытерпел и действительно в ту секунду ее ненавидел. Но маму я всегда любил, и тогда любил, и вовсе не ненавидел, а было то, что всегда бывает: кого больше любишь, того первого и оскорбляешь» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава первая, I).

#### Чувства к сестре

3. ‘любовь’ см. в → ‘прямолинейность’, ‘искренность’, ‘взаимность’, ‘жалость’ → ‘боль’

◇ «— Я тебя ужасно люблю, Лиза» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава десятая, III). «Я на тебя смотрю и люблю тебя» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава десятая, III). «Итак, что до чувств и отношений моих к Лизе, то все, что было наружу, была лишь напускная, ревнивая ложь с обеих сторон, но никогда мы оба не любили друг друга сильнее, как в это время» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава вторая, I). «О, мне было жаль Лизу, и в сердце моем была самая нелицемерная боль!» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава четвертая, IV).

#### Чувства к женщине

4. ‘привязанность’ → ‘страсть’ → ‘подавление’ → ‘уничтожение’ → ‘ненависть’ ↔ ‘любовь’ К.У. ← ‘восхищение’ ← ‘святость’ ← ‘невиновность’ ← ‘вдохновение’

◇ «Но полюбить на всю жизнь – это слишком» 1 1 5; «Куда! я даже был рад;

приехав ненавидеть, я даже чувствовал, что начинаю любить ее. «Я не знаю, может ли паук ненавидеть ту муху, которую наметил и ловит? Миленькая мушка! Мне кажется, жертву любят; по крайней мере можно любить. Я же вот люблю моего врага: мне, например, ужасно нравится, что она так прекрасна» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава третья, I). «И знаешь, это ты хорошо сказал, чтобы в кулаке держать. Любить, страстно любить, со всем великодушием, какое в мужчине и какого никогда не может быть в женщине, но и деспотировать – это хорошо» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава шестая, I). «Потому что этакая насильственная, дикая любовь действует как припадок, как мертвая петля, как болезнь, и – чуть достиг удовлетворения – тотчас же упадает пелена и является противоположное чувство: отвращение и ненависть, желание истребить, раздавить» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава одиннадцатая, I). «И что ж, что я ее люблю, продолжал я вдохновенно и сверкая глазами, – я не стыжусь этого: мама – ангел небесный, а она – царица земная!» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава двенадцатая, I).

#### Чувства к другу

5. 'любовь' см. в → 'искренность' → 'дружба'

◇ «Но прибавлю, однако, необходимое: Татьяна Павловна, искренний и любимый друг мой, пристает ко мне чуть не каждый день с увещаниями непременно и как можно скорее поступить в университет: “Потом, как кончишь учение, тогда и выдумывай, а теперь доучись”» (Достоевский, «Подросток», Заключение, II).

#### Восприятие эмоционального состояния

6. 'любовь' см. в → 'боль' → 'интерес' → 'страх' → 'ненависть' → 'раздвоение'

◇ «Уж одно бы это чувство боли за нее могло бы, кажется, смирить или стереть во мне, хоть на время, плотоядность (опять поминаю это слово). Но меня влекло безмерное любопытство, и какой-то страх, и еще какое-то чувство – не знаю какое; но знаю и знал уже и тогда, что оно было недоброе. Может быть, я стремился пасть к ее ногам, а может быть, хотел бы предать ее на все муки и что-то «поскорей,

поскорей» доказать ей. Никакая боль и никакое сострадание к Лизе не могли уже остановить меня. Ну мог ли я встать и уйти домой... к Макару Ивановичу?» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава четвертая, IV).

Ценностно-смысловой ориентир восприятия человечества

7. 'выгода' → 'обида' → 'несчастье'

◇ «Да зачем я непременно должен любить моего ближнего или ваше там будущее человечество, которое я никогда не увижу, которое обо мне знать не будет и которое в свою очередь истлеет без всякого следа и воспоминания (время тут ничего не значит), когда Земля обратится в свою очередь в ледяной камень и будет летать в безвоздушном пространстве с бесконечным множеством таких же ледяных камней, то есть бессмысленнее чего нельзя себе и представить!» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава третья, V). «— Господа, – дрожал я весь, – я мою идею вам не скажу ни за что, но я вас, напротив, с вашей же точки спрошу, – не думайте, что с моей, потому что я, может быть, в тысячу раз больше люблю человечество, чем вы все, вместе взятые!» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава третья, V). «А что ж, может, и лучше, что оскорбляют люди: по крайней мере избавляют от несчастья любить их» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава четвертая, II).

8. 'искренность' → 'любовь' см. в → 'прощение' → 'абсолютная любовь' → 'смирение' → 'гуманность' → 'бессмертие' → 'свобода'

◇ «Любовь его к человечеству я признаю за самое искреннее и глубокое чувство, без всяких фокусов; а любовь его к маме за нечто совершенно неоспоримое, хотя, может быть, немного и фантастическое» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава восьмая, I).

◇ «Я перекрестился с любовью, лег на нары и заснул ясным, детским сном (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава двенадцатая, II).

◇ П.Т. «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает

солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Евангелие от Матфея, 5: 44). «Истинно говорю вам: если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Евангелие от Матфея, 18: 3).

9. 'искренность' → 'веселость' → 'смирение' → 'всепрощение' → 'абсолютная любовь' → 'благообразие' → 'совесть'

◇ «А пока лишь скажу одно: пусть читатель помнит душу паука. И это у того, который хотел уйти от них и от всего света во имя “благообразия”» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава третья, I). «Прежде всего привлекало в нем, как я уже и заметил выше, его чрезвычайное чистосердечие и отсутствие малейшего самолюбия; предчувствовалось почти безгрешное сердце. Было “веселие” сердца, а потому и “благообразие”. Слово “веселие” он очень любил и часто употреблял» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава третья, II). «О, я все это припоминаю до мелочи, чтоб читатель видел, что, при всех восторгах и при всех клятвах и обещаниях возродиться к лучшему и искать благообразия, я мог тогда так легко упасть и в такую грязь!» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава шестая, I).

10. 'хаос' ↔ 'порядок' *К.У.* ← 'благообразие'

◇ «Но это желание беспорядка – и даже чаще всего – происходит, может быть, от затаенной жажды порядка и “благообразия” (употребляю ваше слово)?» (Достоевский, «Подросток», Заключение, III).

## 2. Когнитивно-эмоциональный уровень

- 1) 'ненависть' ↔ 'любовь' *В.У. диал. дом.* Оценка отношений к близким.
- 2) 'хаос' ↔ 'порядок' *диал. дом.* Оценка психоэмоционального состояния.

## 3. Волевый уровень

- 1) 'любовь' *вол. дом.* Управление отношением к людям.
-

**УГОЛ.** *Симв.* Некое место, помысленное как уединение души с целью обретения света.

### 1. Эмоционально-поведенческий уровень

*Я.С.* ‘угол’ *см. в.*, ‘комната’, ‘место’, ‘отдаленность’, ‘пространство’, ‘важное дело’.

*С.П.*

#### Символизация «идеи»

1. ‘идея’ *см. в.* → ‘уединение’ *см. в.* → ‘угол’ *см. в.* → ‘мрак’ *см. в.*

◇ «Моя идея – угол» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава третья, IV). «Моя идея – это мрак и уединение» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава восьмая, V).

2. ‘угол’ *см. в.* → ‘уединение’ *см. в.* → ‘тьма’ *см. в.* → ‘защита’ → ‘пустота’ → ‘удаление’

◇ «Только теперь я осмыслил, в чем дело: виною была «идея». Короче, я прямо вывожу, что, имея уме нечто неподвижное, всегдашнее, сильное, которым страшно занят, – как бы удаляешься тем самым от всего мира в пустыню, и все, что случается, проходит лишь вскользь, мимо главного» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава пятая, III).

3. ‘одиночество’ → ‘нетерпение’ → ‘жизнь’ → ‘сон’ → ‘укрытие’ → ‘ненастье’ → ‘тьма’ *см. в.*

◇ «Все это от невыдержки и оттого, что вырос в углу» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава вторая, III). «В гимназии я с товарищами был на ты, но ни с кем почти не был товарищем, я сделал себе угол и жил в углу» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава третья, III). «Затем, для житья моего мне нужен был угол, угол буквально, единственно чтобы выспаться ночью или укрыться уже в слишком ненастный день» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава пятая, II). «Я обыкновенно входил молча и угрюмо, смотря куда-нибудь в угол, а иногда входя не здоровался» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава шестая, I).

◇ «Угрюмый» – суровый, неприветливый, мрачный (Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова, URL:<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1063898>)

Символизация эмоционального состояния

4. ‘злость’ → ‘наказание’ → ‘вина’ → ‘угол’ *см. в.* → ‘невидимость’ и ‘скрытность’

◇ «– Ну, а если эта красавица обратит на него внимание, несмотря на то что он так ничтожен, стоит в углу и злится, потому что «маленький», и вдруг предпочтет его всей толпе окружающих ее обожателей, что тогда? – спросил я вдруг с самым смелым и вызывающим видом. Сердце мое застучало» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава третья, III). «Мне было все равно, потому что я решился, и, кроме того, все это меня поражало; я сел молча в угол, как можно более в угол, и просидел, не смигнув и не пошевелившись, до конца объяснения...» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава восьмая, IV). «Очнувшись, я машинально запахнул на себе шубу, вдруг ощутив нестерпимый холод, и, еще плохо сознавая, что делаю, пополз в угол ворот и там присел, съезжившись и скорчившись, в углублении между воротами и выступом стены. Мысли мои мешались, и, вероятно, я очень быстро задремал. (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава девятая, III).

5. ‘тьма’ *см. в.* → ‘размышление’ → ‘ожидание света’ → ‘злость’

◇ «Я забрел в самый темный угол, сел на диван и, положив локти на стол, подпер обеими руками голову. Да, вот вопрос: «Что мне теперь нужно?» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава восьмая, V). «Вот эссенция моих вопросов или, лучше сказать, биений сердца моего, в те полтора часа, которые я просидел тогда в углу на кровати, локтями в колена, а ладонями подпирая голову» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава четвертая, IV). «Я ничего не сказал ему, но, отойдя в угол и взявшись за голову руками, так простоял с минуту» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава одиннадцатая, II).

6. ‘душа’ → ‘свет’ ↔ ‘тьма’ *К.У.*

◇ «Я лежал лицом к стене и вдруг в углу увидел яркое, светлое пятно заходящего солнца, то самое пятно, которое я с таким проклятием ожидал давеча, и вот помню, вся душа моя как бы взыграла и как бы новый свет проник в мое сердце» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава первая, III).

## 2. Когнитивно-эмоциональный уровень

1. 'свет' *В.У.* ↔ 'тьма' *диал. дом.* Символизация двойственности психоэмоционального состояния.

## 3. Волитивный уровень

1. 'свет' *вол. дом.* Управление двойственностью психоэмоционального состояния.

**МРАК.** *Симв.* Состояние раздвоения и смерти во тьме в душе с целью обретения света.

### 1. Эмоционально-поведенческий уровень

*Я.С.* 'мрак' *см. в.*, 'тьма' *см. в.*, 'состояние', 'отсутствие света', 'угрюмый', 'невеселый', 'невежество', 'неизвестность'.

*С.П.*

#### Символизация «идеи»

1. 'поведение' → 'общество' → 'отчуждение' → 'идея' *см. в.* → 'тьма' *см. в.*

◇ «Я знал, что мне надо держать себя в людях мрачнее» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава третья, IV). «Да, я сумрачен, я непрерывно закрываюсь. Я часто желаю выйти из общества. Я, может быть, и буду делать добро людям, но часто не вижу ни малейшей причины им делать добро. И совсем люди не так прекрасны, чтоб о них так заботиться» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава пятая, III). «Моя идея – мрак и уединение» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава восьмая, V).

Символизация психоэмоциональных процессов

2. 'мрак' см. в. → 'раздвоение' → 'сумасшествие';

◇ «Ее я, конечно, никогда не видал, да и представить не мог, как буду с ней говорить, и буду ли; но мне представлялось (может быть, и на достаточных основаниях), что с ее приездом рассеется и мрак, окружавший в моих глазах Версилова» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава вторая, II). «А двойник, двойник! – воскликнул я. – Да ведь он с ума сошел!» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава десятая, III).

3. 'мрак' см. в. → 'взгляд' → 'горе' → 'душа' → 'смерть'.

◇ «Сначала я был совершенно ничего и даже на них сердился; жил в Луге, познакомился с Лизаветой Макаровой, но потом, еще месяц спустя, я уже смотрел на мой револьвер и подумывал о смерти. Я смотрю на каждое дело мрачно, Аркадий Макарович» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава седьмая, III). «– Это что еще! Как в каторгу? – вскочил я, в ужасе смотря на него. Лицо его выражало глубочайшую, мрачную, безысходную горесть» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава седьмая, III).

4. 'тьма' ↔ 'свет' К.У.

◇ «Я тоже вышел в волнении, но... То-то и есть, что тогда сияло совсем другое, и я так много пропускал мимо глаз легкомысленно: спешил пропускать, гнал все мрачное и обращался к сияющему...» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава третья, I).

5. 'вина' → 'отвращение' → 'грусть'

◇ «Я чувствовал тоже, что испортил свое положение: еще больше мраку оказывалось в том, как мне теперь поступить с письмом о наследстве» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава седьмая, III). «И вдруг, помню, мне стало ужасно омерзительно вспоминать... и досадно и тошно, и на них и на себя. Я в чем-то упрекал себя и старался думать о другом» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава девятая, III). «О, никогда эти люди, эти лица, эти круперы, эти игорные крики, вся эта подлая зала у Зерщикова, никогда не казалось мне все это так омерзительно, так мрачно, так грубо и грустно, как в этот раз! Я слишком

помню скорбь и грусть, по временам хватавшую меня за сердце во все эти часы у стола» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава восьмая, VI).

## 2. Когнитивно-эмоциональный уровень

1. 'тьма' ↔ 'свет' В.У. диал. дом Символизация двойственности психоэмоционального состояния.

## 3. Волевый уровень

1. 'свет' вол. дом. Управление двойственностью психоэмоционального состояния.

**СВЕТ.** Симв. Взгляд с надеждой, верой и любовью в сознание, душу и совесть с целью обретения единения и счастья.

### 1. Эмоционально-поведенческий уровень

Я.С. 'свет' см. в., 'взгляд', 'луч', 'состояние', 'озаренность', 'радость', 'счастье' см. в., 'веселость', 'душа', 'надежда', 'божественный свет', 'правда' см. в., 'идея' см. в., 'просветление'.

С.П.

#### Символизация восприятия человека

1. 'взгляд' → 'свет' см. в. → 'тишина' → 'спокойствие' → 'притяжение'

◇ «Щеки ее были очень худы, даже ввалились, а на лбу сильно начинали скопляться морщинки, но около глаз их еще не было, и глаза, довольно большие и открытые, сияли всегда тихим и спокойным светом, который меня привлек к ней с самого первого дня» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава шестая, I) – о матери.

2. 'взгляд' → 'свет' см. в. → 'радость' → 'счастье' → 'душа';

◇ «Я все не подымал на нее глаз: поглядеть на нее значило облиться светом, радостью, счастьем, а я не хотел быть счастливым» (Достоевский, «Подросток»,

часть вторая, глава четвертая, I). «– Я вам сам дверь отворю, идите, но знайте: я принял одно огромное решение; и если вы захотите дать свет моей душе, то воротитесь, сядьте и выслушайте только два слова» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава четвертая, I) – о Катерине Николаевне Ахмаковой.

3. 'возбуждение' ↔ 'веселость' К.У. → 'свет' см. в.

◇ «Повторяю, я еще не видал его в таком возбуждении, хотя лицо его было весело и сияло светом; но я заметил, что когда он вынимал из портмоне два двугривенных, чтоб отдать офицеру, то у него дрожали руки, а пальцы совсем не слушались, так что он наконец попросил меня вынуть и дать поручику; я забыть этого не могу» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава пятая, III) – об Андрее Петровиче Версилове.

4. 'смех' см. в. → 'свет' см. в. → 'веселость' → 'душа'

◇ «Напротив, как бы рассмотрев меня всего, до последней черты, в эти пять или десять секунд молчания, он вдруг улыбнулся и даже тихо и неслышно засмеялся, и хоть смех прошел скоро, но светлый, веселый след его остался в его лице и, главное, в глазах, очень голубых, лучистых, больших, но с опустившимися и припухшими от старости веками, и окруженных бесчисленными крошечными морщинками. Этот смех его всего более на меня подействовал» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава первая, II) – о Макаре Ивановиче Долгоруком.

#### Символизация осознанности

5. 'свет' см. в. → 'память' → 'мечта' → 'осмысление' → 'совесть' → 'веселость'

◇ «Помню еще около дома огромные деревья, липы кажется, потом иногда сильный свет солнца в отворенных окнах, палисадник с цветами, дорожку, а вас, мама, помню ясно только в одном мгновении, когда меня в тамошней церкви раз причащали и вы приподняли меня принять дары и поцеловать чашу; это летом было, и голубь пролетел насквозь через купол, из окна в окно...» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава шестая, III). «Всякое раннее утро, петербургское в том числе, имеет на природу человека отрезвляющее действие. Иная пламенная

ночная мечта, вместе с утренним светом и холодом, совершенно даже испаряется, и мне самому случалось иногда припоминать по утрам иные свои ночные, только что минувшие грезы, а иногда и поступки, с укоризною и стыдом» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава восьмая, I). «Я не только был оживлен ужасно, но минутами, кажется, весел. Припоминаю солнце, вдруг осветившее комнату, когда подняли шторы, и затрещавшую печку, которую кто-то затопил, – кто и как – не запомню» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава девятая, III).

б. 'сознание' → 'идея' см. в. → 'жизнь' → 'свет' см. в. → 'душа' → 'истина'

◇ «К тому же сознание, что у меня, во мне, как бы я ни казался смешон и унижен, лежит то сокровище силы, которое заставит их всех когда-нибудь изменить обо мне мнение, это сознание – уже с самых почти детских униженных лет моих – составляло тогда единственный источник жизни моей, мой свет и мое достоинство, мое оружие и мое утешение, иначе я бы, может быть, убил себя еще ребенком. (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава шестая, II). «Кажется, я минут на десять или более забылся совсем, заснул, но взвизгнула болонка, и я очнулся: сознание вдруг на мгновение воротилось ко мне вполне и осветило меня всем своим светом; я вскочил в ужасе» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава девятая, III). «Но слабый свет сознания скоро померк: к вечеру этого второго дня я уже был в полной горячке» (Достоевский, «Подросток», часть вторая, глава девятая, IV). «В такую минуту решают судьбу свою, определяют воззрение и говорят себе раз на всю жизнь: “Вот где правда и вот куда идти, чтоб достать ее”. Да, те мгновения были светом души моей» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава двенадцатая, II).

### Символизация духовно-нравственных идеалов

7. 'свет' см. в. → 'душа' → 'надежда' → 'вера' → 'любовь' см. в. → 'счастье' → 'единение'

◇ «Я лежал лицом к стене и вдруг в углу увидел яркое, светлое пятно заходящего солнца, то самое пятно, которое я с таким проклятием ожидал давеча, и вот помню, вся душа моя как бы выиграла и как бы новый свет проник в мое

сердце. Помню эту сладкую минуту и не хочу забыть. Это был лишь миг новой надежды и новой силы... Я тогда выздоравливал, а стало быть, такие порывы могли быть неминуемым следствием состояния моих нервов; но в ту самую светлую надежду я верю и теперь – вот что я хотел теперь записать и припомнить» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава первая, III).

## 2. Когнитивно-эмоциональный уровень

1. 'тьма' ↔ 'свет' *В.У. диал. дом.* Символизация двойственности мышления.
2. 'возбуждение' ↔ 'веселость' *В.У. диал. дом.* Символизация эмоционального состояния.

## 3. Волитивный уровень

1. 'свет' *вол. дом.* Управление двойственностью мышления.
2. 'счастье' *вол. дом.* Управление восприятием действительности.
3. 'единение' *вол. дом.* Познание бессознательного.
4. 'веселость' *вол. дом.* Управление эмоциональным состоянием.

**СМЕХ.** *Симв.* Истина, проявляющаяся как искренность души с целью отражения в ней веселости, злобы и доброты.

## 1. Эмоционально-поведенческий уровень

*Я.С.* 'смех' *см. в.*, 'веселость' *см.в.*, 'насмешка' 'чувство', 'радость', 'злоба', 'пренебрежение', 'скрытность'.

*С.П.*

### Символизация восприятия отношения к себе

1. 'я' ↔ 'они' *К.У.* → 'смех' → 'обман' → 'насмешка' → 'одиночество' → 'слабость'

◇ «Так я и делал; но все они тотчас же меня надували и с насмешкой от меня закрывались» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава пятая, III). «Я

перешел с удивлением и очень оробев: никогда еще со мной грубо не обходились. Через полчаса, когда Тушар вышел из классной, я стал переглядываться с товарищами и пересмеиваться; конечно, они надо мною смеялись, но я о том не догадывался и думал, что мы смеемся оттого, что нам весело. Тут как раз налетел Тушар, схватил меня за вихор и давай таскать. «Ты не смеешь сидеть с благородными детьми, ты подлого происхождения и все равно что лакей!» И он пребольно ударил меня по моей пухлой румяной щеке <...> Я, помню, все хотел его чем-то обезоружить, бросался целовать его руки и целовал их и все плакал-плакал. Товарищи смеялись надо мною и презирали меня, потому что Тушар стал употреблять меня иногда как прислугу, приказывал подавать себе платье, когда одевался» (Достоевский, «Подросток», часть первая, глава шестая, IV).

#### Символизация психоэмоциональных состояний

2. ‘отвращение’ → ‘злоба’ ↔ ‘доброта’ К.У. → ‘искренность’ → ‘веселость’ → ‘душа’ → ‘тайна’ → ‘истина’

◇ «Смехом иной человек себя совсем выдает, и вы вдруг узнаете всю его подноготную. Даже бесспорно умный смех бывает иногда отвратителен. Смех требует прежде всего искренности, а где в людях искренность? Смех требует беззлобия, а люди всего чаще смеются злобно. Искренний и беззлобный смех – это веселость, а где в людях в наш век веселость, и умеют ли люди веселиться? (О веселости в наш век – это замечание Версилова, и я его запомнил.) Веселость человека – это самая выдающая человека черта, с ногами и руками. Иной характер долго не раскусите, а рассмеется человек как-нибудь очень искренно, и весь характер его вдруг окажется как на ладони. Только с самым высшим и с самым счастливым развитием человек умеет веселиться общительно, то есть неотразимо и добродушно» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава первая, II).

3. ‘обман’ → ‘горе’ → ‘отвращение’ ↔ ‘веселость’ К.У. → ‘счастье’ → ‘чистота’ → ‘простодушие’ → ‘искренность’

◇ «Но я понимаю лишь то, что смех есть самая верная проба души. Взгляните на ребенка: одни дети умеют смеяться в совершенстве хорошо – оттого-то они и обольстительны. Плачущий ребенок для меня отвратителен, а смеющийся и веселящийся – это луч из рая, это откровение из будущего, когда человек станет наконец так же чист и простодушен, как дитя» (Достоевский, «Подросток», часть третья, глава первая, II).

◇ *П.Т.* «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Евангелие от Матфея, 18, 3).

## **2. Когнитивно-эмоциональный уровень**

1. ‘я’ ↔ ‘они’ *диал. дом.* Символизация восприятия коммуникации.
2. ‘обман’ ↔ ‘искренность’ *диал. дом.* Символизация качества общения.
3. ‘доброта’ ↔ ‘злоба’ *диал. дом.* Символизация эмоциональных качеств собеседника.
4. ‘горе’ ↔ ‘счастье’ *В.У. диал. дом.* Символизация психоэмоционального состояния.
5. ‘отвращение’ ↔ ‘веселость’ *В.У. диал. дом.* Символизация психоэмоциональных реакций.

## **3. Волевый уровень**

1. ‘веселость’ *вол. дом.* Управление эмоциональным состоянием в процессе общения.
  2. ‘счастье’ *вол. дом.* Управление восприятием коммуникации.
-